

Заза Двалишвили

Сон Геродота

18+

Заза Ревазович Двалишвили

Сон Геродота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66073636

SelfPub; 2021

Аннотация

Действие в произведении происходит в античном городе Фазиси, куда приезжает историк Геродот и где с ним происходят дивные истории. Прежде всего, он обнаруживает, что попал в город, где странным образом исчезло время и где бок-о-бок живут люди разных поколений и даже эпох. В этом мире все, как обычно, кроме того, что отсутствует само время. Только впоследствии выясняется, что Геродот спал, и вся эта история о событиях, которые еще не произошли, и о людях, многие из которых еще и не родились, ему просто приснилась. Он в разных ракурсах видел всю последующую историю этого города и через ее призму всю историю человечества с ее рождением, взрослением и старостью. Сон улетучивается бесследно в первые секунды после пробуждения. После Геродот не мог вспомнить, о чем был сон, помнил только, что он был слишком странным и необычным. Быть может, и жизнь наша всего лишь сон, а мы – мимолетные гости в этом мире. И до, и после лежит океан вечности, а жизнь - вот она есть – и нет ее.

Заза Двалишвили

Сон Геродота

Диалог человека с Богом, произошедший на том свете

– Господи, зачем я жил на свете?

– Вы, люди, все одинаковы, задаете одни и те же вопросы, я уже устал объяснять... Вот недавно один чудак тоже приставал со своими расспросами.

– О чем же он хотел узнать?

– Господи, – обращался он ко мне, – это правда, что для Тебя тысяча лет как одна секунда?

– Да, – отвечал я ему.

– А правда, что один миллиард для тебя как один цент?

В знак согласия я кивнул головой. Тогда этот бедняга упал на колени, протянул руки ко мне и взмолился:

– Господи, дай мне один цент.

– Хорошо, – ответил я, – сейчас дам, подожди секунду.

– И что же было дальше?

– Он так и не дождался этой секунды. – В голосе Всевышнего слышались печальные нотки.

– Я прожил сорок пять лет и умер, так и не поняв, ради чего родился и жил на свете.

– Ты ведь уже умер, разве теперь это не все равно?

– Я не Будда и не граф Толстой, и из-за своей смерти не буду устраивать вселенскую катастрофу, но моя жизнь – это моя жизнь, после отправь меня хоть в ад, хоть в рай или чистилище, но сначала ответь мне на этот вопрос...

Книга первая

Испорченное время

1

– Была пора, когда времени не существовало, потом люди придумали время и разложили события в соответствии

с ним; но в этот девственный край цивилизация еще не добралась, во всяком случае, пока. – Сказав эти слова, капитан почесал бороду и бросил на собеседника хитрый взгляд прищуренных глаз.

Бывший гражданин города Галикарнаса, молодой ученый и путешественник Геродот не мог понять, куда клонит капитан. Вот уже шел третий день, как их корабль, выйдя из Синопской гавани и взяв курс на восток, плыл вдоль южного побережья понта. Береговой ландшафт, действительно, поражал своей первозданностью. Наверное, за последние тысячу лет здесь ничего не изменилось.

– Такое ощущение, будто из-за густого прибрежного леса вот-вот покажутся всадницы-амазонки, или за очередным мысом неожиданно наткнешься на корабль Арго с золотым руном, – обратился Геродот к капитану, в ответ на что тот и высказал эту странную мысль насчет времени.

Молодой путешественник, наклонив голову на бок, старался переварить услышанное, но это не очень-то получалось, и тогда он спросил напрямик:

– Что это значит, то есть, что ты этим хочешь сказать?

– Дело в том, что время – это продукт цивилизации, а мы

уже вышли за ее пределы. В этом диком краю о времени еще не слышали, можно сказать, что его здесь попросту нету, а это значит, что теперь может произойти все что угодно: и встреча с амазонками, и с аргонавтами. Вон видишь, в небе орел парит, скорее всего, это посланник Зевса летит за печеню Прометея, прикованного где-то недалеко в кавказских горах.

Действительно, огромная птица с широко раскрытыми крыльями пролетела над мачтой корабля и вскоре исчезла в прибрежном тумане. Корабль все ближе подплывал к берегу, и над туманом показались очертания снежных вершин кавказских гор. Геродот не ведал даже, что горы могут быть столь огромными, и теперь, раскрыв рот, в немом изумлении созерцал эту прекрасную и величавую картину.

– Впечатляет, да? – спросил капитан. – Первый раз при виде этих гор все немеют, а потом привыкают.

– Похоже на обиталище циклопов или богов. Наверное, сюда давно уже не заходили греческие корабли.

– Слово «давно» здесь не очень уместно. Я же говорил, что в этих краях времени не существует. Нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, а есть одно вечное сейчас.

В это время в рассеивающейся дымке выступили очертания береговой линии, и Геродот вскоре смог различить впадающую в море прозрачную быстротечную пенистую реку и город со множеством причудливых зданий, раскинувшийся на берегу этой реки.

– Откуда здесь город? – с удивлением спросил он. – Я слышал только о фактории, которую недавно обосновали синопские колонисты.

– Да это же Фазиси. И река, и город носят одинаковое название, твой проксен Диомед живет именно здесь.

– Ты можешь показать мне его дом? Я ведь здесь чужак, никого не знаю.

– Конечно, могу, заодно навещу Диомеда. Он замечательный парень, и вино у него великолепное.

Корабль уже заходил в гавань, и скоро моряки бросили якорь. Геродот вместе с другими пассажирами пересел в лодку. Капитан расположился на корме и гребцы взялись за весла. Люди в лодке оживленно переговаривались, видно, после утомительного путешествия прибытие на долгожданый берег расположило всех на оптимистический лад.

– Какая странная вода, неужели она питьевая? – Геродот, зачерпнув рукой за кормой, поднес мокрые пальцы ко рту.

– Это не морская вода, а речная, – объяснил капитан, – Вода Фазиси самая чистая и легкая во всей ойкумени, и потому, впадая в море, она, не смешиваясь, находится на его поверхности, и пить ее можно сколько угодно. Говорят, что она даже имеет целебные свойства.

– И правда, питьевая. На вкус немного соленая, но пить можно. А что это за памятник стоит у устья реки?

– Это не памятник, а статуя богини-покровительницы этого города. Мы, эллины, называем ее Фасиане.

Лодка проплыла мимо огромной, высотой с трехэтажный дом, статуи сидящей в кресле богини и причалила к берегу.

– Вот и прибыли, суши весла, выходим на берег, – командовал капитан.

В порту было многолюдно: матросы, купцы, горожане, женщины-торговки,

вокруг все шумело и галдело. Геродот рисковал затеряться в этой пестрой и многоголосой толпе, но благо, капитан

был рядом, он взял за руку молодого ученого и уверенным шагом стал рассекать людскую волну.

– Иди за мной, не отставай, а то долго потом придется тебя искать, – почти прокричал он на ухо своему спутнику.

Геродот следовал за капитаном и с любопытством оглядывался кругом. У самого берега рыбаки торговали рыбой, поодаль вооруженный отряд стражников наводил порядок в шумной толпе. Одетые в овечьи шкуры местные крестьяне тоскливо смотрели в морскую даль. Где-то поблизости играла музыка, но ее странные звуки почти не воспринимались на слух. Поодаль он заметил высокий мраморный портик, под которым сидело несколько бородатых мужчин, одетых по-гречески. «Это соотечественники», – промелькнуло в голове, и молодой ученый уверенно двинулся в их сторону.

– Ты куда? – окликнул его капитан.

Геродот кивком головы указал на портик.

– Это же местные болтуны-философы, зря только время потеряешь.

– Я хочу услышать, о чем они спорят.

– Да всегда об одном и том же.

– О чем же?

– О конце света, чтоб им провалиться!

Следующие слова капитана Геродот не расслышал, потому что уже отделился от людской толпы и подошел к портику. Капитан не стал заходить в портик, а сел на каменные ступени спиной к спорящим философам, то ли в знак презрения к их болтовне, то ли просто желая обозреть широкую гавань и морскую даль, пестрящую корабельными парусами.

Седой длинноволосый мужчина в потертой хламиде и длинным свитком в руках размахивал им в воздухе, словно палкой, при этом звучно чеканя слова. Остальные, сидевшие полукругом, молча слушали выступающего.

– Уважаемый оппонент здесь только что излагал мысли, приведенные в книге философа Фукуями, – тут выступающий запнулся, нахмутив брови, и бегло просмотрев свиток, резким движением закрыл его и вновь продолжил. – Впрочем, эти мысли стары как мир: конец истории, золотой век, всеобщее благоденствие, без войн и потрясений – люди всегда мечтали об этом, на то они и люди. Фукуями золотой век представляет в виде общества, живущего по законам

западной либеральной демократии. Что ж, может быть, люди и в самом деле не придумали ничего лучшего рыночных отношений; однако, считать их верхом совершенства было бы смешным; и тогда и речи не может быть о завершении процес-са эволюции. Но если даже представим такой иде-альный мир, что же получим? Общество, застывшее в сво-ем развитии; и после многовековой скуки, когда всеобщая свобода и равенство достигнут степени абсурда, а всеобщее благоденствие изживет естественную потребность в состра-дании и порыве, люди просто побегут из этого рая, из это-го грядущего ничего. – Произнеся эти слова, выступающий сложил руки на груди и застыл в гордой вызывающей по-зе. Слуша-тели мигом загалдели, стараясь переспорить друг друга, и уже невозможно было понять, о чем спор.

– А я утверждаю, – из группы выделился молодой чело-век, одетый во все черное. Ему все-таки удалось привлечь к себе всеобщее внимание, и теперь он просто наслаждался собственной риторикой. – ...А я утверждаю, что рай, зем-ной или небесный, в действительности никакой не рай, а об-ратная сторона ада. Бог своим запретом райского яблока из-начально внес противоре-чие в райской гармонии. Яблоко красивое и вкусное, а есть его нельзя; и не имеет значения, вручила Ева это яблоко Адаму и съел ли он его; все равно, обоим пришлось покинуть рай в момент, когда бог внес противоречие в естест-венный порядок вещей... – послед-

ние слова выступающего вновь потонули во всеобщем споре.

Геродот немногое понял из услышанного. Ему, действительно, стало скучно, потому молча вышел из портика и сел на ступени рядом с капитаном.

– Что, не вытерпел и сбежал? А я ведь предупреждал, – отозвался тот, заметив кислое

выражение на лице своего спутника.

– Ладно, пойдем отсюда. Где живет Диомед?

– А здесь недалеко, прямо за поворотом третий дом.

Диомед жил в каменном одноэтажном доме с просторным внутренним двором, посередине которого журчал небольшой фонтан. Дом глухой стеной выходил на улицу: ни окон, ни балконов, и только низкие каменные ворота нарушали его однообразный вид.

Геродот вслед за капитаном прошел под нависшей с потолка аркой и оказался в тихом благоустроенном садике внутреннего двора. Возле фонтана сидели трое молодых мужчин, удивительно похожих друг на друга высокомерным и вместе с тем страдальческим выражением лица. «Навер-

ное, братья,» – подумал молодой ученый и с интересом оглядел их белые прямые, без складок, одеяния с красной пурпурной каймой. Капитан подошел к незнакомцам и о чем-то переговорил с ними на каком-то непонятном языке кратким и резким слогом.

– Это латынь, язык римлян, – пояснил он, вернувшись назад после не-долгих переговоров.

– Я догадался, что они не местные колхи. Наверное, такие же путешественники, как

и я.

– О да, они путешественники, только путешественники во времени. Это патриции из рода Манилиев.

– Они братья?

– Они родственники в некотором смысле. Первый Манилий, самый старший, был

великим воином, спасшим родной город от нашествия варваров. Но по какой-то злой иронии судьбы предание это спасение приписало не ему, а гусям. Так и гласит легенда: "Гуси спасли Рим", чем этот герой страшно недоволен, ведь

он-то никак не гусь. Второй был гладиатором и выступал в амфитеатре в смертельных поединках, а также в первый год от рождества Гая Юлия Цезаря от скуки устраивал беспорядки в родном городе; после же, оставив свою родину и спасаясь от той самой скуки, оказался здесь на краю света. Несмотря на известных гусей из предания, он жутко завидует своему первому родичу, его славе и судьбе. А третий, самый младший из Манилиев и последний из римлян, действительно, самый несчастный из них, ибо видел медленную, но неотвратимую гибель родного города. Все они жили в разное время, и теперь волею судеб оказались здесь, чтобы бесконечно спорить и упрекать друг друга. И никогда их спор не закончится, ибо в этом городе ничто никогда не кончается. Если бы это было возможно, для спора им следовало выбрать иное место. Хотя хватит о них, пойдем, поищем Диомеда. Средний Манилий сказал, что он дома, хотя точно не знает, в какой именно комнате. Ты его сразу узнаешь по большому родимому пятну у правого виска. Сказав это, капитан открыл первую дверь и вошел в маленькую полутемную комнату, откуда доносились женский крик и запах свежих крахмаленных полотенец.

Геродот мельком увидел лежащую на кровати и оголенную ниже пояса женщину со вздутым животом и широко расставленными ногами, орущую что есть силы. Врач, стоящий у кровати, обеими руками сильно давил на живот ро-

женицы.

– Вам сюда нельзя, здесь роды, пожалуйста, покиньте помещение, – кинулась к дверям какая-то женщина в белом переднике.

Неожиданно к женскому крику присоединился крик младенца. Женщина в дверях, забыв о вошедших, побежала обратно. Врач уже держал в руках окровавленное тельце маленького сморщенного человечка, вопившего во всю мочь. Несмотря на полумрак в комнате, у новорожденного отчетливо выделялось большое темное пятно у виска.

– Это он и есть, Диомед, твой проксен, – прошептал капитан, – каков молодец, орет, как сто мужчин, вместе взятых. Впрочем, мы попали не туда, пройдем дальше.

За следующей дверью показался широкий светлый зал, наполненный одетыми в черное людьми с печальными и постными лицами. Играла траурная музыка, время от времени прерываемая унылым женским плачем. В середине зала на высоком столе возвышался гроб с телом высохшего старика со сморщенным лицом и черным родимым пятном у правого виска. И хотя пятно на лице покойника уже потеряло свой цвет и стало каким-то бледным, Геродот безошибочно узнал ее: это была все та же метка, которую только

что видел у новорож-денного. Он с удивлением взглянул на капитана. Тот осторожно перешептывал-ся с одним из присутствующих:

– И давно преставился?

– Уже третьего дня, завтра хоронить будут.

– Как жаль, – вполголоса проговорил капитан.

– Конечно, жаль, – согласился незнакомый собеседник, – хороший человек был старик Диомед, весь город чтит и уважал его.

– Понимаете, в чем дело, – капитан взял собеседника под руку и отвел в сторону.– Мы только что чуть не присутствовали при его рождении, а теперь попали на его похороны, в общем, мы запутались в этих комнатах.

Незнакомец понимающе кивнул головой и рукой молча указал на следующую дверь.

– Нам, вероятно, надо туда, только постарайся не шуметь, а то на нас уже люди смотрят, – почти шепотом прошипел капитан и, взяв Геродота за руку, осторожно приоткрыл красную дубовую дверь.

Та бесшумно захлопнулась за спиной, и звуки траурной музыки исчезли. Они теперь оказались в маленькой уютной комнате, скорее всего, рабочем кабинете хозяина дома. Возле распахнутого во двор широкого окна сидел человек.

Низко опустив голову, он что-то писал. При шуме захлопнувшихся дверей он поднял голову и посмотрел на посетителей живыми, умными глазами.

– Диомед, мир твоему дому, – сказал капитан, приветственно подняв руку и сразу переходя к делу. – Я привел к тебе далекого гостя, это Геродот из города Галикарнаса.

– Вы вышли из похоронного зала, значит, видели, как меня хоронили. Я сам никогда этого не видел, да и не увижу никогда, – с грустью в голосе произнес Диомед.

– Мы стали свидетелями не только твоих похорон, но и еще кое-чего, – бодро отозвался капитан.

– Понимаю, – ответил человек за столом, потом, повернувшись к Геродоту, учтивым голосом добавил: – Вы видели мое рождение, видели мою смерть, видите меня сейчас, живого и молодого. Наверное, знакомиться нам уже и не стоит.

На правом виске Диомеда чернело все то же огромное ро-

димое пятно, но к тому времени, когда Геродот, как это полагается учтивому гостю, произнес в ответ приветственную фразу, он уже перестал чему-либо удивляться и покорно доверил себя течению последующих событий.

– Диомед, ты опять сочиняешь свои истории? – спросил капитан, указав рукой на лежащую на столе открытую тетрадь.

– Весь мир состоит из разных историй, я всего лишь собираю и записываю их.

– Ну тогда вы быстро найдете общий язык, – отозвался капитан, – твой гость тоже историк и большой любитель сочинять.

– Это правда, вы пишете истории? Тогда мне крупно повезло, – включился в беседу Геродот, который до сих пор молчал, чувствуя некоторую стеснительность.

– Наш капитан, может, не совсем правильно выразился. Я не пишу истории, а сочиняю небольшие, порой странные рассказы, скажем так, описываю не события, а живых людей.

– Чем же они странные? – спросил Геродот.

– Видите эту картину на стене, я приобрел ее на местном

рынке по сходной цене, и когда остаюсь один дома, часто смотрю на нее.

Гости невольно обратили взгляд на висящий на стене портрет молодой женщины.

– Что здесь примечательного, баба как баба, – недоуменно повел плечами капитан.

– Вы тоже такого же мнения? – учтиво спросил Диомед молодого историка.

Геродот еще раз сосредоточенно посмотрел на портрет, откуда на него глядела миловидная дама с застывшими чертами на непроницаемом лице, и только меж слегка приоткрытых губ играла легкая улыбка.

– Портрет довольно правдоподобный, хотя и странный.

– В чем же его странность?

– Не знаю. Может, в улыбке на губах, из-за которой выражение ее лица кажется каким-то непонятным и загадочным. В ней нет ничего, и в то же время есть все.

– Вот именно, – подтвердил Диомед. Вы не знаете, кто

она, какая она: добрая или злая, счастливая или несчастная, великодушная или коварная, любит или ненавидит, все в ней есть. Вот про это и пишу в своих историях, наблюдать за этой игрой человеческих чувств – великое удовольствие.

– А по-моему, в жизни так не бывает, – возразил капитан. – Обычно, когда на человека посмотришь и немного пообщаешься с ним, сразу видно, что за птица перед тобой.

– Вы в этом уверены? – Диомед порылся в столе и достал оттуда старую потертую тетрадь.

– Вот здесь у меня записана действительно странная история, она произошла с одним моим знакомым проповедником, и этот рассказ я записал с его слов. Странная, потому что существует как бы вне времени и пространства, в ней одни и те же люди ведут себя по-разному в одной и той же ситуации, что в реальной жизни, согласитесь, невысказано.

– Можно, я прочту ее? – спросил Геродот и уже через некоторое время углубился в чтение этой странной истории.

Странная история

(рассказ священника из тетради Диомеда)

Эта история произошла много лет назад. В то время царь лазов принял христианство и пригласил меня, чтобы я проповедовал новую веру среди его подданных. Эх, хорошее было время! Я тогда был еще молод, полон сил и, несмотря на то, что ходил в рясе, целыми днями пропадал на охоте. А какие там охотничьи уголья, в лесах полным-полно дичи. В общем, что я рассказывал; и три месяца не прошло после моего приезда в эту страну, как произошла эта странная история.

В то утро я закончил воскресную службу. Прихожане только что разошлись, когда в комнату ко мне вошел послушник и полусшепотом сказал, что княгиня Миранда желает встретиться со мной и ждет возле алтаря. Я наспех передел рясу и направился к ней, Княгиня, стоявшая на коленях перед иконой Богоматери, при моем появлении встала и медленными шагами приблизилась ко мне. Лицо ее все было в красных пятнах, глаза распухали от слез. Несмотря на это, она и сейчас выглядела моложе своих лет. При моем приближении пробовала даже улыбнуться, но, как видно, не смогла себя сдержать. Неожиданно подбородок ее задрожал, и из уст вырвался громкий плач.

– Отец, что я наделала! Себя загубила и душу свою обрекла на вечные муки!

От такого неожиданного начала я смутился, осторожно взял княгиню за руку и сказал несколько утешительных слов. Было видно, что какое-то несчастье случилось с ней, хотя из ее бессвязных слов трудно было что-то понять. Спустя некоторое время она все-таки смогла взять себя в руки, вытерла слезы и заговорила более спокойно:

– Я пришла на исповедь. Сама во всем виновата и не собираюсь скрывать собственное преступление. Единственное, что может оправдать меня перед богом, это то, что убила мужа ради спасения сына. Хотя попробую рассказать все по порядку. Мой муж, князь Губаз, был младшим представителем княжеского рода и владел двенадцатью деревнями. Родовое поместье и крепость остались по наследству старшему брату, и новую усадьбу он выстроил сам на берегу реки. Надо сказать, что человек он был сложного характера, хотя и с добрым сердцем. С ним мои юные годы прошли спокойно. Через два года после свадьбы у нас появился сын. Этот ребенок стал нашей надеждой и счастьем. Других детей бог нам не дал, и мы просто молились на нашего единственного наследника, балуя его сизмальства и надеясь, что в старости он будет нашей опорой и надеждой. Но, как видно, небо решило наказать нас за какие-то грехи. Наш сын, чем дальше он вырос, тем больше проявлял дурные черты характера. Сердце у него было холодное, и не любил он никого, кро-

ме самого себя. Наверное, это странно слышать, когда мать ругает своего собственного ребенка, но ведь я его воспитала, и то плохое, что было в нем, было и моим плохим. Хотя я и отвлеклась сейчас от основной темы, но рассказать об этом надо, чтобы вы поняли, как сын смог поднять руку на родного отца. Все началось с того, что Торнике решил убить моего мужа, дабы завладеть наследством. Для этого он и денег не пожалел, наняв убийцу. Но, видимо, в чем-то они не сошлись. Наемный убийца явился к мужу, все ему рассказал и передал взятые от Торнике деньги. Разгневанный муж мой в тот же день бросил сына в подземелье нашей крепости. Конечно, князь Губаз любил сына, но справедливость для него была превыше всего. И я поняла, что если ничего не предпринять, дело получит огласку и дойдет до суда. Вы сами знаете, царские законы суровы: сына, поднявшего руку на родного отца, могли осудить на смерть. Вот такое несчастье могло обрушиться на мою голову. С одной стороны – любимый муж, с другой – единственный сын. Пополам разрывалась, мучилась, не знала, как быть. Ведь оба они для меня были самыми близкими людьми. Но, в конце концов, мать во мне победила. За спиной мужа мне удалось подкупить охрану и проникнуть к сыну. Если бы вы видели, где он сидел: темный подземный каземат, холодный каменный пол, мокрые, покрытые плесенью стены, даже здоровый человек здесь за месяц превратился бы в безнадежного больного. Мой мальчик, как только увидел меня, со слезами на

глазах бросился ко мне.

– Мама, мама, я не виноват, кто-то оклеветал меня. Скажи отцу, что против него я ничего не предпринимал. Мама, спаси меня!

Я достала из-под платья маленький кинжал, который незаметно от охраны принесла сюда, и протянула Торнике.

– Через час придет тюремщик и принесет ужин. После его ухода тебя до утра никто не побеспокоит. У этого кинжала узкое острие, с его помощью не трудно будет открыть замок. Этой же ночью ты убежишь отсюда. Уходить тебе придется пешком, но если будешь идти все ночь, к утру окажешься в Фазиси, а там мои родственники тебя укроют. Остальное, что и как будет, покажет время. Погони не бойся, до утра про побег здесь никто не узнает. Помни, в твоём распоряжении только эта ночь, завтра утром твой отец сам спустится сюда, и тогда я не смогу тебя спасти.

Торнике сначала молча смотрел на меня, потом быстро взял кинжал, спрятал под одежду и о чём-то задумался.

– Мама, ты сказала, что отец завтра спустится сюда? – При этих словах он с каким-то странным выражением смотрел на меня.

– Да, я сама слышала об этом.

– Может быть, он будет даже не вооружен? Наверняка не вооружен. А у меня кинжал, и он об этом не знает, поэтому и не будет ждать нападения. Мама, понимаешь, мне не надо куда бежать, ведь он сам придет сюда.

Услышав эти слова, я ужаснулась. Не знала, как быть. Ломая руки, умоляла сына выкинуть из головы эту страшную мысль. Но Торнике избегал моего взгляда и зло улыбался.

– Мама, ты только постарайся устроить так, чтобы он вошел сюда один, без охраны. Остальное я сделаю сам.

– Сынок, ведь он твой отец. Ведь только что сам клялся, что против него у тебя не было никаких злых умыслов.

– И ты этому поверила? – В голове Торнике послышались насмешливые нотки.

– Тогда слушай меня, сынок. Если ты не выбросишь из головы эту нечеловеческую мысль, я сейчас же поднимусь к твоему отцу и обо всем ему расскажу. Потому что такой сын и вправду заслуживает смерти.

Насмешливая улыбка сразу исчезла с лица моего сына. Замешавшись, он некоторое время смотрел на меня, потом осторожно приблизился, взял мои руки и нежно поцеловал их.

– Ты моя мать, ты не сможешь мне изменить. Мы оба знаем об этом. Ты ничего не скажешь отцу.

И мой сын был прав. Несмотря на то, что всю ночь не сомкнула глаз, мужу я не сказала ни слова. Утром Губаз спустился в подземелье. Слуг я оставила во дворе, а сама тайком пошла за ним. Всего несколько ступеней оставалось до входа в подземелье, когда оттуда послышался холодный крик и звон оружия. Догадавшись, что сын мой выполнил свой страшный замысел и напал на родного отца с целью убить его, я сразу забыла об осторожности, кинулась к двери и резко приоткрыла ее. Окровавленный Торнике лежал на полу и корчился от боли, а мой покойный муж, коленями опираясь на его грудь, как мне показалось, собирался придушить его. Наши взгляды встретились друг с другом. Торнике не мог ничего говорить, изо рта его шла пена, но глаза молили о помощи. Какая мать сможет спокойно смотреть, как душат ее дитя? Наверное, это была судьба, но именно тогда я заметила кинжал, который вчера передала сыну. Он лежал на полу в двух шагах от борющихся. Я схватила его. Еще через мгновение мой взгляд опять встретился со взглядом Торни-

ке. Сейчас я и сама не помню, как все произошло. Оказавшись за спиной мужа, я глубоко вонзила острый кинжал в его грудь. Что произошло дальше, я не помню. Тело моего мужа сразу обмякло и повалилась в сторону. На лестнице послышался шум, дверь открылась, и в комнату ворвались тюремщик, охрана, слуги...

Чем я мог утешить бедную женщину? Конечно, отпустил грехи и сказал несколько теплых слов. Сохранение тайны исповеди – это наша святая обязанность. Поэтому я и словом ни с кем не обмолвился. Князь Губаз в тех краях был видная личность, и эта история получила широкую огласку. И как велико было мое удивление, когда на суде в убийстве обвинили юного князя. Ходили слухи, что судья имел неопровержимые доказательства его вины. Я оказался меж двух огней. Как священник, я был обязан хранить тайну исповеди, а как человек, не мог не сказать правду. Долго я колебался, и, в конце концов, решил ценой гибели собственной души спасти ближнего. Пришел к судье и все рассказал. Судья Вамег, как и я, был большим любителем охоты. Наверное, поэтому между нами с самого начала установились теплые дружеские отношения, и к тому времени мы как старые знакомые встречались друг с другом. Он внимательно выслушал меня, и, когда я закончил свой рассказ, задал несколько вопросов. Видно, искал противоречия в моем рассказе. Потом тяжело вздохнул и покачал головой.

– Не знаю, не знаю, ты хочешь сказать, что я осудил невиновного человека? Во всяком случае, как видно из твоего рассказа, убийство было совершено не руками Торнике, и, к сожалению, для правосудия это самое главное, – в голосе Вамега чувствовалось недовольство.

И тогда, и позже я замечал, что слуги правосудия очень не любят, когда кто-нибудь докажет, что они ошибаются, даже если при этом восторжествует справедливость. В этом они все похожи друг на друга.

– А как мне быть сейчас? – смущенно спросил я и с ожиданием посмотрел на судью.

Вамег взял со стола сверток пергамента и протянул его ко мне.

– Прочитай, это показания молодого князя Торнике. Он сам во всем признался. Признался без всякого принуждения, и когда он рассказывал, как убил своего отца, у меня не возникло даже сомнений в его искренности. А ведь я уже двадцать лет судья, и до сих пор мое чутье ни разу меня не подводило.

Я взял пергамент и с невольным любопытством стал чи-

тать.

«Отец с детства меня не любил. Трудно поверить, как может родитель не любить собственного сына, но это было именно так. Хотя зачем вам нужны мои слова? Его тяжелый, неуживчивый характер был всем известен. Не было во-круг соседа, с которым у него не происходило бы конфликта. Все время жаловался, что при распределении наследства он остался в проигрыше, и не доверял даже родному брату. Поэтому в нашей крепости редко появлялись гости. Знакомые стороной обходили нашу усадьбу. Сейчас легко представить, какова была наша жизнь в руках этого человека. Молодые годы моей матери прошли словно в аду. И все-таки, мы все покорно переносили, как это полагается верной супруге и сыну. То, что случилось, совсем не было неожиданностью, если учесть, какие непростые отношения существовали между моими родителями. Все это накапливалось в нашем доме в течение многих лет. И в тот роковой день перед моим отцом явился лжеубийца, которого будто бы я нанял, и оклеветал меня. Мой покойный родитель никогда не отличался кротким нравом, в другом человеке он всегда искал плохое, и если имел хоть малейшее доказательство, легко верил ему. И сейчас он без колебания поверил в эту ложь. Слова чужого человека были для него более веским доказательством, чем клятвы и мольба родного сына. Ослепленный гневом, он в тот же день бросил меня в подземелье. Я и сам

не знал, сколько времени находился в этом сыром подвале, когда дверь его отворилась, и на пороге появилась моя мать. В руках она держала свечу, тусклый свет которой едва освещал ее бледное лицо. С надеждой я упал к ее ногам, но на все мои просьбы она холодно отрезала:

– Ты не меньше меня знаешь нашего господина: если он решил загубить тебя, то никакая мольба не заставит его изменить свое решение.

– Как же тогда мне быть, мама? Подскажи, что делать?

– Сегодня ночью – ничего, только успокойся и соберись с силами. А завтра утром, когда наш мучитель спустится сюда, вот тогда, при этих словах она вынула из рукава платья острый кинжал. – Если хочешь спасти свою жизнь, ты должен убить этого палача. Об остальном не беспокойся; я позабочусь, чтобы в подземелье он спустился один, без слуг.

– Что ты говоришь, мама? Как я смогу убить родного отца? Бог не простит такого греха.

– Я думала, что воспитала мужчину, а не сердобольную девушку. Пойми, что если ты его пощадишь, то он тебя – нет.

– Мама, ведь можно найти того, кто оклеветал меня. И ес-

ли допросить его как следует, то можно узнать, кто его подослал, ведь отец сгоряча бросил меня сюда, завтра гнев пройдет, и он обязательно захочет установить истину.

– Тот человек не клеветал, сынок. Его и в правду наняли от твоего имени, чтобы он убил твоего отца.

– Как от моего имени? Кто нанял? Зачем?

– Это сделала я, заботясь о тебе. Только в одном ошиблась: когда решаешь такой узкосемейный вопрос, нельзя вмешивать чужого человека, все надо делать самому.

– Мама, мама, что ты натворила! Зачем загубила меня?

– Что ты говоришь, Торнике? Я хочу спасти, а не загубить тебя. Будь мужчиной и помни: Завтрашний день будет последним или для тебя, или для этого чудовища.

Утром, когда двери открылись, и в подвал вошел отец, я уже все решил, вышел вперед и протянул ему оставленный матерью кинжал.

– Вот, отец, оружие, которым тебя мог убить. Но прежде я на себя готов наложить руки, чем поднять его на тебя.

В то утро отец был подвыпившим, поэтому сразу и не понял смысла моих слов. Его мутный взгляд упал на кинжал.

– Змееныш, ты и здесь собрался меня убить? – При этих словах он выхватил саблю и плашмя ударил ею в плечо.

Из раны фонтаном хлынула кровь.

– Отец, что ты делаешь?! – Только и смог закричать я от отчаяния, но он уже ничего не слышал и опьяневший от вина и крови, с оголенной саблей в руках осторожными шагами приближался ко мне. На лице его я прочитал смертный приговор. Озлобленный собственным бессилием, я с отчаянием искал пути спасения. Именно в это время вспомнил, что в руках держал кинжал. Гнев и отчаяние удвоили мои силы. Сжав сильнее рукоять кинжала, с нечеловеческим криком я бросился к отцу. Через мгновение острая сталь разрывала его грудь. В это время в комнату ворвались мать, а за нею тюремщик, охрана, слуги.... »

Я закончил читать показания, сложил пергамент и отложил в сторону. Одно время мы оба молча смотрели друг на друга.

– И кто же все-таки настоящий убийца? – спросил я с недоумением.

– Этого я не знаю, – сразу ответил судья, будто бы ждал такого вопроса.

– Вот если бы вы смогли взять показания у князя перед смертью, то его рассказ многое прояснил бы.

– У меня скоро будут показания князя.

– Как? Откуда? – Удивленный, я с недоверием посмотрел на судью.

– Дело в том, что князь и не умирал, хотя от нанесенной раны его жизнь некоторое время находилась в опасности, и он пролежал в беспмятстве две недели. До определенного времени мы скрывали это, так нужно было для дела.

– Ну и что он говорит? Кто настоящий убийца, вернее я хотел сказать, кто же все-таки ранил его?

– Не знаю, именно сейчас я собирался навестить князя. Если хочешь, поедем со мной.

Князь оказался мужчиной средних лет, худой, с желтовато-землистым цветом лица. При нашем появлении он немного приподнялся с постели и с ожиданием посмотрел на нас.

– Как вы себя чувствуете, князь? – спросил Вамег, и на лице его промелькнула ободряющая улыбка.

– Лучше, сравнительно лучше. И головная боль прошла. Только рана немного беспокоит.

Больной посмотрел на нас. В его взгляде не было и следа интереса или любопытства. Это был уставший взгляд человека, которому уже все безразлично.

– Врачи сказали, что вы хотели меня видеть, что бы узнать, как все произошло на самом деле.

– Да, если это не причинит вреда вашему здоровью.

Вместо ответа князь только махнул рукой, сел на кровать более удобно и начал рассказывать.

– В то утро я один спустился в подвал, приказав слугам подождать наверху. Я знал, что предстоит тяжелая беседа. Несмотря на имевшееся у меня бесспорное доказательство, сердце мое и чувства никак не могли примириться с той мыслью, что собственный сын хотел меня убить. О, как я желал, чтобы все это оказалось сном! Или чтобы мой мальчик смог отвергнуть эти обвинения. Известно, что даже утопающий

хватается за соломинку, поэтому и спустился к сыну. Сейчас знаю, почему так поступил: я готов был поверить любому вранью, лишь бы не оказаться перед страшным выбором – как поступить с сыном, который поднял руку на родного отца. Наверное, поэтому я не обратил внимание на те искры радости, которые промелькнули в глазах моей супруги, когда я открыл дверь в подzemелья и начал один, без охраны, спускаться по лестнице. Войдя к сыну, двери оставил полуоткрытыми.

При виде меня Торнике упал на колени, и из его глаз полились слезы.

– Отец, я не хотел вашей смерти! Это все мама, мама! Она заставила! Даже сюда, в заключение, передала кинжал, чтобы я вас убил. Но я не хочу, не могу!

Как громом пораженный, я стоял и не знал, как поступить. Врагу не пожелаю того, что пережил тогда. В это время за спиной послышался холодный женский крик:

– Что стоишь, убей, пока он не пришел в себя!

Оглянулся и в дверях увидел Миранду. Жена с ненавистью смотрела на меня. Если бы взглядом можно было убить человека, я умер бы уже тысячу раз. Именно в это мгновение

глаза мои открылись окончательно, и я все понял. Жена моя и сын вошли в сговор с целью убить меня, и Миранда сейчас спустилась в подземелье, чтобы собственными глазами увидеть, как ее хваленый отпрыск перережет мне горло. Наверное, это так и случилось бы, если бы Торнике в последний момент не испугался совершить задуманное. Все сговорились против меня. От обиды и злобы у меня помутился разум, в одно мгновение выхватил саблю и плашмя ударил ею сына. Кинжал выпал из его рук, а сам он раненый повалился на пол. Теперь я мог расправиться с обоими, но неожиданно потерял интерес ко всему. Передо мною стояли два предателя и, прижавшись друг к другу, со страхом и ненавистью смотрели на меня. Ну, хорошо, я расправлюсь с ними, а что дальше? Всеми обманутый и преданный, как буду дальше жить, дышать? В голове невольно промелькнула мысль: если все меня ненавидят, если всем я так мешаю, может, лучше самому уйти из этого мира, пока руки мои не обагрились кровью жены и сына? Разве стоит после этого жить? Несчастный, я нагнулся, взял выроненный сыном кинжал и ударил себя в грудь. Глаза мои заволкло туманом, все вокруг перевернулось, и я потерял сознание. Как видно, я не рассчитал хорошо удар, раз врачи смогли спасти мою жизнь. Сейчас даже не знаю, благодарить их за это, или наоборот. Ведь после того дня моя жизнь – уже не жизнь.

После мы пересказали князю рассказ супруги и показания

сына. Он внимательно выслушал, и с недоумением посмотрев на нас, спросил:

– . . . И что же вас тут смущает?

– Как что? – в голосе судьи Вамега даже прозвучали нетерпеливые нотки. – Что же в действительности произошло в том подземелье, кто из вас троих поведал правду?

– Все три рассказа правдивы, – возразил немного удивленный князь.

– Но ведь так не бывает: эти три истории не могли происходить одновременно.

– Почему же нет? Вы говорите, что истина одна. Согласен, но в этой истории главным является не то, кто именно ударил меня кинжалом в том подземелье, а то, что мы все трое были способны совершить это убийство. Я думаю, что каждое из этих признаний, отдельно взятое, является частью правды, а полная правда состоит из суммы этих историй, насколько бы они не исключали друг друга, – подытожил князь свою мысль.

. . . . .

. . . . .

Закончив свое повествование, священник замолчал. Во мне проснулось любопытство, и я задал вопрос:

– И все-таки, что же на самом деле там произошло?

Рассказчик повел плечами и, посмотрев на меня испытывающе, ответил:

– Эта история и мне тогда не давала покою. Даже сам царь лично заинтересовался ею. По его приказу для установления истины все трое подверглись испытанию кипяченой водой. В условное время князя, его супругу и сына привели к стоящему на огне котлу, и они, сунув руку по локоть в кипяток, поклялись, что говорят правду. Дознание посредством кипяченой воды – способ старый, испытанный; к нему прибегали редко, когда остальные методы дознания оказывались бессильными, и как уверял судья Вамег, еще ни разу не подводил.

– И кто же из них был прав, в чьем рассказе скрывалась истина?

– В том-то и дело, что все трое вынесли испытание, и ни у одного из них рука в кипятке не обожглась.

– И что же из этого следует?

– То, что все трое, действительно, говорили правду. – Последнюю фразу священник произнес столь уверенным голосом, что в истинности его слов трудно было усомниться.

2

– Это мой город, – с гордостью сказал Диомед и указал рукой на огромный храм святой Троицы. Это мрачное, величавое сооружение больше походило на взгромоздившиеся друг на друга три огромные горы и, действительно, поражало своими размерами человеческое воображение. – Его начали строить в день независимости как символ новой эпохи, и оно по праву является истинной гордостью нашего народа.

Геродот оглянулся кругом. Площадь, на которой они находились, была заполнена людьми, одни заходили в храм, другие выходили оттуда и смешивались с густой толпой. Услужливый капитан корабля после обильного застолья, устроенного Диомедом в честь редкого гостя, покинул их и отправился по своим делам. Теперь они вдвоем вышли прогуляться по городу и вскоре оказались перед этим умопомрачительных размеров храмом.

– Что это за люди, и почему они собираются на площади? – спросил Геродот. За то короткое время, что он уже

провел в Фазиси, молодой путешественник успел сблизиться со своим проксеном и теперь общался с ним как со старым знакомым. Диомед оказался человеком искренним, непосредственным и располагающим к себе.

– У нас сегодня великий день: умер красный правитель, долгое время тиранивший наш город, и люди почувствовали ветер свободы.

– А почему правителя назвали "красным"?

– Много крови пролил, и знамя у него было красное. Страшный был человек, не раз умирал и вновь воскресал, боюсь, как бы опять не вернулся.

В это время толпа зашумела и подалась вперед. На ораторском подмостке появился маленький тщедушный человек с голым, без единого волоса, морщинистым лицом. Несмотря на нарядную хламиду, вид у него был довольно жалкий и даже немного смешной.

– Это сын красного правителя, – продолжал объяснять Диомед, – трудно ему сейчас приходится после смерти папаши, народ в ожидании перемен поднял голову, незря ведь собрался возле храма святой Троицы, а он теперь остался один. Правда, у него есть еще брат, но тот буйный и душев-

но больной, его держат на цепи в темнице, чтобы на людей не кидался. Видно, таким образом боги наказали беднягу за грехи папаша.

– Тише, тише, не мешайте слушать, – прошипели рядом, и Диомеду пришлось прервать свое объяснение, тем более, что сын красного тирана уже начал речь. На площади воцарилась тишина, и толпа, превратившись в слух, молча внимала словам оратора.

– Граждане соотечественники, наш великий правитель скончался, и теперь в нашем городе наступают новые времена. Власть, которой обладал красный правитель, по праву наследства принадлежит мне, его старшему сыну, но по моему мнению, свобода – это наивысший дар. Я не хотел бы, чтобы мною правил тиран, и сам не желаю быть тираном для родного города. И потому с сегодняшнего дня дарую вам свободу и отказываюсь от власти, а взамен как ваш освободитель согласен получить место главного жреца в храме Диониса и доход, равный двенадцатой части городской казны. Также эти привилегии должны переходить по наследству моим прямым потомкам в вечное пользование. Диомед невольно даже присвистнул:

– Не дурно, место главного жреца, двенадцатая часть казны – и все это в вечное пользование!

Неожиданно впереди опять зашумели, на подмостках возникла небольшая давка. Народ оттеснил вооруженных стражников, и теперь на трибуне появился какой-то старик. Он сердито замахал сжатым в руке посохом и накинулся на наследника:

– Ты незнатного рода, и не достоин управлять нами. Отец твой был разбойником, а ты – мошенник, каких свет не видывал. Как же это ты собрался одаривать народ тем, что тебе и так не принадлежит? Ничего себе: двенадцатая часть казны! Лучше отчитайся перед народом в сохранности той казны, сдай ее и иди своей дорогой.

В толпе послышались свист и отдельные выкрики:

– Не нужны народу твои жалкие подачки!

– Ишь ты, вырядился тут павлином, тоже мне, благодетель!

Наследник под свист и улюлюканье народа куда-то исчез, а на площади неожиданно появился отряд вооруженных воинов, начавший разгонять толпу, и вскоре вокруг поднялась такая потасовка, что сам черт ничего не разобрал бы. Людская волна выбросила Геродота и Диомеда на какую-то

узкую улочку, и очень кстати, потому что на площади началось настоящее кровавое избиение.

– Уноси ноги отсюда, пока цел, – прокричал Диомед и пустился наутек. Он бежал по узкой улице и, тихо всхлипывая, причитал: – Ну почему я родился в этом городе, за какие грехи такое наказание! Я знал, знал, что все этим закончится. Обретая свободу, мы сразу начинаем резать друг друга, и так повторяется всегда! Боги, как я устал от этого! В этом городе не происходит ничего нового, да и никогда не происходило!

Неожиданно город закончился, и они вышли на дорогу, ведущую вдоль реки.

– Что это за войско стоит на берегу, кажется, они держат какой-то совет?

– Это войско лазов. Греки вероломно убили их царя, и теперь, как ты заметил, они держат совет, как им поступить.

– Ясно, как: отомстить за своего царя.

– Не все так просто, Геродот. Идет война между греками и персами; и те, и другие хотят владеть этой землей. Как быть маленькому народу между двух больших хищников, к какому берегу пристать меж сциллой и харибдой? Вот они и

спорят без конца, кого выбрать: императора Юстиниана или персидского шаха Хосро. Так спорят они с испокон веков и будут спорить еще до скончания веку, и никогда их спор не кончится, и никогда они не придут к единому мнению.

Молодому ученому все это показалось немного забавным. «Этот народ не умеет ни сражаться до конца за собственную свободу, ни жить, как подобает свободным людям», – подумал он, но подойдя поближе к стоянке и всмотревшись в усталые и отреченные лица воинов, с каким-то молчаливым упрямством целующих крестные знамена, ему стало стыдно за свои мысли.

Все-таки было в этом легкомысленном, но упрямом народе нечто трагически обреченное, что располагало больше к состраданию и уважению.

Оставив позади военный лагерь, они вышли к морю. За мысом неожиданно показался огромный белый корабль из железа и стали, возникший так внезапно, словно из-под воды, и сразу грянула музыка. На берегу уже собралась празднично разодетая многочисленная толпа с цветами и разноцветными флажками.

– Наши заокеанские союзники, прибыли издалека, чтобы восстановить великий шелковый путь. А вон видишь разве-

вающийся на ветру стяг? Это герб нашего города, «золотое руно».

– Да это не «золотое руно», а просто выпотрошенная шкура дохлого ба-рана, висящая вверх ногами.

– Для встречи с новыми заморскими хозяевами как раз самый подходящий стяг. Все эти люди собрались здесь в ожидании золотого дождя, который дол-жен последовать вслед за открытием шелкового пути, потому они так подобострастно подчеркивают свою покорность и безобидность.

– Эх, Геродот, в этих краях это древняя и вечная история. Она много раз про-исходила в прошлом и много раз еще произойдет в будущем.

Дорога окончилась, и вскоре они оказались на широкой поляне, посреди которой возвышалась рукотворная горка. Геродот, осмотревшись, заметил какого-то полуголового человека, тащившего на ее верх тяжелый камень. Взойдя на нее, он скатывал камень вниз, потом спускался, обеими руками заново поднимал глыбу и, прижав к себе тяжелый груз, снова поднимался с ним в гору. Станный незнакомец повторил несколько таких восхождений, и когда уже в четвертый раз приступил к подъему, Геродот не выдержал и обратился к другу за разъяснением.

– Это сумасшедший Сизиф, – отмахнулся Диомед, он целыми днями занят этим.

– Того человека с камнем действительно зовут Сизифом?

– Конечно, это не мифический Сизиф, а просто здешний шалопай. Другого такого глупца на свете не сыщешь: доверчив как ребенок, что ни скажешь – всему верит. Кто-то поведал ему миф о Сизифе, и услышанная история так пришлась ему по душе, что сразу же принялся таскать камни в гору и потом скатывать их обратно. И хотя настоящее его имя Бека, в городе все зовут его Сизифом. Умом, понятно, он немного тронутый, но человек весьма занятный: ведет себя как сумасшедший, говорит как мудрец. До сих пор помню вот эти его слова: «Свобода – это одиночество; уйдешь от одиночества – и ты уже не свободен.» Вот так, – задумчиво произнес Диомед.

БЕКА

(рассказ из тетради Диомеда)

Бека был здоровый, толстый мужчина лет пятидесяти. Его красноватое опухшее лицо было покрыто желтоватой расти-

тельностью. Вечно закрытые маленькие круглые глаза оставляли такое впечатление, будто их хозяин спит, или он только что проснулся и еще не успел их открыть. Несмотря на могучее телосложение и медвежью походку, он чем-то напоминал беспомощного ребенка. Трудно было сказать, в чем именно выражался этот контраст, – в походке, движениях тела или выражении лица – дававший его хозяину комический вид и часто вызывавший улыбку среди посторонних, а то и вообще становившийся предметом острой насмешки. А взять на смех Беку было делом совсем нехитрым. Другого такого молчаливого, терпеливого и безобидного человека среди слуг сенатора не было. Его никто и не считал за человека. В отношении окружающих к нему было что-то среднее между отношением к животному или же бездушному предмету. Никто не знал, когда он оказался среди домашних рабов римского сенатора, из какого племени он, и где был его родной край. Бека этого и сам не ведал. С тех пор, как он себя помнил, он жил в усадьбе своего хозяина и всегда выполнял одну и ту же обязанность. Работал, спал, ел – другого человеческого чувства, цели или желания у этого неповоротливого туповатого человека как будто бы и не было. Но ошибся бы тот, кто до конца уверился бы этому мнению. Бека был раб, и, как у всех рабов, у него тоже была своя мечта. Эта мечта называлась свободой, и она была тем дороже для него, чем желаннее и несбыточней она казалась. Свобода в глазах Беки представлялась туманным воспоминанием о стране боль-

ших озер и непроходимых лесов. Где находилась эта страна, и существовала ли она вообще, – Бека не знал ответа на эти вопросы. Может быть, это было воспоминание его далекого детства, а может быть, где-то давным-давно услышанным от кого – то и навсегда оставшимся в памяти впечатлением. Как бы там ни было, без всякого преувеличения можно было сказать, что жил и дышал Бека именно этой мечтой.

В тот знаменательный день, когда жизнь нашего героя полностью перевернулась, и несбыточная мечта стала явью, сенатор стоял посередине двора перед собственной виллой и задумчивым взглядом смотрел в землю. А причина для раздумий у сенатора была веская. Дело было в том, что из-за засухи во всей провинции случился неурожай, и вспыхнул голод. Бедный люд в поисках пропитания кинулся в приморские города и порты, но как это часто случается в такие времена, морем завладели пираты, и из – за страха перед ними ни одно торговое судно не могло пройти в Босфорский пролив. Нет, сенатору, хозяину богатых поместий, голод не грозил. В его складах было достаточно съестных припасов. Но общее обнищание и закрытие морского сообщения очень серьезно отразились на его финансовом положении. И сейчас уважаемый патриций как расчетливый хозяин был занят поиском тех путей и возможностей, которые относительно безболезненно смогли бы вывести его из этого затруднительного положения. В его мыслях одним из главных пунктов оста-

валось уменьшение ежедневных расходов, и сейчас сенатор ломал голову над тем, где и кого сократить. Самым лучшим выходом была бы продажа части имущества: тогда и расходы уменьшились бы, и лишние деньги появились бы (надо отметить, что в такое время лишние деньги совсем не были бы лишними). Но в такую трудную годину, где ему найти клиентов? Как ни подойди к этому вопросу, самым главным шагом оставалось освобождение части рабов, занятых в его поместье. Инвалидов, стариков и больных он уже давно выгнал, и сейчас очередь пришла за здоровыми рабами. Именно в это время под задумчивый взгляд сенатора и попал Бека, который только что вернулся с полевых работ и бесцельно бродил по двору. Решение пришло в одно мгновение: «Хватит этим дармоедам жить за мой счет. Посмотрите на этого быка, не знает, куда жир деть. Этот раб больше ест, чем работает». Здоровый цвет лица Беки, его сильные челюсти и мощное телосложение и впрямь давали повод для таких раздумий. «Решено, я освобождаю часть рабов и начну вот с этого верзилы». Сенатор тяжело вздохнул. Когда решение уже принято, всегда появляется какое-то препятствие, и сейчас уважаемому патрицию стало немного жалко. Такой здоровый раб в лучшие времена для своего хозяина был бы довольно-таки даже полезным.

Сенатор тут же освободил своего раба. Писарь гусиным пером заполнил вольную и поставил на ней печать сенатора.

Бека в течение всего этого времени, как опьяневший, стоял во дворе. К нему подходили другие рабы, слуги и поздравляли с освобождением. Он хорошо понимал, что судьба подарила ему невиданный подарок, и сейчас он должен чувствовать великую радость, но измотанный дневной работой, он ничего не чувствовал, кроме усталости. Только после того, как вокруг него разошлись люди, он своей привычной нескладной походкой двинулся к своей маленькой каморке, устроенной под лестницей, лег на постель, закрыл глаза и сразу заснул, как мертвый.

Когда Бека проснулся, уже светлело. Почему-то все тело ломило. Он открыл глаза, огляделся вокруг и сразу все вспомнил. Сегодня начинался первый день его свободы, и при этой мысли им овладело какое – то чувство беспокойства. Было такое ощущение, будто он и не хотел, чтобы этот день настал. «Если бы можно было это время протянуть подольше». Он и сам не мог понять, что являлось причиной его беспокойства, и, как будто собираясь рассеять эти странные мысли, упрямо покачал головой, встал с постели и вышел наружу. Прислуга работала по хозяйству, все были заняты своим делом, и на Беку никто не обращал внимания. Было видно, что его уже никто не помнит, и никому он здесь не нужен. Эта мысль в голове Беки промелькнула невольно, и она в душе бывшего раба оставила тоскливый и неприятный осадок. Он и сам не мог понять, почему ему так тоскливо:

из-за того, что его жизнь в один день так резко изменилась, или потому, что его мечта стала реальностью, и значит, она умерла.

Эти думы не укладывались в голове сложенными мыслями. Бека и не привык много думать. Тяжело вздохнув и бросив через плечо маленький узелок с пожитками, он двинулся своей привычной медвежьей походкой к воротам.

*****

– В батраках не нуждаюсь, проходи, – при этих словах мельник презрительно оглянул Беку и захлопнул дверь перед его носом.

Но такой прием не смутил нашего героя. В течение последних трех месяцев он привык к таким встречам. Поэтому он поднял правую руку и громко постучал в только что закрытую дверь. Во дворе залаяли собаки, а за дверью послышалась ругань хозяина.

– Оборванец, тебе что, плети захотелось ?Сейчас пойду жаловаться властям, что к мирным гражданам в дом врывается.

Услышав угрозы, Бека немного заколебался, но все равно, с места не сдвинулся. Тем более, что пустой после двухдневного голода желудок не давал покоя.

-Уважаемый, я и не смею просить Вас об оплате. За малый обед я готов выполнить самую тяжелую работу. Если хотите, буду крутить жернова. Один буду крутить, без посторонней помощи.

Дверь открылась, и на пороге опять показался мельник:

– Ты один как сможешь крутить каменные жернова, ты же насквозь светишься?

Бека и впрямь выглядел жалко. Весь исхудавший и оборванный, кожа на нем висела морщинами. От когда-то мощного тела остался теперь только один скелет.

– На то, что я худой, не обращайтесь внимания, силы во мне по-прежнему. Испытайте и не пожалеете. Всякую работу смогу выполнить.

Мельник заколебался. В какое-то мгновение в этом надоедливом просителе он увидел живого человека с его несчастьем и болью.

– Что тебе сказать, – смущенным голосом произнес он, – мне и вправду не нужен помощник. Жернова осел крутит, а с остальным я и сам справляюсь.

– Животное может устать, господин. Ведь оно тоже живое существо, не железное.

– Хорошо, обед я тебе и так дам. Ты же не скотина, чтобы заменить осла. Вот тебе хлеб и лук, а сейчас убирайся отсюда! И чтобы другой раз не появлялся перед моими дверьми. Бродят тут всякие голодранцы, не дают покоя честному люду, – последние слова рассердившийся на собственную доброту мельник произнес с неожиданной резкостью и в сердцах хлопнул дверью.

Бека жадно схватил зубами грубый кусок черного хлеба, вместо благодарности пробормотал что-то наспех и почти бегом удалился со двора. При виде выбегающего незнакомого человека залаяли собаки, вокруг поднялся шум и гам, пока хозяин резко не прикрикнул на растревоженных животных.

В прошлом остались те времена, когда Бека ломал голову над тем, где ему найти работу и чем прокормиться в ближайшем будущем. Сейчас, после трехмесячного опыта свободной жизни, он научился жить одним днем, все больше избегая

думать о завтрашнем дне. В рабстве всегда были свои боль и отчаяние, в нем хватало тяжелого труда и унижения. Сколько раз хозяин несправедливо наказывал его плетью и бросал в темницу. Но там бека всегда был обеспечен едой и кровом. Эти две вещи в его прошлой жизни существовали как бы сами собой, как солнечный свет, как воздух, существовали настолько естественно, что он даже не замечал их значительность и необходимость. Эти мысли всплывали на поверхность сознания, но, кроме этого, было еще что-то другое, чувство или инстинкт, значения которого понять и передать было труднее, но которое давило на сознание нашего героя больше, чем чувство голода и нужды. Это что-то было похоже на то ощущение, которое Бека испытал в первое утро своего освобождения, когда он вышел из своей конуры в многолюдный двор и вдруг увидел, что впервые в жизни про него никто не помнит, и он никому не нужен. И чувство это было более тяжелое и страшное, чем голод, холод и бескровное существование.

Занятый этими мыслями, наш герой и вовсе не заметил, как оказался на окраине деревни в пустом поле. Солнце уже скрылось за горами, и вокруг стемнело. Неожиданно он услышал крик. Ему сначала показалось, что это свистел полевой ветер. Но крик повторился. Кто-то звал на помощь, и этот зов раздавался из крайнего двора деревни. Нашим героем овладело характерное для всех людей любопытство. Он

осторожно подкрался к дому и заглянул в окно. На полу лежало тело пожилого человека с разбитой головой. Вокруг на- текла лужа крови, а рядом какой-то молодой человек стоял у открытого сундука и доставал оттуда какие-то предметы. Хорошо присмотревшись, Бека смог различить в них сереб- ряные браслеты и денежные монеты. Было видно, что граби- тель убил хозяина дома и теперь крал его добро. Бека хотел бесшумно удалиться, но его внимание привлек блеск лежа- щих на столе драгоценностей, тем более что преступление уже совершилось. Убитому хозяину дома все это уже не было нужно. А по глубокой вере нашего героя, на это богатство он имел никак не меньше прав, нежели незнакомый разбойник. Это был действительно счастливый случай, который нельзя было выпускать из рук. Сильным ударом ноги Бека взломал дверь, ворвался в комнату и напал на стоящего возле сунду- ка незнакомца. В течение некоторого времени оба молча бо- ролись друг с другом, опасаясь шумом привлечь внимание соседей. Противник был более молодой, но на стороне наше- го героя оставалось преимущество внезапного нападения, а в привыкшем к физическому труду теле, несмотря на голод последних месяцев, еще оставались силы, чтобы одолеть и так уже перепуганного вора. Спустя некоторое время силь- ным толчком Бека бросил грабителя на пол, скрутил ему ру- ки и, схватив со стола окровавленный нож, приставил его к горлу противника. Незнакомец, почувствовав смертельную опасность, прекратил сопротивление и заговорил:

– Постой, заклинаю всеми богами, не убивай меня, но сначала выслушай. Я не грабитель и не разбойник. Этот дом мой, и эти деньги, что лежат на столе, тоже мои. Я был хозяином всего этого.

– Ну как же, а этот несчастный, которого ты так безбожно прикончил, вор какой–то? – Бека при этих словах бросил насмешливый взгляд на поверженного противника.

– Уверяю тебя, все именно так. Этот человек мой бывший сосед. Он был должен моему отцу. Когда тот скончался, долговые векселя куда–то исчезли, а этот бессовестный совсем отказался вернуть долг. Но и этого ему показалось мало, он еще пошел жаловаться к судье на то, что я на него клеветую. Что долго рассказывать, это длинная история. Таким образом, он впоследствии завладел всем моим имуществом и домом, а меня самого, выгнав на улицу, в один день превратил в неимущего голодранца. Если я вор, то я пришел воровать в собственный дом, чтобы вернуть отцовские деньги.

– Выходит, что ты не разбойник, а мститель? – Бека невольно заинтересовался услышанной историей. Он, встав и не выпуская ножа, отпустил руку противника.

Незнакомый молодой человек сел на пол, немного отды-

шался и продолжил рассказывать свою печальную историю:

– Сначала, когда он выгнал меня из дома, овладев моим имуществом и в такое время обрек на голодную смерть, – причем это сделал не какой-то незнакомец, а бывший сосед, друг моего отца, – конечно, меня не покидало желание отомстить ему. Но нищенская жизнь многому научила и на многое открыла глаза. Сейчас, разбойником вернувшись в свой дом, я не чувствовал ненависти к этому человеку. Наоборот, сам, измучившись от жизни, очень хорошо понимал его и в глубине души, может, даже и сочувствовал. Почему он поступил со мной так подло? Потому что, вернув долги, сам подох бы с голоду, ведь он обрек меня на нищету, чтобы спасти свою жизнь.

– Тогда зачем ты напал и убил его?

Незнакомец посмотрел на Беку, словно удивляясь его недогадливости.

– Потому что у меня тоже не было иного выхода, разбой предпочел голодной смерти. А этот дом выбрал, так как хорошо его знаю. Знаю, что и где здесь лежит. Каждый вход и выход мне знаком. Вот поэтому я и пришел сюда.

Бека с удивлением слушал эту странную историю. Еще не

успел закончить свою исповедь грабивший собственное имущество вор, как в его голове окончательно сложилось решение. Это решение в его душе готовилось давно, с того самого утра, когда он получил свободу, но до сих пор оно было окутано туманом. И этот туман окончательно развеялся сейчас, когда он услышал эту страшную историю. Он даже не посмотрел на противника и не вспомнил о богатстве, лежавшем на столе, встал, отбросил в сторону нож и молча вышел из дома.

На следующий день Бека появился на главной площади города, где обычно выставляли рабов на продажу, и стал перед работорговцем. Последний, и так находясь в плохом расположении духа из-за малочисленности клиентов, с подозрением оглядел стоявшего перед собой оборванца.

– Что ты здесь стал, убирайся отсюда, людей пугаешь – при этих словах раздраженный торговец потянулся за плетью.

– Потерпите немного, уважаемый, у меня к вам деловое предложение.

– Не отвлекай, говори побыстрее, что надо?

– Я предлагаю вам товар на продажу. Весь выигрыш ваш,

для себя ничего не прошу.

– А где товар? Молодой, мужчина или женщина? Если старик или больной, зря суешь, все равно не продам. Проклятое время, даже рабы потеряли свою цену!

– Товар этот, я сам, – лично. Как видите, я не старик и не больной, и работать могу.

– Ты? – Работоторговец сейчас только впервые оглядел Беку оценивающим взглядом. На больного ты и вправду не похож, хотя довольно поистрепался. Не жалко тебе отказаться от свободы?

– Не жалко.

– Что, голод измучил? Очень хорошо понимаю тебя. Вот, встань на тот камень и не двигайся. Может кому-то и смогу всунуть тебя, – при этих словах торговец оглянулся вокруг, достал из стола сосуд, наполненный маслом, и протянул Бекке.

– Маслом намажь все тело, чтобы оно блестело, как зеркало. Эти лохмотья сними, только покупателей отпугиваешь. И старайся выглядеть веселым и довольным. Посмотрим, что из этого выйдет.

Бека покорно залез на камень, снял с себя одежду и намазал маслом тело. Была уже поздняя осень, и от мороза на оголенном теле выступили мурашки. Но наш герой даже не замечал этого холода. Голый и обмасленный, он с надеждой и просьбой ловил равнодушные взгляды ходивших по торговым рядам клиентов. И ему даже не приходило в голову, что с ним случилось самое великое несчастье, какое может произойти с человеком в течение его жизни. Бека собственной волей отказывался от приобретенной свободы, от той свободы, о которой мечтал всю свою жизнь. А вокруг даже не было никого, кто желал бы овладеть отвергнутой им свободой.

3

– Сейчас пойдем к моим друзьям, они хорошие люди, да и занятные тоже. Тебе интересно будет с ними познакомиться.

– А где они живут?

– Вон, видишь дом у самого берега? Там они и живут. Один из них – бывший моряк со своей женой, зовут его Язон, а жену Медея. Она считалась первой красавицей в городе, кто только к ней не сватался, а она, бедная, именно в Язона

и влюбилась.

– Почему бедная?

– Да не любит он свою жену, и потому. Вечно грезит о каких-то привидениях. А другой – это странник, кто он – сам увидишь.

На берегу и впрямь сидело двое мужчин, рядом с которыми крутилась какая-то молодая женщина с живыми, приятными чертами лица, задорным взглядом красивых больших глаз и соблазнительным телосложением, но мужчины не обращали на нее никакого внимания, и только молча вглядывались в морскую даль.

Путники подошли поближе, и Диомед обратился к мужчине, сидящему спиной к ним, с приветственными словами:

– Мир тебе, Язон, великий моряк! Что ж ты опять высматриваешь в бездонных просторах?

– Мне кажется, что скоро с кем-то встречу, – без всякой связи ответил Язон, указав путникам на место рядом с собой, как бы приглашая их к разговору.

– А с кем ты должен встретиться? – спросил Диомед, устраиваясь поудобнее.

– Не знаю.

– Тогда почему ты так полагаешь?

– Ты знаешь, я ее люблю, – опять без всякой связи произнес моряк и блуждающим взглядом оглянулся вокруг себя.

«Еще один сумасшедший,» – невольно подумал Геродот и с сожалением посмотрел на моряка. Диомед некоторое время молчал, словно обдумывая услышанное, а потом спросил:

– Кого?

– Да я и сам не знаю, кого.

– И все-таки?

– Это было очень давно. Я тогда еще плавал на своем "Арго". И вот однажды мой корабль проплывал мимо острова Сириноз, слывущего гиблым местом для всех кораблей. Заслышав пение этих морских русалок, путешественники обо всем забывали и., направляясь к острову, разбивались о прибрежные рифы. Все, кто хоть раз слышал их колдовское пе-

ние, нашли свой конец на морском дне, все, кроме меня. Ты же знаешь, Диомед, какой я любознательный, и тогда, подплывая к острову, совсем покой потерял: все думал, как же услышать их пение и при этом остаться в живых. И придумал на свою беду. Я прика-зал своим гребцам воском залепить себе уши, а меня крепко привязать к мачте. Приблизившись к острову, я услышал ее голос. Боги, лучше бы я никогда не слышал ее или погиб тут же, разбившись о прибрежные рифы, тогда не при-шлось бы столько мучиться.

– Невероятно, ты слышал голос морских сирен? – переспросил Геродот.

– Я слышал голос девушки, до того прекрасный, что вмиг обо всем за-был. Я рвал и метал, кричал, угрожал, умолял, чтобы меня развязали и от-пустили, но никто из команды не внял моим мольбам, ведь уши их были залеплены воском.

Мы стороной обошли тот остров и поплыли дальше. Таким образом, те-ло мое уцелело, но сердце и душу свою я погу-бил, потому что влюбился навеки.

– В кого?

– Не знаю. В тот голос, наверное.

– А ты ее успел разглядеть, видел хоть, как она выглядит?

– Вокруг стоял такой густой туман, что и за пять шагов ничего нельзя было различить.

– Ничего подобного не слышал! – с удивлением воскликнул Геродот. – Не видел, не знаешь, и... любишь!

– Да, люблю.

– Но кого?

– Не знаю, – обреченным голосом произнес Язон.

– Может, все это тебе приснилось?

– Нет, это было наяву, я же знаю, что наяву.

Диомед задумался и, почесав родимое пятно у виска, опять спросил:

– До сих пор ее ждешь?

– Этим и живу.

– Но ты ее не видел, как же узнаешь, если даже и встретишь?

– Обязательно узнаю, быть того не может, чтобы не узнал.

– Ну, а если ты никогда ее не встретишь?

– Может быть и такое. Я ведь всегда хотел вернуться на тот остров, но так и не смог набрать себе команду: никто не желал плыть туда, все боялись. Боги, что я наделал, что натворил, зачем приказал тогда морякам привязать себя к мачте!? Был бы сейчас с ней, все равно, живой или мертвый, – в сердцах произнес Язон и бросил тоскливый взгляд в бесконечную морскую даль.

– А жена? – Диомед указал рукой на молодую женщину, возившуюся у дома, стряпая обед.

– А, эта? Она ведь просто жена.

– Ты бы взял ее с собой в плавание, может, и полегчало бы.

– Еще чего, она мне и здесь порядком надоела своей болтовней.

– А кто этот коротышка в треуголке? – поинтересовался Геродот.

– Это величайший воин, император Наполеон. Да, тот самый, – со смущением добавил Язон. – Оно, конечно, любой дурак может нацепить треуголку, взять подзорную трубу и прикинуться Бонапартом, но этот вроде настоящий, не врет.

– А что он здесь делает?

– Говорит, что хочет вернуться на землю своих предков.

Диомед тихо присвистнул:

– Отсюда до Корсики далековато, каким ветром его сюда занесло?

– Да не Корсику он имеет ввиду.

– Ну да, я и забыл, что Бонапарты происходят из Италии и только впоследствии перебрались на Корсику.

– Не совсем так, – старательно начал объяснять Язон. – На самом деле, его далекие предки испокон веков жили в городе Трапезоне. В пятнадцатом столетии, когда турки захватили Трапезонскую империю, они сбежали в Италию, а уже оттуда попали на Корсику. Вот такая чехарда получается.

– Странно все это и непонятно, – повел плечами Геродот. – А что он там высматривает в свою подзорную трубу?

– Я же сказал, землю своих предков.

В это время коротышка, отведя взор от моря, сложил трубку вдвое и уверенно двинулся в сторону беседующих мужчин.

– У меня отличный слух, и я прекрасно слышал ваш разговор. Что тебя интересует, парень, можешь прямо спросить меня, – обратился он к Геродоту.

Император, действительно, походил на свои многочисленные портреты, разве что был небрит, и волосы почти совсем поседели.

– Ты откуда, парень, из какого города?

– Из Галикарнаса, – со смущением ответил Геродот.

– Давно не был дома?

– Вот уже десять лет.

– Что же так долго, нехорошо это. Каждый человек должен жить на своей родине.

– Я участвовал в заговоре против правителя, но его раскрыли, а меня объявили государственным преступником и заочно приговорили к смертной казни. С тех пор домой мне путь закрыт.

– Плохо, очень плохо, – покачал головой император, – потом неожиданно подошел к молодому человеку, обеими руками взял его за плечи и почти с мольбой произнес: – Послушай старого опытного человека: вернись домой, пока не поздно, вернись, даже если тебя там ожидает смерть. Если долго пробудешь на чужбине, то однажды настанет время, когда и на родине ты почувствуешь себя чужим. Тогда всюду будешь чужой, а это хуже смерти.

– Странно именно от вас услышать такое, – включился в разговор Диомед.

– Раньше мне и самому было бы странно, ведь с тех пор, как еще в молодости покинул Корсику, назад никогда не оглядывался. На войнах совсем очерствел (там без этого нельзя), и любые чувства считал излишней сентиментальностью. Но когда наконец уже на острове Святой Елены все окончательно опостылело, я решил свести счеты со своей жизнью. У нас, Бонапартов, есть семейный талисман, который переходит от отца к сыну. Это маленький мешочек с

горстью земли предков, той самой, откуда сбежал мой далекий прадед в Италию, спасаясь от турок и которую вскоре по приезду в Геную перед своей смертью завещал своему сыну.

Через триста лет он достался моему отцу, а тот, умирая, передал его мне, сказав на прощание такие слова: «Носи, Напо, этот талисман на шее, и удача никогда не покинет тебя. Только никому не говори, что внутри его, и еще: ни в коем случае не открывай мешочек, в нем запах родины, смертельный для всех Бонапартов. Достаточно раз вдохнуть его, как сразу потеряешь покой, лишишься сна и аппетита, зачахнешь и умрешь, как это случилось с моим дедом, раскрывшим по неосторожности талисман и этим погубившим себя. Считай, что в этом мешочке находится смертельный яд. А так, носи его на шее, он сбережет тебя от всяких бед». И всегда он был со мной, защищая от пуль и ядер, а в мирное время – от кинжала заговорщиков. Но, как уже говорил, на острове Святой Елены я решал покончить с жизнью, а воспользоваться оружием или ядом на мог: англичане зорко следили за каждым моим шагом. Именно тогда я вспомнил про свой талисман. Раскрыв мешочек, я понюхал лежащую там горсть земли и... сразу погиб. Прав был мой отец: я лишился сна и аппетита, начал худеть. Было ясно, что умру от тоски, а если и выживу, то при одном условии: коли каким-то образом смогу вернуться на землю своих предков. Я не хотел жить, но какая-то неопределившаяся сила тянула меня туда. Как раз в то время готовился мой очередной побег с того проклятого

острова, мои сторонники готовили восстание и ждали, чтобы я освободился и возглавил его, но к тому времени я потерял уже вкус власти и, сбежав с острова, спрятался даже от своих сторонников, сел на первый попавшийся корабль, отправлявшийся на восток, и вот оказался здесь, в двух шагах, от вожделенной родины. Там, за морем, Трапизон, город моей мечты. В ясную погоду в подзорную трубу можно даже разглядеть береговую линию. И. ничего не остается мне, как целыми днями напролет сидеть и смотреть в ту сторону.

– Но что же мешает тебе сесть на корабль и переплыть море, до Трапизона ведь рукой подать?

– Думаете, это так просто? – Император горько усмехнулся. – Я знал одного французского аристократа, который еще в молодости во время революции был вынужден уйти в эмиграцию. Всю оставшуюся жизнь он страстно мечтал вернуться домой, прямо грезил этой мечтой, и через тридцать лет он, действительно, вернулся, но не узнал свою страну. За тридцать лет его отсутствия все кругом настолько изменилось, что это уже была не его родина: просто из одной чужой страны он попал в другую. В эмиграции он жил хоть мечтой о родине, зная, что где-то там есть его дом, самый родной, близкий и единственный, а теперь действительность убила и эту мечту. Тот человек не смог этого пережить, заболел, слег и через полгода после возвращения на родину умер от

неизвестной болезни, хотя я догадываюсь, какой. Понимаете, наш род покинул эти места триста лет назад. За эти века что осталось во мне от моих далеких предков, да и эта земля, наверное, невероятно изменилась за это время. Кто теперь там помнит наш род? Вдруг я приеду и окажусь на чужбине, тогда что мне делать, куда идти, вы не задумывались об этом? Я очень этого боюсь. Триста лет – ведь это страшный срок, но и оторваться от земли предков я уже не могу. Вот и торчу здесь, как Моисей в двух шагах от земли обетованной, но войти в нее не могу. – Внезапно император опять поднес трубу к правому глазу и впился взглядом в морскую даль, при этом приговаривая, словно сумасшедший: – В ясную погоду, если очень постараться, можно различить береговую линию. Она там, моя земля...

– Что ты скажешь? – спросил Диомед своего гостя, когда они вдвоем отошли от безумного императора.

Геродот печально вздохнул:

– Несчастный человек, я его понимаю, сам такой. Наверное, мне тоже не суждено увидеть родной дом.

СИЗИФ

(миф из тетради Диомеда)

Перед смертью я, на свое горе, решил испытать любовь жены, и в завещании велел ей мой труп не предать земле, а бросить на городской площади не погребенным. Когда я умер, и душа моя оказалась в подземной царстве, боги разрешили мне одним глазом взглянуть на себя. Бездыханное, изуродованное тело мое валялось перед моим дворцом, под лучами палящего солнца, и уличные собаки грызли его. Душа моя была возмущена таким слепым послушанием жены, совсем позабыв, что она всего лишь исполняла мою предсмертную волю. Таковы мы, люди: часто сами не знаем, чего хотим, или, наоборот, очень даже хорошо знаем, но все равно стремимся к невозможному. Именно тогда я, вернее, моя душа, впервые вернулась в свое бездыханное тело: вторую жизнь боги на время подарили, чтобы я наказал свою слишком послушную супругу, но, оказавшись на поверхности земли, я увидел дневной свет, мои легкие вдохнули свежий воздух, остывшие кости согрелись под солнечными лучами, и не хватило больше сил вернуться назад в подземелье. Для меня тогда не было ничего слаще жизни, и уже не мог отказаться от всего этого. Много лет еще пробыл я на земле, и чем дольше жил, тем больше не мог насытиться жизнью. Именно тогда и постиг меня гнев богов. Наказание было поистине божественным – за непослушание они предали меня бессмертию. Что ведает простой смертный о бессмертии? А

мне это пришлось испытать на себе.

Возле Ливанского хребта стоит одна высокая гора, у подножия которой лежит камень, большой, округленной формы гранит. С утра до вечера, без отдыха, обливаясь потом, придавленный непомерной тяжестью, я втаскиваю этот камень на вершину горы, а в сумерках, когда солнечный диск скрывается за хребтом, в двух шагах от вершины он выскользывает из моих окровавленных рук и с грохотом катится вниз. Обессиленный, я с болью смотрю, как в один миг исчезает результат всей моей дневной работы. Я возвращаюсь назад, откуда начинался мой дневной путь. Правым плечом вновь и вновь наваливаюсь на него. Камень сначала упрямо качается, потом, будто ожив, медленно двигается вместе со мною в гору, чтобы в двух шагах от вершины опять выскользнуть из рук и скатиться вниз. И тогда я опять вернусь назад, чтобы повторить свой дневной путь, свою дневную муку еще раз, еще тысячу раз, заранее зная, что этим мукам не будет конца, потому что нет конца моей жизни.

Сначала была мука, мука нечеловеческая и бессмысленная, именно бессмысленная, потому что суть наказания заключалась не в тяжести труда – работы я не боюсь – а в его бессмысленности, ведь когда собственными глазами видишь нескончаемость своего труда, душой овладевает отчаяние. Да, сначала была мука, но потом я привык к ней, именно

привык, по-другому и не скажешь. Обессиленный, я проклинал день своего рождения, проклинал богов и все на свете, и все-таки, я привык к своей участи, к своему бессмысленному труду, потому что и он имел минуты отдыха. В тот миг, когда камень выскользнул из моих натруженных рук, я чувствовал себя несчастным, но в то же время, и счастливым, ведь теперь я был свободен от своей ноши. Стоя на вершине горы, я выпрямлял плечи, подставляя свежему ветру обожженное солнечными лучами лицо, и глубоко вдыхал чистый горный воздух. Я смотрел на заходящее солнце, на бескрайнее, как море, небо, и в те минуты моя душа переполнялась счастьем. Затем медленными, тяжелыми ногами спускался вниз, туда, где меня ждут новые муки, заведомо зная, что следом за ними наступят и те долгожданные минуты отдыха, и сама дорога к вершине становилась не только дорогой мук, но и дорогой надежд, так как каждый вновь сделанный шаг приближал мое освобождение. Да, это правда, что я мучился всю жизнь, но здесь я жил, дышал, боролся, и эта борьба приносила мне и горе, и радость, и слезы, и надежду, и вдруг боги освободили меня от этого труда. Я остался один на вершине горы, сам не зная, почему и для чего, и именно тогда познал настоящее несчастье. Да, я был Сизиф, осужденный богами вечно тащить на гору этот тяжелый камень, но все-таки, я был счастливый Сизиф, лелеявший мечту подняться на вершину, но сознание того, что мне уже не суждено подняться на гору, чтобы освободиться

от камня, навсегда убило в моей душе радость жизни. Это правда, что теперь я свободен, могу пойти, куда хочу, сесть и отдохнуть, сколько угодно, но я не знаю, что делать мне с этой обретенной свободой, куда деть свои ничем не занятые руки. Нет ничего более бессмысленнее и тоскливее, чем эта свобода. Поистине, боги наказали меня не тогда, когда присудили этот тяжкий труд, а теперь, когда они освободили меня от него. Во мне теперь высохли все чувства, умерли все желания, даже ненависть. Ведь что бы кого-то ненавидеть, надо кого-то любить, а любви во мне нету и ненависти. В жизни моей не осталось ничего желанного, только одна пустота и отчаяние. Я устал.

4

– Опять это он, сейчас подойдет к нам и начнет расспрашивать.

– Это же ваш Сизиф, человек с камнем.

Сизиф медленно подошел к путникам. Геродот с интересом рассматривал сумасшедшего. Это был здоровенный малый лет пятидесяти, чем-то напоминающий медведя. Его подбородок покрывала рыжая колючая щетина. На рябом лице над припухшими щеками еле виднелись маленькие свиные глазки.

– Куда путь держишь, Сизиф? – учтивым голосом спросил Диомед.

– Иду Бога искать. Вы Бога не видели, он тут не проходил?

– Нет, не видел, – смущенно ответил молодой путешественник.

– А с чего ты взял, что Бог на землю вернулся? – Диомед повернулся к своему спутнику и вопросительно взглянул на него. – Примет вроде особых не было, так ведь?

– Ну как же нет, неужели вы все ослепли?! – жалостным голосом воскликнул

Сизиф.

– А что мы должны увидеть, объясни.

– Время умерло!

– Как это, умерло?

– Вот так: сначала испортилось, как старые часы, начало отставать, повторяться, а потом и вовсе исчезло, испарилось

и умерло, видать, от старости, а может, и второе пришествие не за горами!

– Странные ты слова говоришь, Сизиф!

– Да оглянитесь же вокруг, вы, слепцы! Все перепуталось ведь и переменялось: вчерашний день с днем сегодняшним и завтрашним; первый человек стал рядом с человеком последним; мертвые, живые и еще не родившиеся – все вместе ходят под солнцем. Неужели не понятно – это ж есть второе пришествие! Нет, не видят, не хотят видеть, – опять запричитал Сизиф, затем неожиданно замолчал, извинившись, учтиво попрощался и пошел дальше.

– О чем это он? – спросил Геродот.

– Не знаю, – пожал плечами Диомед, – разве сумасшедших поймешь: какое-то время куда-то исчезло – ерунда какая-то. Всех он достал своими бреднями.

В это время из города донесся глухой, неопределенный шум, и вскоре над крышами домов вспыхнули красные языки пламени.

Там пожар, быстро в город! – подобрав плащ руками, Диомед пустился наутек, и Геродоту ничего не оставалось,

как бежать вслед за ним. Приближаясь к городу, они все отчетливее слышали людские крики, и вскоре на самой окраине наткнулись на толпу насмерть перепуганных людей, пытающихся спрячьтаться в прибрежных камышах.

– Куда вы, дурачье, лезете, в городе резня! – донесся им вслед знакомый голос капитана корабля, и путники только теперь разглядели в толпе старого моряка, у которого из-под разорванной туники сочилась кровь.

– Кто режет, что происходит?

– Персы, будь они трижды прокляты! Утром на площади перед храмом святой Троицы сторонники и противники нового правителя устроили потасовку.

– Я это видел, сам был там, – подтвердил Диомед.

– А персы воспользовались этим, внезапно вошли в город и заняли его. Из-за смуты никто даже не успел закрыть ворота.

– Это они сжигают и убивают?

– Вначале все проходило мирно. Персидский военначальник принял от жителей городские ключи, а его воины,

никого не трогая, вышли из города и стали лагерем в поле. Самые важные из их вельмож как новые полноправные хозяева уселись в креслах на площади святой Троицы. При виде всего этого брат вашего правителя, страдающий сумасшествием, высунул голову из клетки и с упреками обратился к последнему. «Ты, низкий и ничтожный человек, меня без вины посадил в темницу, а персы отбирают у тебя город, и ты смотришь на это спокойно! Почему не выпустишь меня отсюда, чтобы хоть я отомстил за этот позор?!» Видать, новый правитель был слишком зол на народ, который пренебрег им, потому выпустил брата из темницы, поставил его во главе городского гарнизона и послал сражаться с персами, а сам тем временем, прихватив всю казну, через подземный ход сбежал из города. А этот сумасшедший, оказавшись на воле, внезапно напал на персидских вельмож, восседавших на площади, и перебил их всех до единого. Теперь персы в отместку за это сжигают и убивают всех подряд, я сам еле унес ноги.

– Что же делать?! – сокрушенно воскликнул Диомед. – В городе у меня дом, там вся моя жизнь!

– Благодарите богов, что жив еще, – возразил капитан. – Скоро ночь, персы устанут убивать и уйдут, тогда вы сможете вернуться назад, а пока сидите тихо.

Весь вечер прибывали все новые толпы беженцев; о том, что происходило в городе, рассказывали ужасные истории; люди оплакивали своих близких, сгоревшее в огне имущество и проклинали предавшего их правителя.

– Небось, уже сел на корабль и вместе с золотом уплыл в Грецию, а нам теперь куда податься?

– Будь он проклят вместе со своим рехнувшимся братом!

– Воистину, как жизнь красного правителя, так и смерть его обернулись для нашего города величайшими бедствиями!

Сумерки уже совсем сгустились, когда среди беженцев показался Сизиф. Он появился как-то неожиданно и начал спрашивать окружающих.

СИЗИФ

(рассказ из тетради Диомеда)

Одним словом, Сизиф принял христианство и с тех пор перестал таскать камень на гору, а отправился на поиски все-

вышнего в самом прямом смысле этого слова: ходит сейчас по городу и всех спрашивает:

– Люди, бога не видели? С богом не встречались?

Однажды подошел и ко мне со своим дурацким вопросом:

– Дорогой мой, бог здесь не проходил?

– Боги ведь на небесах живут, Сизиф, на земле их не встретишь.

– Нет, наш бог перед смертью завещал, что обязательно вернется на землю еще раз.

– И для чего же ты бога ищешь, что хочешь ему сказать?

– Хочу спросить, зачем начинать, если потом надо заканчивать? Зачем рождается человек, если потом он должен умереть? На днях за городом на кладбище побывал, столько бродил среди могильных плит, что не заметил, как день прошел, стало уже темно, и мне пришлось там переночевать, а в таком месте разные мысли приходят в голову.

– Какие мысли?

– Посмотри на это море, через тысячу лет совсем другие люди будут сидеть на его берегу, совсем другой город будет стоять здесь... Для чего рождается человек, чтобы умереть? Жаль ведь, приходишь в этот мир, живешь, любишь, а потом исчезнешь навсегда, как муравей. Я сел на каменную плиту и заплакал. Людей стало жалко, себя, этот город жалко. Сейчас живем все здесь, любим друг друга, а потом уйдем, и все.

– И что?

– А то, что землей будем, камнями, травой, а вот Сизифом, Бакуром, Леоном больше никогда не вернемся.

Сизиф тяжело вздохнул, попросался и продолжил свой путь.

5

Уже ночью пришло известие, что персы покинули город, и люди начали возвращаться в свои дома.

– Пора и нам уходить, – закутываясь в плащ, сказал Диомед. – Ты с нами?

– Нет, мне нужно на корабль, – ответил капитан. – Ну, и

неспокойное же место выбрали наши колонисты для основания города.

– То есть, как это: для основания города? – с удивлением переспросил Геродот.

– А что здесь странного: именно мой корабль доставил первую группу поселенцев, кстати, ты тоже был среди них.

– Ты хочешь сказать, что с твоего корабля и началась жизнь этого города?

– Выходит, так. Скоро и остальные корабли придут, люди сойдут на берег и примутся за строительство. Можно сказать, ты сейчас присутствуешь при самом рождении этого города.

– Я хочу это видеть, – взволнованным голосом произнес молодой путешественник.

– Тогда направимся туда, где скоро появится ваш город.

– Идем, – с нетерпением ответил Геродот.

Они пошли вдоль берега и вскоре встретили сидящего на песке седого старика. Диомед, шедший впереди, остановил-

ся и заговорил с ним:

– Давно здесь сидишь?

– Диомед, ты же знаешь, я здесь каждый день и с давних пор.

– Все ждешь ее?

– Да, жду.

– Сколько тебе уже лет?

– Семьдесят семь.

– И до сих пор любишь?

– Люблю.

– Упрямый ты человек, Язон, – вздохнул Диомед.

– Какой есть, другим не умею быть.

Только теперь Геродот с удивлением узнал в старике постаревшего Язона. Это, действительно, был он, только на сорок лет старше.

– Мы сейчас идем в город, – произнес капитан, который с нетерпением слушал разговор со стариком.

– Я с вами, покажу путь покороче, да и поздно уже, пора домой, – сказав это старый моряк встал и накинул на плечи теплый плащ.

– Тогда пойдем.

Город встретил их гробовым молчанием и опустевшими улицами, по обеим сторонам которых возвышались полуобвалившиеся от ветров и времени голые стены. Когда-то уложенные булыжником улицы были покрыты зеленой травой и дикими растениями. От старого города остался теперь лишь оголившийся скелет, а зияющие пустотой окна и обнаженные, без крыш, дома больше походили на кладбище, чем на жилище людей. С соседней улицы послышался одинокий волчий вой, видно было, что на опустевший город наступал не только окружающий его лес, но и дикие звери. Ночью они пробирались сюда, а утром возвращались в свое зеленое царство.

Путники пересекли поросшую кустарникам площадь перед храмом Святой Троицы. Неподалеку из норы выскочило какое-то перепуганное животное и побежало вдоль об-

валившегося здания городского совета. Это место когда-то было окружено высокой крепостной стеной, от которой теперь осталось одно основание. Под тяжестью снега обрушился купол величавого храма Святой Троицы, а вместо его великолепных ворот остались лишь два торчащих из-под земли каменных столба. Теперь под руинами храма, бывшего когда-то гордо-стью всего города, устроили себе норы шакалы и барсуки. Среди полуразрушенных стен гулял холодный ветер, а под бурно разросшимся кустарником почти скрылись очертания площади и прилегающих улиц. Ниже по течению река прорвала дамбу, вышла из берегов и затопила единственную дорогу, связывающую город с внешним миром. Теперь вместо нее образовались заполненные лягушками ямы. Было видно, что по этой дороге давно уже никто не ходил.

Неожиданно из-под руин вылезла какая-то старуха и, на ходу поправляя грязный платок, направилась навстречу путникам.

– Вы живете в этом городе, матушка? – мягко спросил Геродот.

– Вокруг нет уже никакого города: ни людей, ни соседей, никого. Последние жители давно ушли, и по улицам сейчас бродят одни дикие собаки и волки. Даже из дома опасно

ВЫХОДИТЬ.

– А что ж ты, мать, не уйдешь отсюда?

– Да куда мне идти, старая уже. Молодые все ушли, одни старики оста-лись свой век доживать среди этих руин. Вот заберет нас Господь к себе, и город кончится. – Сказав это, она села на камень и, словно забыв о присутствующих, затянула какую-то тоскливую песню.

Печаль овладела сердцами путников при виде этого всеобщего запустения, так ясно указывающего на тщетность всех человеческих устремлений.

– Я ждал увидеть рождение города, а вижу его конец, – с ужасом прошептал Геродот.

– Ты и видишь начало и рождение города, – отозвался Диомед.

– Ничего не понимаю: где здесь начало, вот это? – молодой путе-шественник указал рукой на окружавшие их руины.

– Именно, пойми, это же естественно, начало находится в конце, конец – в начале. Рождение и смерть – они вместе,

но как, каким образом – это не передать словами.

– Но тогда где сама жизнь, то, что находится между рождением и смер-тью, где она?!– воскликнул Геродот и еще раз бросил взгляд на руины, будто искал там ответа.

– Вот здесь, и ты ее видел, – резко возразил Диомед.

– Где здесь? Я вижу лишь груды камней и могильные плиты!

– Прислушайся хоть, о чем так тоскливо поет эта старуха.

Старуха пела какую-то очень древнюю унылую песню, и из ее полузакры-тых глаз катились слезы.

– Ты ее не узнал, Геродот? Это же Медея, жена Язона, она была первой красавицей города, а теперь и от нее остались одни руины.

– Это она? – сокрушенно произнес Геродот. Он невольно прислушался к протяжному вою старухи и стал повторять за нею слова из песни:

«А может, лучшая победа над временем и притяжением

Пройти, чтоб не оставить следа,

Пройти, чтоб не оставить тени».

– Вот тебе и ответ на все твои вопросы.

– Ладно, я пойду, – сказал капитан, до сих пор молча слушающий, разговор своих спутников, – скоро первые поселенцы сойдут на берег, надо их встретить.

Он попрощался и исчез в темноте, а они остались возле руин, слушая жалостливую песню старой женщины:

« Нету вчерашнего дня, нету завтрашнего,

А есть одно вечное сейчас.

Умершие, живущие и еще не родившиеся стоят рядом...»

– Да, теперь я понимаю, – прошептал Геродот, бросив украдкой взгляд на постаревшего Язона, который весь превратился в слух при звуках песни жены, и лицо которого стало белее бумаги.

– Боги, это она! Ее голос ...я узнал.

– Кого узнал?

– Ту, которую ждал всю жизнь.

– Быть того не может! – воскликнули оба от изумления.

– Я ее где только не искал, а она все время рядом была!

Почему, почему никогда не говорила, кто ты?

– А что бы я могла тебе сказать, Язон, когда рядом с тобой была, и ты меня не замечал? Разве слова могли что-то изменить, разве они что-то значат, когда есть настоящая любовь?

– Потому и молчала всю жизнь?

– Только на пороге смерти не смогла выдержать и спела ту песню, прос-ти старухе эту слабость.– Женщина тихо плакала, рассказывая свою историю: – Жители того острова этим и промышляли; покупали девушек, обладающих мелодичным голосом, обучали пению колдовских песен, которыми они завораживали проплывающие мимо корабли, заманивая их прямо на рифы. Для них это занятие было своеобразным видом пиратства. Меня они купили у родителей и пять лет обучали умению петь, потом еще столько же я пела на погибель проплывающих мимо кораблей. Так и жила, по-

ка судьба не послала на наш остров твое судно, Язон. Благодаря хитрости ты спасся и ушел невредимым, а

островитяне посчитали произошедшее дурным знаком и изгнали меня. Я вернулась домой и со временем стала твоей женой. Все остальное ты и сам знаешь. Прости меня, из-за гордости и тщеславия я украла сколько лет у тебя и себя. Ведь ты в упор меня не замечал, а все грезил далекой мечтой – потому ничего не говорила тебе, ревнуя и ненавидя твои воспоминания обо мне. На самом деле, я ведь мстила тебе за это твое пренебрежение.

Теперь оба сидели молча. Невозможно было, чтобы они по-другому жили и по-другому любили друг друга. Даже заговорить не смели и только испуганно смотрели друг на друга. После пятидесяти лет совместной жизни они впервые видели друг друга иными глазами, и спокойно воспринимать происходящее было выше их сил. Сей-час, отживши свой век, они стояли на пороге смерти, и женщине показалось, что ничего их не связывало, кроме мимолетного воспоминания далекой молодости; да и то непонятно, было ли что на самом деле.

– Да, все меняется в этом мире, – печальным голосом проговорила она.

– Только не я, – произнес Язон, не сводя глаз с женщины своей жизни.

– Я ведь совсем старуха, развалина, уже поздно что-то менять.

– Ты постарела не больше, чем я.

Они сидели, и, никого не замечая, плакали от боли и счастья, постигая ту истину, что любовь остается любовью в любом возрасте, и даже время и смерть бессильны перед ней.

– Давай оставим их одних, они этого заслужили, – вполголоса предложил Диомед, и оба, не попрощавшись, тихо удалились.

Волны с шумом бросались на скалистый берег и откатывались назад. Из-за туч выплыла желтая луна и осветила одинокую фигуру маленького человека в треуголке, стоящего у самого берега. Сложив руки на груди и чуть наклонив голову вперед, он упрямо смотрел в морскую даль.

– Это император, он до сих пор здесь, – еле слышно сказал Геродот.

– Я буду здесь всегда, молодой человек, – неожиданно

отозвался Наполеон, и Геродот еще раз удивился его прекрасному слуху. – И умру я тоже здесь, – немного погодя добавил он.

– Диомед говорил мне, что вы умрете далеко отсюда, на острове Святой Елены, и последними вашими словами будут...

«Франция и Авангард», – резко оборвал император, – никогда я не говорил такой ерунды, и даже мой двойник, который подменил меня на том проклятом острове и который, действительно, умер там вместо меня, не произносил перед смертью этих слов. Но люди всегда слышат то, что желают услышать.

– Мы только что были у Язона, – вмешался в разговор Диомед.

– Как он там? – участливо спросил император.

– Совсем постарел, волосы седые, лицо все в морщинах, зубов даже ни одного не осталось, но он счастлив, потому что наконец нашел свою любовь.

– Я рад за него, он это заслужил. И я заслужил свою долю, свое место.

– Какое место?

– Могилу воина, – решительным голосом произнес император. Я нашел для себя могилу воина. Ищут ее реже, чем находят, и она подходит мне более всего. Отсюда в хорошую ясную погоду можно даже увидеть землю моих предков. Здесь я и выбрал себе место. – Император вдруг замолчал и подставил лицо холодному морскому ветру, губы же его продолжали тихо шептать: «Найди для себя могилу воина. Ищут ее реже, чем находят. Она подходит тебе всего более. Осмотришь, выбери себе место и отдохни...»

– Вот и конец нашему путешествию, – сказал Диомед, и через миг он вместе с императором и пустынным берегом растворились в тумане.

СОФОКЛ

(рассказ из тетради Диомеда)

Старый Софокл потерял счет своим годам. Его сверстники давно уже ушли в мир иной, и только он один оставался в этом мире как неопределенное недоразумение. В городе уже с подозрением смотрели на старого поэта.

– Люди, что-то происходит с ним, ведь он не стареет...

– Интересно, сколько все–таки лет Софоклу?

– Кто его знает, когда варвары пошли в поход на Элладу, то вместе с нашими предками Софокл тоже сражался с врагом у Саламин.

– Может, он и Марафонскую битву тоже помнит?

– Марафонская битва произошла сто лет назад.

– Нет, здесь что–то не так...

– Ну, тогда скажи, в чем дело?

– А сами не догадываетесь?

– А о чем мы должны догадаться?

– Он, может, никогда и не умрет.

– Как это?

– Да вот так. Всегда будет жить, как обитатели Олимпа, – при последних словах прекращался шепот, и наступала тишина, а по городу от одной улицы к другой, из дома в дом

распространялся упорный слух: «Софокл больше не человек, боги сделали его бессмертным, не зря же ведь сочинял Эдипа, видно, о себе писал...»

При общении с соседями или совершенно незнакомыми людьми старый поэт все чаще чувствовал какое-то странное, подозрительно – любопытное отношение к себе. Постепенно он и сам стал избегать людей, ушел из города и поселился в Колоне. В этой маленькой деревушке близ Афин у него был дом и клочок земли, оставшийся от предков. Когда полуденный жар становился невыносимым, он уходил в рощу Академий, а вечерами отдыхал на берегу тихого Кефиса, и, опершись на палку, прислушивался к плеску волн. Здесь впервые и встретился он с Ксантипой, девочкой 14–15 лет, необычайно живым и любознательным существом.

– Про тебя говорят, что ты бессмертен...

– Кто говорит?

Девочка повела плечами.

– А разве это имеет значение?

Софокл невольно поежился и скорчил недовольную гримасу.

– Так нельзя, девочка, если говоришь, то уж все до конца, где слышала и от кого.

– Все говорят про это, – с детской непосредственностью ответила Ксантиппа.

У девочки были большие глаза медового цвета, белая, нежная кожа и каштановые волосы. Ее упругое, еще почти детское телосложение и живое выражение лица чем-то напоминали Софоклу дикую лесную нимфу. Необычайная радость, желание и жажда жизни излучались этим существом, распространяясь вокруг.

– Что значит быть бессмертным? Ты имеешь ввиду мои трагедии?

– Да нет, говорят, что ты никогда не умрешь, а будешь все время жить, как бессмертные боги, – Ксантиппа села на камень и с детским любопытством уставилась на старика.

«Разве можно понять этих молодых людей, ни уважения, ни скромности, перед старшими», – подумал Софокл, – «иногда думаю, что нравы наши политики: испортили софисты наш мир», – старый поэт погладил рукой белую, как снег, бороду и бросил взгляд на стоящий вдали Акрополь. Даже

отсюда отчетливо были видны здание Парфенона и памятник богини Афины, изваяние великого Фидии.

– В одном италийском городе существовал закон: если какой-нибудь гражданин предлагал городу великую идею, дело или законопроект, то того человека, окружив стражниками, сограждане ставили на вершину горы, прямо над пропастью. Народ собирался внизу, а этот человек, стоя над пропастью, обращался к нему. Если людям его предложение нравилось, то все заканчивалось благополучно, и предложение принимало форму закона, если же нет – то бедолагу стражники сбрасывали прямо в пропасть. Такова была цена стремления к славе. Этот закон для того и придумали, чтобы люди, жадно стремящиеся к славе и известности, воздерживались и не соблазняли народ опасными и заманчивыми идеями, но всегда находилось в городе один – два смельчака, которые, горя желанием стать знаменитыми, шли на смертельный риск. Страшно было подниматься над пропастью и смотреть оттуда на народ, но жажда славы кружила им голову и заставляла стремиться к вершине. Это я говорю к тому, что люди часто отождествляют славу, счастье и бессмертие, готовы ради славы жертвовать даже жизнью; но те немногие, которые добились ее, в один прекрасный день обнаруживают, что, стоящие на вершине славы, они на самом деле находятся там же, откуда начали. Жизнь – это всего лишь накопление опыта и знаний.

– И что происходит, когда человек поднимается на вершину опыта и знаний?

– Ты умираешь и превращаешься в ничто, – с беспощадной откровенностью признался старик, – в конце концов, остается единственная реальность: годы проходят, ты стареешь и, рано или поздно, приходит время, когда ты расстаешься с богатством, славой и удаляешься в мир иной таким же голым, каким явился сюда. Наверное, бедным и безызвестным легче умирать, они ведь теряют намного меньше.

– Чем хотя бы ты?

– Да хотя бы и я.

– Но имя великого человека, память о нем остается среди потомков, разве это ничего не значит?

На лице Софокла промелькнула печальная улыбка.

– все равно, что общего с этим именем будет иметь через пару веков превратившееся в прах тело? Честолюбие – это молодежная болезнь. Когда я написал Эдипа, меня наградили венком, были оvationи, слава, а что изменилось? Я остался все тем же Софоклом, только годы поприбавились, вот и все.

На самом деле, все заканчивается с приходом смерти, поэтому нет для человека более драгоценного клада, чем жизнь, она начало всему, и ты, Ксантиппа, намного богаче и счастливее меня. За один день твоей жизни я бы отдал всю свою славу и это бессмертие, лишь бы еще хоть раз почувствовать себя молодым.

Девочка некоторое время сидела с задумчивым лицом, потом на ее губах появилась озорная, хитрая улыбка. Неожиданно она встала, сняла легкую тунику и предстала перед стариком в чем мать родила.

– Поменяемся, я уступаю тебе мое молодое и здоровое тело, а ты подари мне свою славу.

Возрастной предел девочки был таким, что Софокл часто путался и не знал, как вести себя с ней: порой ему казалось, что перед ним взрослая молодая женщина, а через миг она опять превращалась в беззаботного ребенка, что часто ставило старика в неловкое положение; и сейчас он так же смущенно моргал глазами и не мог понять, кто стоит перед ним – женщина, пытающаяся соблазнить его, или озорное дитя, не ведающее само, что творит.

– Немедленно оденься, а то еще кто–нибудь увидит. Если будешь так себя вести, расскажу все твоим родителям, чтобы

они тебя хорошенько отшлепали.

Ксантиппа, надувшись, нагнулась, подняла с земли упавшую тунику и оделась.

– Что тут особенного, когда в палестре на соревнованиях вместе со сверстниками голая выступаю, так весь город на нас смотрит, и ничего.

– То в палестре, а здесь тебе не спортивные игры. Ты не такая уж и маленькая, чтобы не понимать, как надо себя вести.

– Зря родителями пугаешь. У меня только мать, и то гетера по профессии, и бабушка гетерой была, наверное, меня тоже ждет такая участь. Я уже не ребенок, и все прекрасно понимаю. В нашей семье это ремесло переходит от матери к дочери.

– Все равно, молодая еще...

Ксантиппа села на камень, положила ногу на ногу и томно прикрыла глаза. Перед стариком ребенок опять превратился в молодую женщину.

– какая разница, все равно, через 2 -3 года мне придется

лечь с каким–нибудь мужчиной, но если моим первым любовником будет бессмертный Софокл, понимаешь, какая это слава для будущей гетеры?

– Ксантипа, мне 90 лет, еле хожу, опершись на палку. Потому и оставил город, чтобы в этой деревни тихо и спокойно ждать своего смертного часа.

– На моей улице живет один сирийский купец, торговец книгами. Недавно у него дома нашла папирус, где рассказано про одного восточного царя. Когда этот царь постарел, и у него иссякли жизненные силы, ночью к себе в постель он ложил юных дев, этим согревая себе кровь и продлевая свою жизнь. Посмотри на меня, ведь я – живая любовь, полюби, что ты теряешь?

– Было бы сумасшествием, и срамом, если бы так случилось – это была последняя здравая мысль, пришедшая в голову старику. После здравые мысли покинули его...

*****

Софокл и не помнил уже женскую любовь: когда это было да и было ли вообще? Нет, ему, баловню судьбы, всегда

хватало женского внимания, но настоящую любовь он не мог вспомнить. Дорогостоящие гетеры из Малой Азии, утонченные аристократки, поклонницы его таланта, и даже две принцессы царского рода – одна из Сицилии, другая – из Кирени – кого только не было в его долгой жизни; ведь имя великого поэта как мед притягивало женщин; любовью же он любил только театр и свои стихи. Столько лет жил без любви, и только теперь, на закате жизни, встретил настоящую любовь. Несколько дней, проведенных в близости с Ксантиппой, оказались достаточным для того, чтобы осознать это, и ожидающий смерти старик, словно заново родившийся, был счастлив, как ребенок, жалея лишь о том, что так поздно пришло к нему это чувство.

В деревне уже привыкли, что Софокл любил гулять на берегу реки, а легкая на ногу Ксантиппа каждый день приходила из города. Они встречались в маленькой роще на берегу реки и целыми днями оставались вместе, сокрытые от постороннего взгляда.

– Обещай, что научишь любить, – попросила однажды девочка, когда они, утомившись от ласки, лежа отдыхали на траве.

– Научить любви невозможно, девочка, любовь – это дар богов, – с улыбкой произнес Софокл.

Ксантиппа приподнялась и скорчила недовольную мину.

– Не называй меня так, не нравится, я ведь уже не маленькая.

Софокл закрыл глаза и прислушался к шуму речных волн. Был уже полдень, но стоящие вокруг густые деревья не пропускали солнечные лучи.

Здесь, в тени, несмотря на летний зной, было прохладно и уютно. Над головой тихо шелестели листья, и их шорох вызывал спокойствие и умиротворение в душе поэта.

– А что в этом плохого, если я буду называть тебя так?

– Я не маленькая, – упрямо повторила девочка.

– Хорошо, хорошо, взрослая женщина.

– Во всяком случае, достаточно взрослая для того, чтобы удовлетворить твое мужское желание, – в ее голосе теперь отчетливо слышались вызывающие нотки.

– Я не хотел тебя обидеть... – Софокл казался смущенным и не знал, что ответить.

Ксантиппа распрямила нахмуренный лоб и улыбнулась.

– Ладно, если тебе нравится, называй меня так, но не вздумай обращаться со мной как с ребенком, лучше расскажи, как ты любил других женщин. Слышала, их много было в твоей жизни.

– Это было еще до твоего рождения.

– Теперь они уже все дряхлые старухи, – в голосе девушки прозвучали удовлетворительные нотки.

– Большинство из них, наверное, уже нет в живых, может, и осталось одна – две, хотя вряд ли...

– И тебе жалко тех старух?

– Нет, что ты, последняя женщина в моей жизни была лет тридцать назад, уже и не помню, – неожиданно старик почувствовал, что он оправдывается как маленький ребенок, и, наверное, со стороны выглядит довольно смешным, потому невольно смутился и даже покраснел.

– Теперь твоей единственной и последней женщиной буду я, – довольным и уверенным голосом произнесла Ксантиппа.

па, – и я хочу, чтобы об этом знали все.

– Ты этого не посмеешь!

– Просто пойду в город и всем расскажу о нас. – Ксантиппа хотела еще что-то сказать, но, посмотрев на Софокла, от страха прикусила язык. Лицо старика стало белее бумаги, из глаз же сыпались искры гнева.

– Ты, маленькое развратное существо, придушу собственными руками! У меня сыновья, внуки, семья...

– Ладно, ладно, я пошутила, что, и шутить уже нельзя, а ты поверил, – на всякий случай Ксантиппа отошла в сторону на несколько шагов, так как на старика, действительно, было страшно смотреть.

С того дня беспокойство овладело душой Софокла. Порой ему казалось, что односельчане тайно следили за ним. Однажды из города приехал сын с невесткой. Софокл только что собирался выйти из дома, а при виде их смутился, как преступник, которого застигли на месте преступления, вел себя странно; супруги заметили это, но отнесли к чудачеству старика. Софокл только тогда и успокоился, когда проводил гостей назад в город. «Достаточно хоть одному человеку узнать про нас, и конец спокойной жизни. Разве заста-

вишь афинян молчать? Слух в мгновение ока распространится по городу», – подумал старик.

Весь трагизм его положения заключался в том, что без Ксантиппы он не мог жить, и вместе с тем, было ясно, что эту историю не удастся долго скрыть от людских глаз. Страх и смятение овладели душой поэта. Девяностолетний старик влюбился в четырнадцатилетнюю девочку – кто такое способен понять, что скажут люди, как отреагируют сыновья? Возьмут на смех, проклянут, или в лучшем случае, объявят сумасшедшим. Поэтому он все больше избегал думать о завтрашнем дне, и как корабль без кормчего, слепо плыл по течению. Появление любого нового человека в деревне вызывало у него чувство беспокойства, и теперь он избегал даже соседей.

Ксантиппа всего этого не понимала, да и не хотела понять. Опасения старика вызывали в ней только раздражение, и Софокл очень скоро обнаружил, что его любимая – довольно язвительное и острое на язык существо.

– Вы только посмотрите на этого глупого старика, борода вся седая, а в голове ни крупницы мозгов. Софокл, ты просто смешон, очень скоро даже дети будут гнаться за тобой по улице, и бросать камни! Все будут смеяться над тобой, и показывать пальцем, даже носа не высунешь! И поделом тебе..!

Слышать все это для Софокла было невыносимо, так как осознал, что она говорит правду. Девушка была юна и свежа, а он – испещренный морщинами старик. Она была веселая и жизнерадостная, он же – скучный и надоедливый. Вся жизнь девушки принадлежала будущему, для Софокла же это будущее осталось в далеком прошлом; и поэтому права была Ксантиппа, а не он.

Молодые, сильные и здоровые всегда правы перед старыми и немощными – это вечный закон жизни. Софокл понимал это, может быть, даже лучше остальных, и в душе был согласен с той мыслью, что он уже свое отжил, и теперь пришла пора платить за прожитую жизнь. Но природа подростка жестока, влюбленной женщины – тем более, и когда насмешки Ксантиппы становились невыносимыми, старик хватался за палку, и дрожа от ярости, гнался за девушкой, что делало его положение еще более трагикомичным.

*****

В конце лета по городу прокатился слух, собравшиеся на Агору афиняне не верили своим ушам, и все-таки жадно ловили эту новость.

– Люди, представляете, оказывается, у поэта Софокла была любовница!

– Какая может быть любовница в его возрасте?

– Софокл жив еще, не умер?

– Живой он, да еще, какой живой: четырнадцатилетняя свежая девчонка у него в любовницах.

– А сколько лет Софоклу?

– Девяносто или девяносто пять.

– Интересно, что он с ней делает? – при последнем вопросе вокруг поднялся общий хохот.

– Вот тебе и слепой Эдип!

– Люди, если все это правда...

– Что значит, если правда? Весь город только об этом и говорит. Сыновья подали в суд жалобу, и возбудили дело против отца. Говорят, что старик сошел с ума, и требуют опеку над ним.

– На Софокла, что ли?

– И на Софокла, и на его имущество, чтобы сумасшедший старик все деньги не выбросил на ветер и не оставил своих детей без наследства.

– А, по–моему, все поэты сумасшедшие, во всяком случае, нормального среди них я не встречал.

– И теперь весь этот народ идет в суд?

– А куда ж еще? Всему городу интересно узнать, чем закончится эта история.

– Тогда давай и мы тоже пойдем.

– Давай.

Судебный процесс проходил не в здании Буле или Ареопага, а в расположенном на склонах Акрополя театре. Афиняне обожали театральные представления, и такого случая никак не могли упустить. Зрительные ряды еще с утра наполнились до отказа, и на той же сцене, где раньше ставили «Эдипа» и «Антигоне» Софокла, поставили кресла для архонта и членов Ареопага. Амфитеатр замер в ожидании, и процесс начался.

Выступили адвокаты, допросили испуганную и плачущую Ксантиппу, деревенских соседей Софокла, обвинительная сторона произнесла блестящую обвинительную речь и в конце вызвали Софокла. Старик в одиночестве стоял перед судьями и беспомощно озирался вокруг.

– Софокл, что ты сам можешь сказать про все это? – спросил обвинитель, вопрос был поставлен так хитро, что бы не говорил старик, оправдываясь или выступая со встречными обвинениями, в любом случае, он продемонстрировал бы свое и без того беспомощное и плачевное состояние.

Софокл это и сам понимал, и поэтому стоял молча, как виноватый.

– Софокл – поэт, великий поэт, – продолжил свое выступление обвинитель, его имя – это имя и слава нашего города, его позор – это наш общий стыд и позор. Поэтому долг нашего города – заботиться об этом человеке; он старше всех нас, и можно сказать, что по возрасту, мы все годимся ему в сыновья. А разве не долг сына заботиться о старом отце?

– Я ни от кого ничего не прошу, никому не мешаю, зачем привели сюда и мучаете меня?

Обвинитель игнорировал последние слова старика и продолжил!

– Спрашиваю вас я, граждане афиняне, если с Софоклом произойдет какая – либо беда, разве не скажут, что афиняне – неблагодарный и бесчестный народ, и что они не заботились и не присматривали за своим великим соотечественником?

Софокл ударил палкой о каменный пол, и звук этого удара эхом разлетелся по всему амфитеатру.

– Люди, одного прошу только: дайте спокойно дожить свой век, неужели это так много?! Неужели любовь даже в моем возрасте преступление?!

Среди зрителей пробежал глухой шепот, впереди сидящие в смущении заерзали на стульях, стараясь не смотреть на старика и избегая его взгляда. Сущность дела для всех была уже ясна: обвинительная сторона имела все доказательства, и возбужденный сыновьями поэта иск, казался вполне законным и справедливым; но в словах беспомощного старика чувствовалась другая правда, та правда, которая выше любого закона. Обвинитель почувствовал, куда стали клониться симпатии судей и зрителей, поэтому изменил план действия и потребовал допросить старика.

– Софокл, ты поэт, скажи, что означает для тебя суть творчества?

– Суть творчества – это правда, я всегда говорил об этом.

– Очень хорошо, – произнес обвинитель, – тогда с разрешения суда попытаюсь разобрать известную всем дилемму слепого Эдипа из трагедии, сочиненной обвиняемым, и пусть суд все решит и вынесет справедливое решение.

– Трагедия поэта здесь не причем, – вмешался в процесс допроса архонт, – мы здесь разбираем не творчество Софокла, а его жизнь.

– Они не отделимы друг от друга, я только приведу одну фразу, чтобы все стало ясно. – Лицо архонта нахмурилось, но на требование обвинителя он дал согласие и постучал по столу деревянным молоточком.

– Тишина в верхних рядах!

– Вот та фраза, – произнес обвинитель в наступившей тишине, – «Моя старость и тяжесть обрушившихся на мою голову несчастий ясно говорят, что все в этом мире справедливо...» Выходит, что все те невзгоды, которые обрушились

на Эдипа, были справедливы, и он это заслужил?

– Совершенно верно.

– Несмотря на то, что он был слепым орудием судьбы и не ведал что творил?

– Именно так.

– Значит, все происходящее с человеком в его жизни справедливо? – на лице обвинителя промелькнула ядовитая улыбка, – и не имеет значения, хороший это человек или плохой, достоин он этого или нет, каждый из нас заслуживает свою судьбу; но тогда справедливо и то, что ты, Софокл, уже глубокий старик, вся твоя жизнь осталась в прошлом, и, наверное, скоро умрешь, возраст у тебя такой, что пора умирать. Что скажешь, справедливо ли это?

Сидящие в театре несколько тысяч человек, затаив дыхание, ждали ответа старого поэта. Софокл оглянулся, и его взгляд упал на склоны Акрополя, стоящую на вершине горы статую богини Афины, на лежащий внизу город, который отсюда был виден, как на ладони: вот площадь Агоры, холм Пникса, кварталы Мелита, Керамик, а дальше – городские ворота и дорога к Некрополю. Когда-то разрушенный персами город отстроился и вырос на его глазах. Это был его

город. Здесь провел Софокл каждый год своей долгой жизни, и не мог представить себя без этого города. В памяти с удивительной ясностью воскрес каждый год, каждый день прожитой жизни, начиная с далекого детства, еще с той поры, когда этот город не был построен, и еще не родились сидящие теперь перед ним люди. Кто знает, может, последний раз смотрит бедный старик на родной город, и теперь пора прощаться. Софокл поднял голову, посмотрев в глаза обвинителю и тихим, но твердым голосом произнес:

– Это справедливо!

Несколько тысяч человек и сами судьи, затаив дыхание, сидели и слушали все это, и каждый из них в тот миг всем своим существом почувствовал то величие, которое исходило от этого человека и захватывало их сердца. Это не было величие, измеряемое сиюминутным успехом в нашем бренном мире, можно сказать, что это было величие в опрокинутом значении, единственной мерой которого являлась глубина горечи и несчастья, заполнивших одинокую, но непоколебимую душу старого поэта; величие, которое ни взять, ни отдать уже не мог никто, и потому, величие истинное и неотъемлемое.

Неожиданно кто-то захлопал в ладоши, и через мгновение сначала передние ряды, а затем весь амфитеатр стоя ру-

коплескал оглушительными овацями, от которых содрогалось все вокруг.

6

Вокруг, действительно, стоял густой туман, и Геродот не сразу сообразил, что находится на палубе корабля. Весла тихо плескались за бортом в такт медленно бьющему барабану. Было уже утро, и дул холодный промозглый ветер. Он пожегся и попытался получше закутаться в теплый плащ, но это не очень-то получилось, и тут он окончательно проснулся. Первое, что увидел перед собой, было улыбающееся лицо капитана.

– Мы подплываем к Колхиде. Скоро туман рассеется, и станет видно устье Фазиси. Ты просил разбудить тебя как раз к этому часу.

– Кажется, вчера я хватил немного лишнего, – ответил Геродот и, приподнявшись на локтях, оглянулся вокруг себя.

– Нам, грекам, нельзя пить неразбавленное вино, особенно из винограда, выращенного в здешних краях; крепко бьет в голову, но это скоро пройдет.

– Я видел какой-то странный сон, и притом, очень длин-

ный.

И о чем-же был сон?

– Уже почти не помню. – Геродот задумался, силясь что-то вспомнить, но сознание воскресало лишь какие-то неясные обрывки, тут же исчезающие, как утренний туман. – Помню только, что сон был необычный, а может, и вещий. Надо будет обязательно спросить у жреца-предсказателя, к чему это.

– Ты же ничего не помнишь, как тогда расскажешь жрецу?

– И то верно, – улыбнулся Геродот. – Ладно, где устье Фазиси, я хочу его видеть.

– Да вот оно, прямо по носу. Вокруг пустынный берег, а дальше на юг – озеро. Здесь мы и собираемся заложить новый город. На нашем корабле сейчас первая партия переселенцев. Можно сказать, что ты присутствуешь при самом рождении этого города.

При этих словах капитана Геродоту показалось, что он поймал какую-то мысль, но опять не успел ухватиться за нее, и оттого с досады невольно поморщился.

– Вчера за столом ты что-то говорил о времени, будто его сами люди и выдумали.

– Да мало ли чего спьяну сболтнешь, я не помню. Извини, корабль скоро причалит к берегу, и мне нужно отдать необходимые распоряжения.

После этого капитан удалился, и Геродот остался один. Он быстро поднялся, умыл лицо холодной водой и подошел к корабельному носу. Сквозь рассеивающийся туман отчетливо видны были пустой берег и устье реки. Молодого путешественника не оставляло странное ощущение того, что все это он уже когда-то видел: и этот берег, и реку, хотя никогда раньше в этих краях не бывал. Вдруг совсем рядом кто-то запел нежным, мелодичным голосом:

«А может, лучшая победа над жизнью и притяжением

Пройти, чтоб не оставить следа,

Пройти, чтоб не оставить тени...».

Геродот узнал певицу, это была личная рабыня капитана, еще вчера за столом развлекавшая их под эту песню как раз перед тем, как он заснул. Вот именно, он заснул под звуки и слова этой песни, а потом видел странный сон о каком-то

городе, но теперь содержание сна испарилось из сознания, оставив после себя непонятный осадок грусти и печали. В это время корабль бросил якорь, на воду пустили лодку, и Геродот вместе с несколькими пассажирами пересел в нее. Когда лодка подошла к берегу, туман окончательно рассеялся, и вместе с ним исчез странный осадок грусти в душе, все, что осталось от недавнего сновидения. Через мгновение Геродот впервые ступил на пустынный берег Колхиды.

Последний спартанец

(рассказ из тетради Диомеда)

«Теперь стычка произошла по ту сторону теснины, причем варвары падали в большом количестве. Позади их отрядов с бичами в руках стояли начальники и ударами гнали всех вперед все дальше и дальше. Так как эллины были убеждены в том, что им предстоит погибнуть от рук варваров, то дрались с отчаянным ожесточением и бешеной отвагой. Когда у большинства копья уже сломались, они рубили персов мечами. В этой битве пал царь Леонид, а вместе с ним и другие знатные спартанцы. Так продолжалось сражение до тех пор, пока на поле боя не явились варвары с Эфиалтом.

Лишь только греки узнали об их прибытии, ход битвы изменился: они отступили назад к теснине и расположились на холме, мечами отбивали атаки врага; а у кого мечи не уцелели, те дрались руками и зубами, пока варвары не похоронили их под стрелами» . . . . . Продавец с клеткой в руках в одиночестве стоял на углу улицы и кричал живым веселым голосом:— Купите птицу, редкий вид из Африки! Умеет петь, садиться на руку. Птица ученая и умная!

Услышав выкрики продавца, несколько редких прохожих равнодушно оглянулись. Какой-то ребенок даже пальцем указал на клетку и захныкал, но мать сердито дернула его, и через миг они оба исчезли за поворотом.

– Неужели никто не подаст страннику десять оболов на кусок хлеба, не много ведь.

Павсаний, случайно оказавшись неподалеку, от нечего делать прислушался к причитаниям продавца птицы:

– Она и вправду редкой породы, – произнеся это, он нагнулся к клетке и внимательно присмотрелся к птице.

– Я же говорю, породистая, из Африки, кучу денег стоит, а сколько трудов потрачено на ее обучение! Считаю, сына родного отрываю от сердца, но что делать, нужда довела.

– Далековато ведь отсюда до африканского берега?

– Что? – не понял продавец.

– Я говорю, далеко ей до дома родного лететь, да и дорогу вряд ли найдет.

– Она еще как найдет, это ведь умная птица: сядет на мачту корабля и как миленькая доплывет. Ты уж поверь: не птица, а настоящее сокровище.

– Тогда я покупаю ее, – сказал Павсаний и отсчитал из кошелька десять мелких монет, потом, приоткрыв дверцу клетки, взял пернатого на руку, вынул из клетки и подбросил вверх. – Лети, птица, домой!

– Что вы делаете, уважаемый?! – с удивлением вскричал продавец.

– Я отпускаю ее на волю, пусть летит себе в Африку.

Птица от неожиданности встрепенулась, расправила крылья и взлетела.

– Благородный вы человек, вот чего вздумали, – прогово-

рил продавец, провожая взглядом полет своего пернатого. А тот медленно поднялся вверх, сделал круг над головой, а потом, опустившись, влетел обратно в клетку и устроился на прежнем месте.

– Что это значит? – Павсаний был явно смущен.

– А что вы ожидали увидеть, уважаемый? Птица вернулась к себе домой, как вы того и хотели.

– А Африка?

– Когда это было? Ее деда, а может, и прадеда, привезли из Африки, а она сама в этой клетке родилась и выросла, клетка и есть ее дом, а другого у нее никогда и не было. Птица ведь домашняя, прирученная, куда ей лететь?

– А вы говорили, что она дорогу на родину найдет.

– Что делать, – хитро улыбнулся продавец, прищулив глаза, – каждый хвалит свой товар. Я ведь и не думал, что вы и в самом деле отпустите ее на волю. Как же теперь быть, забираете вашу птицу?

– Мне она не нужна.

– Но вы ее купили, я имею право не вернуть деньги назад.

-Оставьте их себе, и птицу тоже, – вздохнул Павсаний.

– Благородно с вашей стороны. Что ж, спасибо, спасибо, – и продавец в знак благодарности прижал руку к груди.

– Что делать, времена царствуют...

– Это вы о чем, уважаемый?

– Извините, это я просто так, мысли вслух.

. . . . .

.....

Спарта, где жил Павсаний, к тому времени превратилась в жалкий, всеми забытый городишко, где еще не так давно одинокие старики невесть кому твердили услышанные в детстве рассказы о великом городе, когда-то стоявшем здесь, о царе Леониде, персах, Лисандре; но кто мог теперь поверить, что мужики из окрестных деревень когда-то вершили судьбы мира, что их предки жили в великом городе, перед которым дрожали империи. Даже малочисленность не

мешала спартанцам, и когда в стране осталось всего две тысячи спариатов, они объявили войну Персии и добились для себя почетного царского мира, и вся Азия трепетала, когда отряд всего лишь в несколько сотен человек собирался в поход. А еще в Спарте никогда не строили крепостные стены. считалось, что лучшие стены Спарты – ее воины. Старики те давно уже умерли, теперь и рассказывать-то было некому. Жители крохотного городишка, лежащего среди руин былого величия, как тени ходили меж мертвых зданий, смотрели на мертвые храмы. Спарта беднела, худела, ее жители расходились или умирали.

Прощай, Спарта! Твоих гоплитов не боятся теперь ни в Сардах, ни в Афинах, твои цари мертвы, твои эфоры и геронты разогнаны, законы твои забыты. По твоим пустым площадям гуляет ветер; никто не поднимет меча, не ударит копьем; никто не объявит новой войны. И только неповторимая природа долины Эвроты оставалась неизменной. Узкая горная долина, покрытая благоухающими садами, посреди которой и стоит Спарта. В жаркий солнечный день здесь можно прогуляться в тени оливковой рощи, где когда-то стоял Акрополь, спуститься к болотистому берегу реки Эврот и постоять там, где давным-давно возвышался храм Артемиды. Издали виднеются величественные горы. На западе нависают зубчатые стены Таигета, чьи вершины покрыты снегом почти круглый год; на востоке поднимается предгорье Парнон;

а между этими двумя грядами открывается одна из самых прекрасных и нежных долин Греции. Но теперь время здесь застыло, и давно уже ничего не происходит. День кончается ночью, ночь вновь превращается в день, человек рождается и стареет, стареет и умирает. Люди привыкли к этому.

Павсаний упорно трудится над камнем, вырезая из него фигуры богов, людей, предметов – все то, что когда-то было связано с величием Спарты. Во всей Спарте, может, он один и остался, кто еще помнит об этом величии. Соседи косо, с недоверием смотрят на занятия этого странного чудака, держа его за полоумного.

– Тебе что, больше делать нечего, как возиться с этими камнями и ковыряться в земле, – спросит иногда кто-нибудь из них.

– А как же быть, люди, неужели не видите: уходит, исчезает память о нашем городе; кто из Спарты уехал – никто назад не возвращается, а те, кто остались – обо всем позабыли. Если так продолжится – совсем исчезнет память о нас, никто не вспомнит, кем мы были, как жили. Даже потомки наши позабудут о том, что был когда-то такой народ, спартанцами звались, великие дела творили. Вот видите аллею вдоль берега реки: там захоронены останки трехсот спартанцев, удерживающих Фермопильское ущелье от орд варваров,

она раньше Аллеей Героев называлась; а вот здесь, на этом самом месте, стоял памятник великого Лисандра, разбившего афинян и объединившего всю Элладу.

– Эге, когда это было?

– Было ведь, люди, почему мы забываем наше прошлое?

– Да что осталось от этого прошлого, оглянись кругом: молодые все сбежали из наших мест, а нам, старикам, и могилы хватит – бросят туда наши кости, и все тут. Да и от твоих спартанских героев теперь одни кости остались.

– Да, времена царствуют, а не цари, – печально заметил Павсаний, но свою работу упорно не бросал.

И в тот день старик тоже возился с камнем. Гранитная глыба с трудом поддавалась обработке и он весь вспотел. Соседский мальчик Лео, которому шел уже четырнадцатый год, сидел поодаль и с детским любопытством наблюдал за работой.

– Дедушка, что это за посудину ты лепишь?

– Это, сынок, амфора для хранения останков Ликурга.

– Ликург, кто это?

– Великий законодатель, который основал наше государство, он положил конец смутам, объединил наш народ, и даже после его смерти Спарта расцвела еще восемь веков. Ликург – это отец и покровитель нашего города.

– А как он умер?

– Когда Ликург установил законы, по которым должна была жить Спарта, он отправился к дельфисскому оракулу, взяв перед отъездом с народа клятву, что до его возвращения в его установлениях никто ничего не изменит. Многие среди спартанцев были недовольны его жесткими законами, но клятву дали и с нетерпением начали ждать его возвращения.

– И что же сказал оракул Ликургу?

– Сказал, что покуда Спарта будет жить по его законам, она будет непобедима. Тогда Ликург, чтобы никогда не вернуться домой, умертвил себя голодом. По его предсмертной просьбе тело его сожгли, а пепел рассеяли по морю, Он боялся, что соотечественники, вернув его останки на родину, посчитают себя освобожденными от данной клятвы. Так погиб человек, который больше всего на свете любил свою родину. Даже свои останки он не оставил родной земле, и спартанцы

были вынуждены жить по его законам, ведь они дали клятву не менять эти законы, пока Ликург не вернется домой. Но этому не суждено было сбыться.

– Если пепел Ликурга рассеян по морю, то тогда для чего этот кувшин, ведь он навсегда останется пустым?

– Кто знает, кто знает, – задумчиво произнес Павсаний. – Все равно в Спарте уже давно не живут по законам Ликурга, и теперь он может вернуться.

– Да как же он вернется, если даже пепел его развеяли по морю?

– Ветер принесет, морская волна выбросит, но рано или поздно, Ликург вернется в свой город. Боги не допустят, чтобы было иначе. Наши предки были великим народом, об их выносливости ходили легенды, даже дети у нас были особые. Вот видишь статую мальчика с лисенком в руках, я слепил ее совсем недавно? Рассказывают, что как-то раз спартанский мальчишка украл лисенка и спрятал его в плащ. Когда его поймали и улучили в воровстве, он упорно молчал. Ногтями и зубами зверек раздирал живот ребенка, стараясь вырваться на свободу, а он терпел боль. Мальчик так и умер от ран, но не подал виду, что держит под плащом что-то ворованное. Вот какие дети жили в Спарте.

– Что ты пугаешь моего сына своими сказками? – За рассказом Павсаний и не заметил, как к нему подошла Агиса, мать Лео, – бесчеловечным был твой Ликург, не жалел ни себя, ни других, и законы его были жестокими и безжалостными. Тебе ли не знать, что если бы тот мальчик признался в краже, вытащив животное из-за пазухи, то его за неловкость и трусость заporоли бы до полусмерти. Мальчик настолько боялся наказания, что крепился, даже когда терпеть было уже невмоготу. Да и что это за страна, где семилетних детей отрывают от матери и обрекают на холод и голод, чтобы потом из них выросли выносливые и безжалостные воины. Хвала богам, что моему сыну не пришлось жить в то время.

– И это говорит спартанка?! – с упреком произнес Павсаний. – Раньше наши женщины знали себе цену, для них не было большей чести, чем знать, что их сыновья героически пали в сражении, и с презрением отказывались от них, если им удавалось вернуться живыми с поля битвы. Да, спартанки знали себе цену, они были самыми сильными, самыми красивыми и самыми бесстрашными женщинами в Элладе, ни чета робким и забитым афинянкам. Когда одна чужеземка сказала жене царя Леонида: «Одни вы, спартанки, делаете что хотите со своими мужчинами», та ответила: «но ведь одни мы и рождем настоящих мужчин». Вот какие это были

женщины!

– Я своего мужа уже десять лет не видела: уехал на заработки на чужбину и пропал, нет его больше. Даже не знаю, умер он или живой; мальчик, считай, без него вырос, отца и не помнит.

– А когда вырастет, он тоже уйдет на чужбину и пропадет. Будешь в старости одна жить, потому что теперь в Спарте мужчинам больше делать нечего.

– Что ты душу мою травишь, – с ненавистью в голосе проговорила Агиса, – мой муж отправился на заработки, а мальчика я никуда от себя не отпущу.

– Не вернется твой муж больше, ты сама это знаешь, и мальчика не удержишь, потому что в нашем городе перевелись настоящие женщины, остались лишь слезливые мокрые курицы наподобие тебя.

– Будь ты проклят, желчный старик, не дождусь, когда подохнешь!

– Зря ты так, – сказал Лео, когда Агиса, отряхивая подол платья, ушла с проклятием на устах, – она женщина добрая, только жизнь у нее теперь не мед.

– А когда она была медом? – гневно возразил Павсаний, – жизнь – это борьба, сильный побеждает, а слабый погибает, и его не жалко. Вот наш народ ослаб и гибнет, наши мужчины убегают от нищеты на чужбину, а то и хуже: чтобы обрести хоть какой-то достаток, продают себя в рабство – за хозяйским плечом им надежнее.

– И это справедливо? – серьезным, взрослым голосом спросил мальчик.

– И это справедливо, – с желчью в голосе отозвался старик. – Про спартанок я еще не все рассказал. Не было в Элладе женщин свободнее и независимее их, но самое главное, хоть они и не любили украшений и им были чужды жеманство и кокетство, во всей Элладе это были самые красивые женщины. Ведь даже Елена Прекрасная была родом из Спарты. По преданию, когда одну из спартанок враги схватили и продали в рабство, то на вопрос «Что она умеет делать?» ответила: «Быть свободной». Когда же в наказание за строптивость хозяин решил заставить ее заниматься трудом, недостойным свободного человека, она покончила с собой со словами: «Ты пожалеешь, что из жадности прикупил такую вещь». Вот какие это были женщины.

– Люди говорят, что все это было очень давно, да и было

ли?

– Вот эту дорогу видишь, парень, что тянется вдоль реки?

– Ну, вижу.

– Вот по этой дороге шли царь Леонид и триста спартанцев оборонять Фермопилы.

– А что же произошло там, в Фермопилах, дед?

– Тебе сколько лет, Лео?

– Осенью четырнадцать исполнится.

– Вот видишь, ты почти уже взрослый парень, а про триста спартанцев толком ничего не знаешь. Если и была у спартанцев великая битва, то это прежде всего битва при Фермопилах. Если они совершили когда-то великое деяние то это то, что они совершили в этой битве. Случилось это очень давно. Персидский царь пошел походом на Элладу, со всей Азии собрал он огромные полчища. Войско варваров было столь многочисленно, что оно разом выпивало целые реки, встречавшиеся по пути, и во всем мире не было силы, способной противостоять ему. Когда спартанцы обратились к дельфискому оракулу, тот предрек им поражение. Тогда обеспоко-

енные, наши предки повторно обратились к оракулу с вопросом: «Есть ли возможность как-то избежать поражения?», на что оракул после некоторого колебания ответил: «Греки могут выиграть войну с варварами, если один из спартанских царей погибнет, сражаясь с персами». Чтобы не рисковать всем войском, царь Леонид взял в поход триста спартанцев. Это были только добровольцы, люди пожилые, у кого дома оставались взрослые сыновья. Спарта, посылая своих воинов на верную смерть, позаботилась, чтобы погибая на поле боя, каждый из них мог оставить себе замену. Вскоре все греческое войско стало лагерем в узком Фермопильском ущелье. Через несколько дней показались и полчища варваров. Персов было столь много, что их отряды в течение недели подходили и собирались в один лагерь. Их царь не мог скрыть недоумения, когда передовые дозоры донесли о маленьком греческом отряде, расположившемся в ущелье. Четыре дня персы ожидали в надежде, что греки одумаются и уберутся подобру-поздорову, но эллины никуда не уходили, и тогда персидский царь бросил в атаку мидян, однако им не удалось пробиться через спартанскую фалангу. Не желая дольше медлить, он приказал на следующий же день идти в бой своей гвардии «бессмертных». Десять тысяч отборных воинов пошли в атаку, но и им пришлось отступить. Два дня штурмовали варвары ущелье, но все усилия были тщетны. На третий день с помощью предателя персы обошли греческий лагерь и взяли греков в кольцо. У царя Леонида еще

оставалось время отвести свой отряд и спасти его от разгрома, он отослал большую часть союзников, оставив при себе только триста спартанцев. И началась последняя и самая страшная битва. Персы раз за разом атаковали фалангу, но не смотря на огромные потери никак не могли прорвать их ряды. И тогда за дело взялись лучники, под их стрелами были похоронены последние остатки маленького отряда. Погиб и царь Леонид, принеся себя в жертву в залог будущих побед, и действительно, эллины в последующем выиграли войну. Так сбылось предсказание оракула: победа взамен жизни спартанского царя. Вот и вся история про них. Теперь все триста воинов вместе со своим царем лежат здесь недалеко, в Аллее Героев, но люди позабыли даже это название. Никто давно уже туда не ходит, и там все заросло бурьяном и камышом.

Лео встал и задумчиво посмотрел на старика.

– Теперь я буду помнить, дед, а когда вырасту, расскажу своим детям.

– Расскажешь, расскажешь, если к тому времени не забудешь. Почему-то все забывают, и ты забудешь, когда вырастешь. Вот только вы, дети, меня и слушаете, до взрослых я и докричаться не могу, – с горечью отозвался Павсаний.

.....

Никто не помнил, когда этот человек появился в городе, он поселился как-то незаметно. В первое время особо ничем не проявлял себя, только присматривался к местным жителям, прислушивался к их разговорам. Все это было тем более странно для небольшого городка, где появление каждого нового человека являлось целым событием. Кем был чужеземец, выяснилось, когда он напротив заброшенного домика, в котором поселился, соорудил крест высотой в человеческий рост.

– Ну, наконец-то эта зараза добралась и до нашего города, – произнес вслух один из местных жителей.

– Это секта христиан. Они признают богом некоего Христа, которого римляне, кажется, распяли на кресте.

– Обычно на кресте распинают провинившихся рабов, причем тут бог?

– Христос и есть бог рабов, то есть, Бог всех униженных и оскорбленных, как они говорят.

– Что ж это за Бог, которого распинают на кресте, словно какого-то воришку? – поинтересовался кто-то.

– А у них все наоборот, как в сказке, – заметил все тот же осведомленный житель.

– Как это, наоборот, что ты имеешь ввиду? – собравшиеся здесь горожане были явно заинтересованы.

– Я точно не знаю, но, кажется, богатство у них считается бедностью, а бедность воспринимается как богатство. Чем ниже стоит человек, тем он выше, и наоборот, высшие по их обычаю почитаются за низших. Раб для них как император, а император – как раб, одним словом, все наоборот. Даже смерть почитается ими как жизнь, а жизнь – как смерть.

– Чудеса, да и только, – пожимали плечами спартанцы, – и зачем только он к нам пришел?

– Я тоже, кажется, слышал про них. Есть такая секта, чьи представители вверх ногами ходят. Небеса для них словно земля, а земля – как небо.

Приезжий вверх ногами не ходил, передвигался по улицам обычным способом, но соседские мальчишки пристально за ним следили: вдруг чужой дядя встанет на руки и пойдет вверх тормашками, вот была бы потеха. Одним словом, жители вновь прибывшего встретили с недоверием и на-

стороженностью, как что-то непонятное и неизвестное: уже странным было то, что он приехал во всеми забытую Спарту.

Павсаний, наверное, был единственным в городе, кто не обращал внимания на приезжего, и будто нарочно, тот сам заинтересовался им. Несколько дней издалека, молча наблюдал за его работой, потом, осмелев, подошел к нему и попробовал вступить в разговор.

– Что тебе надо? – Павсаний отложил резец и уставился на приезжего.

– Добрый день, милый человек, – смущенно отозвался тот.

– Я тебе не милый человек, и вообще никакой. Говори, что надо, и не мешай работать.

Приезжий от такой резкой встречи еще больше смутился и некоторое время вообще молчал, но затем, набравшись смелости, попробовал заговорить.

– Видите ли, я здесь один, никого не знаю, мне показалось, что вы именно тот человек, с которым стоит завести знакомство. Еще раз извиняюсь, если помешал вам, но чем же вы занимаетесь, не смогли бы объяснить?

– Как тебя зовут, чужеземец?

– Павел – мое имя, единоверцы этим именем нарекли.

– А меня зовут Павсаний, старое спартанское имя, даже несколько наших царей звались этим именем. Так вот, Павел, за многие годы ты первый, кто подошел ко мне и поинтересовался, чем я занимаюсь.

– Так уж и первый? – удивился Павел.

– Ну, разве что еще дети, а взрослых моя работа только раздражает.

– Я заметил, что ты не такой, как все. Остальных заботит только пища, одежда, кров, ну, конечно, еще и деньги, а ты ко всему этому безразличен.

– Вот ты как, – с удивлением отозвался Павсаний, – что ж, верно приметил, вот эти камни и есть моя жизнь, то, чем я живу.

– Это же всего лишь камни, вон их сколько вокруг.

– Это не просто камни, – с раздражением произнес спар-

танец, в них живет дух нашего города, его великое прошлое.

– Не понимаю, камни – они и есть камни, чего о них сожалеть?

– У тебя есть идея получше?

– У меня есть вера.

– Ну да, слышал, вы отрицаете земную жизнь со всеми ее благами и готовитесь к смерти, так ведь?

– Не совсем. Для вас смерть – это конец, а для нас – начало вечной, настоящей жизни.

– Кажется, философ Сократ это проповедовал, вы его последователи?

– Мы чтим этого философа как человека мудрого, но наша вера иная.

Павсаний задумался, поглаживая пальцами седую бороду, а потом, хитро прищурившись, задал вопрос?

– Если смерть – это жизнь, то что тогда есть сама жизнь?

– Подготовка для той вечной жизни.

– Чудно как: то, что для нас является всем, для вас представляет собой нечто неважное и временное.

– А разве оно не временно? Да, мы отвергаем богатство и все блага мира, но зато наш Бог дает нам надежду на вечную жизнь и еще милосердие.

– Правда, что проявление силы для вас является признаком слабости, а слабость, наоборот, признаком силы?

– Не совсем так, смотря что ты называешь слабостью, а что – силой?

– Не люблю умников, сила – это всегда сила. Вот статуя спартанского воина, я изваял ее из монолитного гранита, смотри, как он держит щит, какие у него крепкие мышцы.

– А где эти воины теперь, где их сила? Что-то я не вижу их здесь, одни статуи и остались.

Павсаний весь побледнел и угрожающе прошептал:

– Смеешься, да?

– Да нет, только вот подумай сам, если в вашем мире все устроено правильно, то тогда откуда возникла наша вера, которая отвергает ваш мир, и почему у нее появляется все больше приверженцев? Посмотри на свой город, обрати внимание на своих соседей, как они живут – ведь они просто существуют как растения, а люди так жить не могут, людям нужна надежда и вера, иначе они чахнут, вянут, исчезают, как исчез твой великий город. Твой мир, Павсаний, уже стар, и он не может дать людям ни надежды, ни веры.

– Пока я жив, Спарта не умрет, – упрямо возразил Павсаний, – а мне много лет, ты даже не представляешь, чужеземец, сколько мне лет. Говоришь, что у нас не осталось ни надежды, ни веры? Наши предки в таких случаях обращались к дельфисскому оракулу. Ты мне подсказал хорошую идею. Давно я не был в Дельфах, пора уж и побывать там, пора...

.. . . . .

– Теперь Спарта вновь поделена на филы, почти каждую декаду устраиваются пышные праздники, и даже мальчиков секут на алтаре Артемиды, как в старину, но самое главное... наш город снова стал многолюдным. Туристы со всей Римской империи съезжаются в Спарту, чтобы посмотреть на танец наших девушек. Храм Артемиды заново отстроили и там даже соорудили зрительные ряды, чтобы гости города могли,

удобно устроившись, посмотреть, как извиваются мальчишки под ударами плетей, воспитывая в себе спартанскую выносливость. Проводятся даже сисситрии, общие обеды – как полагается по нашему обычаю, – мальчик Лео, скоропалительно выпалив из уст своих поток слов, задыхался от нетерпения. – Дедушка, ведь все сбылось, о чем ты мечтал. Спарта вновь ожила, даже наши гости ходят на сисситрии, смотрят, пробуют спартанскую похлебку, удивляются. Наместник перечислил из императорской казны крупные суммы денег на благоустройство города и поддержание прежних порядков. Никто больше не уезжает из Спарты, а наоборот, возвращаются назад; может, и мой отец вернется. Теперь жить в Спарте стало выгодно и прибыльно. И все это благодаря тебе, все это признают. Весь город благодарен тебе, ведь если б не ты – ничего этого не было бы. Уже назначены выборы эфоров, народ хочет выдвинуть твою кандидатуру. Тебя выбрали бы даже царем Спарты, жаль только, римляне не позволят, они ведь не любят царей. А славно было бы: мы смогли бы выставить на всеобщее обозрение настоящего царя Спарты, и число туристов в нашем городе стало бы в два раза больше!

Павсаний слушал словоизвержение мальчика и все не мог прийти в себя от удивления. За время его отсутствия город изменился до неузнаваемости. Спарта заново строилась, расширялась, на улицах царило невероятное оживление, уйма разных чужеземцев, начиная от римских сенаторов, гордо

расхаживавших в окружении ликторов, и кончая варварскими царьками из Азии и их многочисленной и пестрой челядью.

В поле за городом разыгрывалось настоящее представление Фермопильского сражения. Триста спартанских юношей, одетые в гоплитские доспехи, под овации зрителей потрясая копьями, выкрикивали воинский клич. Жизнь кругом, действительно, была ключом. А тут еще соседи набежали, Павсания обнимали, прижимали к себе, благодарили, называя его спасителем города. Старый спартаец решительно ничего не мог понять.

– Боги, что же произошло здесь в мое отсутствие? – вопрошал он то одного, то другого, но в сутолоке праздника не мог ни от кого добиться внятного объяснения, и только уединившись с мальчиком Лео и внимательно выслушав его восторженные рассказы, ему постепенно стало ясно, что же в конце концов произошло в Спарте в его отсутствие.

Оказывается, корабль римского наместника по дороге из Азии домой попал в шторм и был вынужден причалить к лакедонскому берегу, чтобы наместник вместе с многочисленной свитой двинулся по суше. Спарта лежала на пути правителя. Луций Манилий Торкват, так звали наместника, оказался любителем и знатоком старины, он задержался в го-

роде на несколько дней. Как-то во время осмотра здешних руин ему попало на глаза множество каменных изваяний Павсания. Горожане подобострастно поведали высокому гостю историю о своем чудаке-соотечественнике и его странностях больше для того, чтобы позабавить римлянина, но вопреки ожиданиям Манилий Торкват сам заинтересовался и загорелся этой историей, его чиновники всерьез взялись за дело, сам наместник пожертвовал немалые денежные суммы для восстановления славного города и, пользуясь своими обширными связями в Риме, привлек к этому делу многих влиятельных сенаторов. Результаты не заставили себя долго ждать, и Спарта на глазах преобразилась.

-Ну а вы, дедушка, видели оракула в Дельфах? Что он сказал?

-Никого я не видел, там все заросло травой, среди зелени исчезли даже очертания дорог – видно, уже давно те места опустели. Я долго искал храм Аполлона, пока окончательно не заблудился в тех лесах. Лео, мальчик, я там ничего не нашел, кроме руин и диких зверей. Местные крестьяне даже не могли понять, что я ищу, а об оракуле они и слыхом не слыхивали. – На лице старика появилась грустная улыбка. – Значит, мальчиков в Спарте опять секут, молодые парни маршируют фалангой, отцы семейств устраивают общие обеды – и все это для утехи и развлечения богатых праздных

туристов.

– А что в этом плохого? – Лео недоуменно пожал плечами.

– Когда-то спартанцы ради роскоши и богатств презрели законами отцов, а теперь ради жалких подачек до смешной точности исполняют их. Спарта превратилась в город шутов, желающих просто заработать деньги.

– Выходит, ты опять недоволен?

– Ладно, хватит обо мне, хотел тебя спросить, где Павел, ну, тот христианин, что-то в городе я его не заметил?

– Его же наместник осудил, он и получил от палача свои сто пятьдесят плетей.

– Осудили за что?

– За свою веру. Манилий Торкват привел в исполнение императорский вердикт о христианах. Оказывается, члены этой секты были вне закона. Наверное, он и пришел в наш забытый богами город в надежде, что его здесь никто не найдет, да не повезло ему, именно здесь на наместника и напоролся. Тот сразу заметил стоящий перед его домом крест.

– Сто пятьдесят плетей, он что, умер?

– Лежит у себя дома в беспомощности. Люди говорят, что вряд ли выживет.

. . . . .
. . . . .

– Вот я опять с тобою спорю, только возражать мне ты уже не в силах, да ты меня и не слышишь. Врачи говорят, что тебя уже не спасти. Тебя истерзали, а за что? Ведь ты мог отказаться от своей веры хотя бы для виду, чтобы сохранить себе жизнь. Но ты другой, твоя вера тебе дороже жизни, значит, есть в ней что-то такое, ради чего стоит умереть. В наш век безверия и бессилия люди за своей спиной обычно кроме собственной шкуры ничего не имеют, поэтому им и незачем отдавать свою жизнь, а когда в этом мире для тебя нет ничего дороже жизни, то и она уже ничего не стоит. Не знаю почему, но ты уж поверь, это всегда так получается. У наших предков ведь тоже была вера, ради которой они готовы были пожертвовать своей жизнью. Я тебе уже говорил: они верили в Спарту, в ее величие. Вот про это я и хочу рассказать. Про триста спартанцев, наверное, слышал, как царь Леонид исполнил предсказание оракула, принеся себя в жертву в за-

лог будущей победы над персами. Как пишут историки и как принято считать, вместе с царем на поле боя полегли сопровождавшие его триста спартанцев. Только врут историки, я-то знаю, что не все спартанцы погибли: один из них уцелел в той страшной битве, один из трехсот. Звали того спартанца Павсаний, как и меня. Он рассказал потом соотечественникам свою невероятную историю. Надо заметить, что этот Павсаний в отличие от остальных воинов был молодым парнем. Будучи любимцем самого Леонида, он не пожелал бросить идущего на верную гибель царя и лично стал добиваться, чтобы его взяли в отряд. Поколебавшись, Леонид в порядке исключения взял парня с собой, хотя по древнему и к тому времени уже почти полузабытому поверью на такое дело должны были идти только пожилые воины. Когда пронзенный персидской стрелой Павсаний упал и его душа попала в Аид, с ним произошло невероятное: боги, пожалев юного воина, повелели Харону не пустить его душу через Реку Мертвых, а вернуть ее в тело погибшего. Сам же Харон то ли по повелению богов, то ли по собственному усмотрению сказал Павсанию на прощание следующие слова:

– Тебе рано еще умирать, ты молод, нельзя было идти в Фермопилы. Это был не твой жребий. Боги велели мне вернуть тебя в мир живых, но ты уже умер, видел Реку Мертвых, а человек не может умереть дважды.

– И что это значит?

– Это значит, что ты больше никогда не умрешь, даже если устав от жизни, захочешь расстаться с ней.

– Как же тогда я вернусь в мир мертвых, ведь не вечно же мне жить на земле?

– А никак, ибо ты не можешь умереть.

Вскоре Павсаний очнулся на поле боя. Из глубокой раны на груди его сочилась кровь, но он был жив. Превозмогая слабость, ползком добрался до ближайшей деревни, где местные жители приютили и выходили его. Когда он, уже поправившись, вернулся в Спарту, то все стали стыдить его и упрекать за трусость; естественно, что его рассказу никто не поверил. Спартанцы отвернулись от него как от предателя. Так прожил он отверженным много лет, но время брало свое, и постепенно все его сверстники, состарившись, стали уходить в мир иной. И только одного Павсания смерть обходила стороной. Удивленные спартанцы уже стали перешептываться между собой:

– Смотрите на Павсания, у него возраст остановился, не стареет больше.

– Как это не стареет, не бог же он, чтобы вечно жить!

– Да не умирает ведь!

– Заклинание, он знает заклинание, которое дает человеку бессмертие. Сам ведь говорил об этом.

С тех пор спартанцы изменили свое отношение к старику; словно малые дети бегали за ним и просили открыть им слова заклинания. Но Павсаний упрямо отвечал на все их просьбы:

– Отстаньте от меня, не знаю я никакого заклинания.

– Ты хоть первые два слова скажи, хоть одно...

Некоторые и вовсе житься не давали, постоянно приставая к старику со странными вопросами:

– Ничего не чувствуешь?

– А что я должен чувствовать?

– Ну как, годы ведь прибавляются, сколько уже поколений при тебе сменилось?

Постепенно вновь появившееся благоговейное уважение соотечественников опять сменилось ненавистью и презрением.

– Вот утроба неудобоваримая, никак жизнью не насытится! Ведь тебе давно уже пора умереть; твои правнуки в стариках ходят, а от внуков один прах остался!

– Да отстаньте от меня, не вам решать, когда смерти прийти за мной, – огрызнулся Павсаний.

И тогда возмущение людей вспыхнуло с новой силой:

– Да он издевается над богами; чего доброго, накличет их гнев на наш город. Умереть, видите ли, не может, тоже мне, Сизиф!

– Надо его изгнать из Спарты, пока не поздно.

В действительности, кроме страха людьми двигала еще и зависть. Одним словом, старика изгнали из города, и он опять остался один. Никто с ним не заговаривал, руку помощи не подавал. От старости он совсем ослаб, тело его высохло, остались одни кожа да кости, а смерть все не приходила. Люди если и обращались к нему, то только с проклятиями:

– Вот ненасытный человек, никак с жизнью расстаться не может! И не стыдно ему столько времени жить?!

– В конце концов, добьется того, что его никто не похоронит.

Устал старик от такой жизни, а главное, испугался, что действительно застрял навсегда в этом мире, что смерть никогда не придет к нему и тело его вот так заживо иссохнет, а как помочь себе, не знал. Вот и живет он уже сколько времени, и никак не удается ему умереть.

– Ты скажешь, что вся эта история – моя выдумка и небылица. Что ж, есть один очень старый способ проверить это. Некогда царь Леонид принес свою жизнь в жертву во имя будущей победы. Приносить себя в жертву в залог чего-то – способ старый и испытанный, посмотрим, сработает ли он на этот раз. Если мой рассказ верен и я не вру, то должен сработать. Устал я от всего этого, пора умирать. Боги, вы приняли когда-то давным-давно жизнь царя Леонида взамен на победу над персами, теперь примите и мою никчемную жизнь в обмен на жизнь другого человека. Спарта мертва, и во мне больше не осталось ни веры, ни надежды. Так пусть живет тот, у кого они есть, потому что жизнь – это и есть надежда и вера.

.....

.....

Над Фермопилами опустились сумерки. В ту ночь воздух отяжелел, и не слышно было даже щебета птиц, будто само время застыло и окоченело. Пронзенное стрелой, тело юного Павсания лежало на поле брани среди трупов других воинов. Последнее, что почувствовал он перед смертью, был соленый вкус крови во рту. Первое, что увидел через много веков лежащий на смертном одре в Спарте Павел, неожиданно вернувшийся к жизни на удивление присматривающего за ним соседа, были лучи восходящего солнца.

Книга вторая

ВРЕМЕНА ВЛАСТВУЮТ

(Три рассказа о древних римлянах из тетради поэта Овидия назона).

Рассказ 1

Начало

Остатки разбитого кельтского войска спаслись бегством, а бежавшее за Тибр население города постепенно возвращалось домой и заново начинало отстраивать разрушенный город. В один из вечеров очередной поток беженцев достиг переправы у реки, и люди столпились у моста. Перед уставшими от долгого пути горожанами открылась страшная картина: там, где раньше стоял Рим, теперь видны были только руины и кучи пепла, и лишь в некоторых местах оставшиеся скелеты сожженных зданий высились посреди поля, как могильные камни.

– Мама, мама, где мы теперь будем жить? – спросил какой-то малыш и со слезами прильнул к подолу материнского платья.

– В нашем доме, сынок.

– А если дом наш сожгли?

– Тогда в сарае будем жить...

– А если и сарая нет?

– В саду поставим палатку, и пока не выстроим новый дом, будем жить там.

– Ну, а если и сад сожгли?

– Но земля-то осталась, сынок, наша земля, вот на этой земле и будем жить...

Рассказ 2

Хлеба и зрелищ

«Город, выставленный на продажу. Придет покупатель – и нет города»

Югурта.

По левую руку послышался хрип гопломаха . Мирмиллон , наконец-то, достал гладиатора закрытым забралом и испанским мечом перерезал ему горло. По рядам зрителей прокатилась волна оваций. Публика выражала восторг победившему мирмиллону, но у наблюдавшего эту сцену Луция Манилия на лбу выступили крупные капли пота. «Неужели это конец?» – промелькнуло в голове, как опытный боец он понимал: победивший мирмиллон придет сейчас на по-

мощь вооруженному трезубцем и сетью ретиарию, оба станут в глухую оборону, пока дерущийся неподалеку фракиец не прикончит его единственно оставшегося в живых и тяжело раненого сторонника, после чего соединится с оставшимися двумя; а против мирмиллона, ретиария и фракийца, вооруженный одним самнитским мечом, Луций Манилий, рано или поздно, будет обречен на поражение. «Терять им нечего, и потому будут драться до конца, чтобы спасти свою жизнь; плевать они хотели, что я – римлянин и патриций», – с горечью подумал Луций. Единственной надеждой на спасение оставался зритель. Он имел право сохранить жизнь побежденному бойцу, если тот заслужит его признание. На симпатию и признание зрителей вроде бы мог надеяться и он, Луций Манилий, ведь пол-Рима ради того и ходили в цирк, чтобы посмотреть именно на его знаменитые поединки. Он, Луций Манилий – живой идеал римской толпы, многие сенаторы и проконсулы могли позавидовать его популярности среди народа, но и это – напрасная надежда: ведь он, опытный гладиатор, хорошо знал, что толпа любит и славит победителя. «Своим сегодняшним поражением я только разочарую их, и они без всякого сожаления обрекут меня на смерть. Толпа одинаково не любит побежденных, будь то на форуме или на цирковой арене». Оставалось либо победить, либо умереть. Видно, это поняли и на трибунах, потому что зрители затихли, и на арене цирка воцарилась зловещая тишина. Сейчас все решали секунды. Луций сделал глубокий

вдох и перешел в наступление. С расстояния пяти шагов он бросил меч в открытую грудь ретиария и с точностью профессионала попал тому в горло. Такой прием считался полузапрещенным, но теперь некогда было заботиться о правилах боя: слева приближался мирмиллон. Из рук стоявшего еще на ногах мертвого ретиария Луций выхватил сеть и бросил ее за спину; у бойца, вооруженного легким фракийским мечом, наверное, был бы шанс увернуться от этого броска, но у тяжело вооруженного и не поворотливого приближавшегося сзади мирмиллона шанса для спасения не было. Луций потянул на себя конец веревки, и запутавшийся в сети мирмиллон беспомощно упал на землю. Все это произошло за какие-то две-три секунды, и притом столь неожиданно, что зритель даже не успел до конца воспринять произошедшее. Перед двадцатитысячной толпой открылась лишь конечная сцена: ретиарий с проткнутым горлом и попавший в сеть мирмиллон. Зрелище было настолько впечатляющим, что на один миг все онемели, после чего трибуны взорвались огушительными овациями. Зрители вскочили на ноги и от восторга стали прыгать, как дети. Луций трезубцем проткнул мирмиллона в незащищенное место ниже живота, и выпотрошив его, под общий гул трибун двинулся в сторону фракийца. Тот мгновенно оценив свое безысходное положение, бросил меч на землю и в знак мольбы о пощаде поднял вверх указательный палец.

– Лу – ций Мани – лий, Лу – ций Мани – лий! – орала двадцатитысячная трибуна, и этот оглушительный рев вскоре покрыл склоны Аветина и Палатина.

В конце боя зрители выбежали на арену, подняли на руки Луция и понесли его как победившего триумфатора по главной улице города. По дороге жители, собравшиеся на крышах домов и мостовых, бросали ему цветы. Город торжественно встречал своего любимого кумира.

.....

– О тебе говорят, что ты поэт среди гладиаторов, – Сатурнин привстал с ложа и взял со стола чашу с вином. – Признаться, до сегодняшнего дня я не очень-то понимал, что подразумевалось под этим, но то, что сегодня увидел, это, действительно, высокое искусство, настоящий шедевр поединка. Народ чуть с ума не сошел от восторга. Я уже два года, как являюсь народным трибуном, но таких оваций не слышал даже на форуме. По возрасту и положению тебе уже полагается стать членом сената. Пользуясь такой популярностью среди плебеев, можешь сделать блистательную политическую карьеру. Зачем отказываться от этого? Я бы мог надавить на цензоров, чтобы тебя приняли в сенат.

На губах Луция промелькнула брезгливая улыбка.

– Чтобы Луций Манилий стал одной из трехсот одетых в тогу с красной каймой кукол, называющих себя сенаторами, и что самое смешное, действительно, таковыми считающимися? Нет уж, увольте, я предпочитаю цирк. На арене Луций Манилий единственный и неповторимый.

– Тебе не кажется, что твои цирковые амбиции смешно выглядят? – спросил Главк, возлежащий на ложе по левую сторону от хозяина дома.

В атрии, у накрытого стола собрались четыре друга: народный трибун Луций Сатурнин, городской претор Главк, греческий поэт Диоген и сам хозяин дома, римский патриций Луций Манилий, потомок древнего рода. Среди собравшихся молодых патрициев только греческий поэт выделялся преклонным возрастом, седой бородой и не характерным для римлян мягким выражением лица.

– А мне смешными кажутся ваши амбиции, связанные с форумом. На арене цирка я хоть искренен: даю народу то, что он ждет от меня, настоящее зрелище, чего не скажешь о вас. Вы цирк перенесли на форум и в стены сената.

– А что нам еще остается, Луций? – обиженным тоном

произнес Главк, – разве это наша вина, что живем в такое время?

– Верно, сердца римлян сегодня можно покорить только хлебом и зрелищем. Зрелища устраиваешь ты, а хлеб – это наша забота, – подтвердил Сатурнин слова своего друга.

– А когда хлеба не хватает, то и политики вынуждены устраивать зрелище, другого выхода у них нету, – включился в спор Диоген, – и тебя, мастера зрелищ, именно поэтому и зовут в сенат: ведь никто лучше тебя не справится с этим делом.

За столом раздался невольный смех.

– Диоген, я ведь уже сказал: не наша вина в том, что пришлось жить в такое время, или ты лучшего мнения о нашей эпохе и наших современниках?

Поэт в знак того, что сдается, поднял вверх обе руки.

– Когда городской претор и народный трибун выражают подобное мнение, какое право имею я, простой смертный, сомневаться и не верить им?

Сатурнин остановил взгляд на этрусской надписи, выгра-

вированной на чаше с вином, и задумчиво произнес:

– Если серьезно, то Главк, действительно, прав. Говорю так, опираясь на собственный опыт. Когда я впервые победил на выборах и стал трибуном, то вынес на комицию один законопроект, предусматривающий расселение городских жителей в провинции, чтобы каждому предоставить участок земли и тем самым решить проблему занятости народа, чтобы каждый своим трудом кормил себя и свою семью; ведь всем известно, что Рим перенаселен, и государству трудно содержать такое количество бездельников. По своей неопытности и наивности я полагал, что этим заслужу симпатию и поддержку народа, а получилось наоборот: возмущенные квирилы чуть не разорвали меня на части – как это я посмел свободных граждан выслать из города и обречь их на рабский физический труд в деревне. Мои тогдашние оппоненты-сенаторы прямо-таки и заявили мне: «Труд – удел раба, он оскорбителен для свободного человека». Вы смеесться, а мне в тот день чуть голову не снесли. Так и выходит: эти бездельники трудиться не хотят и только горазды требовать от государства хлеба и зрелищ. По их мнению, именно такая жизнь и подобает свободным гражданам, и если мы им хлеба не дадим, скорее подохнут от голода, чем сами пошевелият руками, чтобы добыть этот хлеб.

– Человек имеет право быть лентяем, бездельником, необ-

разованным, и даже тупым – это и есть свобода, – убедительным тоном произнес пьяный Главк.

Это последнее замечание вызвало общий смех.

– Иногда я искренне удивляюсь, как этот никчемный народ смог захватить весь мир и создать такую империю, – продолжал свою мысль Сатурнин, когда все вокруг поутихло.

– Эту империю создали наши предки с волчьей породой. Теперь волки перевелись, и остались одни ослы, которые кроме как реветь – больше ничего не могут, – тоскливым голосом произнес Манилий.

– Но Рим – великий город, вечный город. Что бы там ни говорили, мы – властители мира, разве этого мало? – спросил Главк.

– Ха! – вызывающе усмехнулся трибун и одним глотком осушил кубок с вином.

– Печально, что Рим перестал быть похож на город наших отцов, – поддержал Манилии Сатурнина, – на форуме кого только не увидишь: неуклюжих галлов, рыжих германских варваров, толстогубых арабов, и только нас, римлян, становится все меньше и меньше. Если так продолжится, мы по-

теряем этот город.

– Чушь ты говоришь, Луций, – возразил Главций, – Рим тем и велик, что вбирает в себя все народы вселенной. Он велик даже своими пороками и уже никогда не стванет таким, каким был во времена наших предков. А как вы хотели, раздвигать границы империи – это и означает, что сюда стекутся смуглые сирийцы и женятся на наших девушках; придут египетские жрецы и построят здесь свои храмы, а бородатые евреи будут молиться в нашем городе своему единому богу. Ты же сам себе противоречишь, Луций. Хочешь великую империю, и чтобы в этой империи кроме римлян никого не было. Ха, так не бывает.

– Просто я люблю Рим, это мой город, и я не хочу, чтобы он умер, – возразил Манилий.

– Ерунда, Рим – великий город, и он не умрет никогда.

– Возьмем хотя бы Гай Мария, – следовал ходу своих мыслей Главк. – Сын простого крестьянина, от рядового легионера дошел до шестикратного консула, спас Италию от нашествия варваров, ему благодарный народ дал титул третьего основателя Рима. Как видите, и в наше время рождаются великие люди.

– Ну и где сейчас твой великий человек, Главк? – спросил Сатурнин. – Я тебе скажу, где, сенат от него попросту избавился, выслав в далекую провинцию сторожить границу. Этому великому городу сегодня не нужен великий человек, вот и Марий оказался для Рима лишним.

В это время в атрий вошли музыканты и танцовщицы, и зал утонул в сладких звуках музыки. Беседа прервалась, и гости повернулась к выступающим.

Пир продолжался до позднего вечера. Уже светало, когда выпившие гости с шумом вышли на улицу и через спуск Виктории направились в сторону форума. Большинство из них жили здесь же, на Палатине, и только Диогену предстоял еще длинный путь: он снимал две комнаты в Субуре, поэтому Луций решил проводить гостя до дома. Лунный свет тускло освещал крыши из красного терракона, и как на ладони были видны отсюда, с Палатинского холма, форум, кварталы Субуры и Эсквилина, своим многообразием вызывавшие в наблюдателе невольное восхищение. Но для молодых людей, выросших в этом городе, это была самая обычная картина. Сатурнин сел на верхнюю ступень лестницы Весты и мутным взглядом уставился на раскинувшийся перед ним спящий город.

– Какая тишина стоит вокруг, не могу больше переносить

эту тишину, – с тоской произнес он.

– Еще ночь, город пока не проснулся, – попробовал утешить трибуна Манилий.

– Если тебе не по душе тишина, я могу закричать, и все римские собаки залают вслед, – предложил Главк.

– Дурак, я не ночную тишину имел в виду. Здесь кричи – не кричи, все равно тишина. Еще немного, и от тоски и скуки сойду с ума.

– Сатурнин, ты пьян, иди лучше домой и выспись.

– А что я буду делать дома? На днях сон видел, будто на Капитолии извержение вулкана произошло. Горячая лава покрыла и уничтожила весь город. О, боги, молю вас, пошлите этому городу извержение вулкана или хотя бы землетрясение для разнообразия!

Главций схватил пьяного трибуна, помог встать на ноги и нетвердым шагом повел к себе домой.

Манилий и Диоген остались одни. Они спустились по лестнице Вестфалок, обойдя стороной храм Весты, прошли узким переулком между дворцом царей и домом верховного

жреца на Святую улицу. Уже светало, и немного непривычно было видеть опустевший и тихий форум. Вскоре, миновав площадь и базилику Эмилия, вышли к Субуре.

Кто не знает в Риме, что такое Субура? Позор Рима, его зловонная яма, обратная сторона блеска и величия вечно-го города, квартал, которого респектабельные жители Палатина и Квиринала с опаской обходят стороной. Здесь, всюду невообразимое нагромождение грязных и безобразных домов, тесных и полутемных улочек, утопающих в мусоре и грязи. По этому мрачному, не гостеприимному кварталу только местные жители да еще такие головорезы, как Манилий, могли спокойно расхаживать в любое время суток. Несмотря на ранние часы жизнь здесь уже кипела: такого многолюдья в Риме больше нигде не было. Субура – как отдельное владение, достаточно хоть раз свернуть с главной улицы в какой-нибудь темный переулок, и ты навсегда пропадешь в этом лабиринте переходов и тупиков.

Манилий грудью рассекал нескончаемый людской поток. Его могучая внешность и орлиный взгляд вызывали невольное уважение местных жителей, ему уступали дорогу, провожая любопытными взглядами.

– Уже пришли, – сказал Диоген и указал рукой на четырнадцатизатяжную инсулу, горой возвышающуюся над узкой

улочкой и закрывающую собой весь вид.

– Была б моя воля, архитектора, выстроившего эту махину, распял бы на кресте, – с искренностью признался Манилий. – Разве можно принуждать людей жить в таких условиях?

– Конечно, это не Палатин, но не забывай, что пять шестых всего населения города живет именно в Субуре. На таком тесном пространстве столько жителей иначе и не разместись.

– Как интересно, я ведь тоже живу в Риме, а вот попал сюда – и ощущение такое, будто нахожусь в другом мире.

– Субура со своим полумиллионным населением и есть другой отдельный мир, я бы сказал, очень интересный мир, особенно для людей творческих.

– Ты потому и снял квартиру в этих трущобах?

– Не только поэтому. Плата за комнату здесь самая низкая, а для такого бедного поэта, как я, фактор это немаловажный.

– Разве такой поэт, как ты, не может найти себе влиятель-

ного покровителя, чтобы жить в более сносных условиях?

Диоген при этом замечании выпрямился и бросил на спутника гордый взгляд.

– Я сам себе покровитель, и в других не нуждаюсь. Лучше жить в бедности, но свободным, чем зависеть от милостей с чужого стола – это не по мне. Уже светло, а обратный путь долог, остался бы у меня.

Луций одобрительно кивнул головой и вслед за поэтом поднялся по лестнице.

– Моя Фриксе, наверное, вышла к соседям, – сказал Диоген, когда оба вошли в квартиру и уселись вокруг стола.

Молодой человек обвел взглядом простую обстановку комнаты и продолжил свою мысль:

– Все-таки я считаю, что дарование человека должно быть оценено по заслугам, и поэту, настоящему поэту, нужен покровитель.

– Для чего?

– Да хотя бы для того, чтобы он не голодал и не мерз зи-

мой. Ты всегда отказываешься от помощи, почему? У поэта должен быть покровитель ведь так принято всюду.

Диоген улыбнулся и в знак отрицания покачал головой.

– Свободный поэт, живущий в Субуре, должен и голодать, и мерзнуть, как все, и это не только из принципов и философии, это необходимо ему самому.

– Необходимо что: жить в холоде и голоде?

– Если я не живу жизнью моих соседей, не нахожусь в их шкуре, откуда тогда мне знать, чем живут они, что их беспокоит и радует, о чем они любят мечтать, что они чувствуют; и тогда как смогу я быть правдивым в своих стихах? А настоящее искусство без правды не бывает. Вот тебя называют поэтом поединков. А что заставило тебя, знатного римского патриция, выйти на арену цирка?

Луций задумался и медленно произнес:

– Гладиаторами люди становятся по двум причинам: ты либо раб, и хозяин заставляет тебя выйти на арену, либо даже если ты и свободен, то бедность и нищета вынуждают в поисках работы пойти на риск и стать гладиатором.

– Ты и свободен, и богат, ни в чем не нуждаешься, – встал слово Диоген.

– Я на арену выхожу именно потому, что свободен и богат. – Луций на секунду остановился, чтобы собраться с мыслями, потом, будто добравшись до главного, поднял голову и продолжил. – Человеческая жизнь должна быть чем-то заполнена, в противном случае она становится пустой и бессмысленной. А чтобы она имела смысл, нужна какая-то цель или желание, но и то, и другое дается человеку тогда, когда ему что-то не хватает. А когда у тебя все есть, чего тогда остается желать, и какая цель будет двигать тобою? Наверное так устроен человек: желает и мечтает он только о том, чего у него нет, и чем дальше и недостижимее предмет твоей мечты, тем более желанен он, и наоборот – ведь не будешь ты мечтать о том, что и так тебе принадлежит. Сегодня я владею всем, чего может пожелать человек: знатностью, богатством, именем, в итоге не могу желать всего этого, а в конечном счете, именно из этого и состоит жизнь. Вот так я и оказался на арене цирка. Если бы я был бедняком, и мне грозила голодная смерть, я бы боролся за свою жизнь и в этой борьбе бы нашел смысл жизни. Тогда я не вышел бы на арену цирка, наоборот, моя жизнь сама бы превратилась в арену боя; хотя как там не крути, смысл жизни заключается именно в том, что в ней нет никакого смысла.

– И ты на арену выходишь в поисках смерти? – тихо спросил Диоген.

– На арену я выхожу в поисках жизни, и хотя она для меня и превратилась в тусклое зеркальное отражение, все равно, сладка, но эту сладость ты ощущаешь только тогда, когда к горлу приставлено острие меча, а вокруг распространяется запах крови и смерти; тогда ты со всей силой чувствуешь, как дорога жизнь, и как ты ее любишь. Можно сказать, что именно в те мгновенья я и живу настоящей жизнью. Смерти боюсь, как и всякий другой; словно попавший в капкан зверь выхожу на арену, выхожу потому, что другого выхода нету. “А вдруг убьют?”, – от этой мысли мурашки бегут по телу. “Но вдруг спасусь, выживу?” И тогда, может быть, еще раз со всей силой почувствую, как я люблю жизнь, и как она сладка и дорога мне.

На некоторое время в комнате воцарилась тишина. Смущенный Диоген попытался выдавить на лице улыбку.

– Даже не знаю, имел ли я право слушать эту исповедь. Да и вообще не знаю, что сказать или посоветовать. Сатурнин предлагал войти тебе в сенат, может, и стоит попытаться счастья, если, конечно, твое прошлое гладиатора не помешает начать карьеру политика.

– Выйди я еще пятьдесят лет назад на арену цирка, на меня и мой род легло бы несмываемое пятно, но сегодня в этом городе другие нравы: мое прошлое в глазах общества воспринимается как пикантная оригинальность, и репутацию патриция оно не скомпрометирует.

– Форум и стены сената могут доставить не меньше острых ощущений, чем арена цирка.

– Я ненавижу сенат.

– Сенат – это власть, – задумчиво произнес Диоген. – Один философ еще много лет назад высказал интересную мысль о природе власти, я бы сказал, мудрую мысль.

– Какую же?

– Когда ты смотришь на власть сверху – ты видишь дурака, когда снизу – видишь бога, но когда смотришь ей в лицо – то видишь самого себя.

– Я думал об этом, – согласился Луций, – наверное, все кончится тем, что я стану сенатором, и может, это и есть самое ужасное.

– Ты и в правду так ненавидишь сенат?

– Я ненавижу все, что человеку определено и обеспечено заранее, чуть ли не с рождения. Пятьсот лет назад этот город взяли и сожгли варвары. Один из моих далеких предков, вместе с несколькими сотнями крестьян укрепился на Капитолийской горе и начал сражаться за свободу. В то время свободной и независимой во всей Италии оставалась только узкая полоса у вершины этой горы, и тогда никто не знал, что будет завтра. Потом наши предки спустились оттуда, победили врага, восстановили из пепла сожженный город и захватили весь мир. Было время, когда Рим представлял собой небольшую деревню, расположенную на склонах Капитолия и Палатина, а первыми сенаторами являлись простые пастухи, одетые в овечьи шкуры. Иногда я мечтаю о тех временах: одетый в овечью шкуру, с большим удовольствием ходил бы на собрание сената. Поверь, эта печаль грызет каждого из нас. Мы, римляне, живем в миллионном городе, но каждый из этого миллиона одинок, будто живет на необитаемом острове. Чем больше народу вокруг, тем более одиноко чувствуешь себя, – Луций остановился и, наклонив голову, глухим голосом добавил: – Одиночество среди людей, в большем многолюдном городе, на свете не бывает более страшной формы одиночества.

На лестнице послышались шаги, открылась дверь, и в комнате показалась девушка с веселыми глазами и раскрас-

невшимися щеками. Это юное существо будто излучало радость и жизненную энергию. При виде незнакомца девушка смутилась и нерешительно стала в дверях.

– Фриксе, иди к нам, это наш друг Луций Манилий.

Девушка ласково улыбнулась гостю, кивнула в знак приветствия головой, потом из уст ее невольно вырвался смешок. И она выбежала в другую комнату.

– Еще совсем дитя, – с улыбкой сказал Диоген, наверное, сейчас оттуда исподтишка наблюдает за нами. Просто не привыкла к гостям.

– Откуда она? – спросил Луций ради приличия.

– Из Испании. Ее родное племя живет на побережьях далекого океана на западе, а в этом городе у нее, кроме меня, никого нет. Я купил ее у работорговца несколько лет назад, так как для взрослого раба у меня не было денег. Она была совсем маленькой, когда ваши легионы взяли и сожгли ее родной город, но кое-что сохранила в своей памяти, и когда подросла, рассказала о себе и своем племени., ее соотечественники весной устраивают состязания, что-то вроде наших гладиаторских боев, только поединок происходит между человеком и быком. Перед глазами быка человек

машет красным платком и с помощью этого платка во время поединка управляет его действиями: вероятно, красный цвет возбуждающе действует на этих животных. Порой люди, как эти быки бестолково гоняются за красными платками, только для одних этим платком являются деньги, для других – имя и слава, для третьих – власть. Боги, фортуна или рок – это те силы, которые с помощью платка управляют людьми, а мы, ослепшие быки, даже не догадываемся, что вместо реальных ценностей гоняемся всего лишь за красным платком. – Диоген на секунду замолк, потом задумчивым голосом продолжил: – Вот, если когда-нибудь быки поймут, что их обманывают, тогда, быть может, они по-иному поведут себя и тогда они обретут свободу.

– Что ты этим хочешь сказать? – спросил Луций.

– Это не правда, что человеку приносит счастье успех в жизни. На самом деле, счастье может дать человеку только другой человек. Мое счастье – это Фриксе. Этот ребенок мне, старому одинокому цинику, подарил чувство любви и ощущение радости жизни. Сегодня у меня кроме нее никого и нету.

– Она не такая уж и маленькая, – с улыбкой произнес Луций.

– Действительно, скоро ей исполнится семнадцать лет, но для родителя ребенок всегда остается ребенком.

– Для родителя?

– Ну и что, если она рабыня? Когда станет совершеннолетней, я освобожу ее и официально удочерю.

– Не боишься, что бросит? Ведь будучи свободной, ее насильно не удержишь рядом с собой.

Диоген улыбнулся и разгладил бороду.

– Не думал еще об этом. Но если найдется порядочный молодой человек, который искренно полюбит мою дочку, то я не буду против. Когда видишь счастье любимого тебе человека, то и сам становишься счастливым.

Некоторое время Луций размышлял о чем-то своем, потом поднял голову и улыбнулся другу.

– Знаешь, иногда я завидую даже самому бедному человеку, его маленьким надеждам, мечтам, потому что сам лишен всего этого.

– Может, послушался бы совета бедного человека и нашел

бы близкое и любимое тебе существо; поверь, ничего в жизни нет важнее, слаще и полезнее этого чувства, когда ощущаешь, что ты для кого-то живешь, и кому-то нужен.

Назад Луций возвращался темными узкими улицами. Несмотря на это вокруг было многолюдно, день был уже в разгаре, и всюду стоял уличный шум и гам. “Это не город, а настоящий пчелиный улей”, – подумал он и ускорил шаг. Могучее течение людских масс десятками змеек разливалось по узким и кривым улочкам, и молодому патрицию даже пришлось работать кулаками. Не доходя до форума, он отделился от людской толпы и завернул в какой-то переулок, оставив в стороне адвокатские конторы и ювелирные ломбарды. На перекрестке у Триумфальной улицы возле входа в высокое здание висела железная табличка с надписью: “В гостинице мест нет, все номера заняты, заходите через месяц”. Манилий только повел плечами. “И откуда берется столько народу в этом городе?”, – подумал он. Действительно, за последние два-три десятилетия Рим превратился в настоящий мировой мегаполис, где от тесноты жителям уже трудно было дышать. Возле улицы Карины он встретился с многочисленной толпой, шедшей со стороны Эсквилина. Процессию возглавляли окруженные вооруженными охранниками Сатурнин и Главций. Народный трибун, увидев Манилия, в знак приветствия помахал рукой. Луций пересек улицу и присоединился к друзьям.

– Что происходит в городе, куда направляется эта толпа?

У Главция вырвался невольный смешок, а Сатурнин с удивлением поднял брови.

– Ты что, парень, в колодце сидел, или не видишь, что вокруг происходит?

– Вчера старик Сципион Назика душу богам отдал, – разъяснил Главций.

– Даже не знал, – произнес Луций, – и сколько лет ему было?

– Девяносто, представляешь, настоящая живая легенда города, участвовал в штурме Карфагена, а его отец вместе со знаменитым Сципионом Африканским воевал против самого Ганнибала.

– Вот именно, из римлян старой закалки этот последний оставался в живых, теперь и его нет, – подтвердил Сатурнин.

– Мы вроде возглавляем похоронную процессию, но почему-то не видно близких усопшего и сенаторов в траурных тогах?

– Ты их скоро увидишь, ты сейчас такое увидишь, что своим глазам не поверишь, – с улыбкой произнес трибун.

Луций недоверчиво посмотрел на друзей.

– Скажите наконец-то, что происходит?

– Покойный ведь был видным сенатором, проконсулом и триумфатором. Ты же и сам прекрасно знаешь, что хоронить такого человека для города – целое событие. Как правило, сенат в таких случаях объявляет траур, тело покойника выставляют на форуме, чтобы народ смог проститься, потом какой-нибудь влиятельный сенатор произносит торжественную речь, а родственники усопшего на Марсовом поле в память ему накрывают столы для угощения народа и устраивают театральное представление и гладиаторские поединки, в общем, так полагается, это уже традиция.

– Ну и что же дальше?

– А дальше городской плебс в ожидании дармовых харчей и бесплатных зрелищ еще рано утром повалил на Марсово поле, и к полудню там собралось уже до тридцати тысяч голодных ртов. Столы же накрыли только на три тысячи, и никаких зрелищ, ни театра, ни поединков. Одним словом, сы-

новья усопшего оказались порядочными скупердьями.

– Прямо возмутительный факт, ведь какой знаменитый был старикан, участником каких великих событий являлся. На стены Карфагена первым залез, говорят, что трибуну Тиберию Гракху именно он расквасил голову ножкой стула, – Главций уже откровенно издевался, – скупость наследников вызвала у народа справедливый гнев. Пролетарии пришли к Сципионам домой и перекрыли улицу. Словом, пока народу не накроют столы и не насладят его взгляд кровавым зрелищем, никто не сможет вынести гроб с покойником из дому; даже если целый месяц пройдет, и тело Сципиона Назики завоняет на весь Палатин. Народ требует свою долю хлеба и зрелищ.

– Как же так, кто имеет право запретить сыновьям хоронить родного отца?

– Что значит, кто имеет право? – нахмурил брови Сатурнин, – Рим – демократическое государство, и воля суверенного народа – для всех закон. Пока Сципионы не угостят народ, никто из дома гроб не вынесет, и точка.

– Именно так и обстоит дело, – вставил свое слово Главций, – сейчас молодые Сципионы ведут переговоры с народом, а Сатурнин как народный трибун будет в них участво-

вать.

В это время процессия, не доходя до форума, завернула в сторону Палатина и остановилась возле высокого белокаменного дома. Все вокруг было заполнено народом. Помощники трибуна, пустив в ход кулаки, расчистили путь к воротам дома.

– Дорогу, дорогу трибуну! – слышались в толпе отдельные выкрики.

Главций повернулся к Манилию и, подмигнув, спросил:

– Пойдешь с нами?

– Наверное, нет, – сказал Луций, – Сципионы приходятся мне дальними родственниками, и сейчас если покажусь вместе с вами – будет не совсем удобно, да и дела ждут.

Манилий расчистил себе путь в толпе и вышел к лестнице Вестфалок. Неподалеку стояли зеваки и ради забавы наблюдали разыгравшуюся перед ними сцену.

– Сыновья обязаны раскошелиться и угостить народ, как полагается. Всегда так было в нашем городе, – громко доказывал один из них.

– Ну и скупыми оказались наследники, – соглашался другой, совсем своего папашу не любят.

– Ничего, мы заставим этих сосунков широко раскрыть свои кошельки, дабы по достоинству почтить память их отца, – последние слова утонули во всеобщем хохоте.

Луций увидел, как Сатурнин подошел к наследникам покойного, потом бросил взгляд на ожидавшую дармовых харчей толпу. “Боги, куда катится этот город?” – невольно подумал он, но только повел плечами, будто говоря: “Это не мое дело...”, и больше не смотря по сторонам, быстро пошел домой.

.....

Той весной в Сицилии и в Африке дождями был уничтожен весь урожай пшеницы, что вызвало резкое подорожание хлеба, и, в конечном счете, голод. В государственных хранилищах запасы зерна достигли минимума, и килограмм пшеницы стоил уже десять сестерций, что было не доступно для большинства граждан. Конечно, были и другие продукты, но нехватка пшеницы вызвала повышение цен и на другие товары.

К октябрю среди римского пролетариата начались серьезные волнения. Страх перед голодом, словно болезнь, распространился по городу и проник во все слои общества. Перед приближавшей зимой оставшаяся без куска хлеба голодная гольтьба представляла реальную угрозу тем, кто еще имел этот кусок хлеба. Многие представители второго, третьего и четвертого классов вооружились и приготовились к защите своих домов и имущества от голодной толпы. Обеспокоенные положением в городе магистры обратились к сенату с просьбой выделить из казны дополнительные средства на закупку зерна в Египте и Галии, но, к сожалению, отцы города еще не осознали до конца приближающуюся опасность. Сенат почти единогласно заявил излишне усердным народным трибунам, что денег в казне нет, так как восстание рабов в Сицилии и война с варварами в Галии опустошила финансовые ресурсы Республики, и Рим стал банкротом. Те же, кто не имеет денег, будут голодать. Это, конечно, печальный факт, но это реальность.

В начале ноября о решении сената знал даже последний житель города, цены на хлеб сразу взлетели вверх. За несколько дней форум наполнился взволнованными и возмущенными жителями города, в основном представителями самого многочисленного пятого класса, пролетариями из Субуры и Эсквилина. Во избежание политического ослож-

нения сенат прекратил заседания, а сами сенаторы разъехались по своим загородным виллам. “Чем большее количество голодранцев этой зимой отдадут богам душу, тем чище станет наш город”, – сказал принцепс сената одному из своих клиентов во время личной беседы, и через несколько дней об этом знал уже весь город. Народный трибун Сатурнин созвал комицию плебеев и вынес на нее свой законопроект. Главное, к чему он стремился, было желание предстать перед народом в качестве единственного защитника его интересов. Из-за бегства сенаторов за пределы города, а также из-за того, что остальным на собственной шкуре пришлось испытать, что значит подорожание хлеба, оппозиции в отношении Сатурнина в городе не было. Весь пролетариат Рима, а так же представители четвертого, третьего и второго классов, перешли на сторону трибуна, а в начале декабря на его сторону стал весь Рим.

– Этому пламенному оратору форум прямо-таки смотрел в рот, ловя каждое его слово. Сатурнин и сам верил в то, о чем говорил, тем более, что выражение лиц собравшихся в толпе слушателей ему говорило: “Ты можешь стать властителем мира, стать нашим властелином”. Еще бы, когда за твоей спиной такая многочисленная толпа, при случае сметающая все на своем пути, что значит в сравнении с этим быть просто сенатором или даже консулом?

Сенаторам пришлось-таки вернуться в Рим, народное собрание единогласно приняло законопроект Сатурнина, казной же заведовали отцы города.

– Если не хотите лишиться головы, дайте мне денег для закупки зерна горожанам, – грозным голосом обратился народный трибун к вызванным на форум сенаторам, побледневшим от страха и стыда.

Деньги он получил, и бразды правления городом взял в свои энергичные руки. Его друзья, Главций, Лабиний и Луций Манилий завладели всем форумом и Вернувшиеся по одиночке сенаторы очень скоро обнаружили, что власть в городе перешла в руки уличной толпы. Теперь они и рады были возобновить заседания сената, но пролетарии Субуры и Эсквилина перекрыли все подходы к Капитолию и никого туда не пропускали, а само здание сената, стоящее на склоне горы, Сатурнин как трибун закрыл по причине отсутствия сенаторов и у входа в него поставил стражу из своих верных сторонников. Фактически, сенат оказался распущенным, и созвать его теперь мог только один из консулов; но младший консул Фимбрия после всего пережитого заболел и слег в постель, старший же консул, победитель в борьбе с германцами, великий Гай Марий вместе со своими непобедимыми войсками защищал северную границу империи. В конечном счете, сенаторы пришли к выводу, что только старший кон-

сул может справиться с беспорядками в Риме, и, несмотря на великий страх отцов города перед этим честолюбивым полководцем, они не нашли иного выхода, как, скрипя сердцем, призвать в Рим его третьего основателя.

.....

– Старый мошенник, настоящий *cuppi* солдатских лагерей! – Сатурнин не мог уже сдерживать своего возмущения. Он и Луций сидели за столом в уютно обставленном доме у трибуна. Рабы внесли на подносе фрукты, вино и сладости и бесшумно удалились. – Ты можешь представить себе такое двуличие и подлость?

На лице Луция отразилась печальная улыбка. Уже весь город обсуждал скандал, происшедший в тот день в доме Мария. Знаменитый полководец, третий основатель Рима, великий Гай Марий, недавно вернувшийся в город, принимал у себя одновременно делегации сената и сторонников Сатурнина, поместив их порознь в разных комнатах, так что ни одна из сторон не догадывалась о присутствии другой; а хозяин дома одновременно вел переговоры с каждой из них, переходя из одной комнаты в другую, с Сатурнином обсуждая планы свержения власти сената, с сенаторами же – пла-

ны подавления бунта в городе. – Извините, дорогие гости, плохо себя чувствую, позвольте оставить вас на некоторое время, – передразнил Сатурнин охрипший голос Мария. – Старый мошенник, ведь он сам всю эту заваруху и устроил, а теперь явился как спаситель города.

– Ты что этим хочешь сказать?

– А то, мой дорогой, что Марий сам через агентов скупил весь запас зерна, вызвав тем самым искусственное подорожание хлеба в городе.

– Ты откуда это узнал? – На лице Луция выразилось искреннее удивление.

– Ладно, успокойся, чего тут удивляться, – в голосе Сатурнина чувствовалось некоторое смущение, – мы с Марием запланировали все это заранее: я должен был вызвать в городе беспорядки и анархию, чтобы вынудить сенат призвать старого консула в Рим. Война с германцами закончилась нашей победой, и в мирное время Марий оказался лишним для Республики – вот и избавились от него, сослав сторожить границу. С тех пор наш великий полководец только и мечтал о том, как вернуться в Рим, и добился своего, а теперь мы для него лишними стали.

– Ты раньше об этом ничего не говорил.

– А если и сказал бы, что от этого изменилось бы? – Сатурнин дружески похлопал Луция по плечу. – Мы оба ненавидим этот прогнивший город, это существование ради существования, без цели и смысла. Оба мечтали о настоящих и великих делах, вот и наступил наш час. Мы взорвем Рим и на его руинах построим демократию.

– В Риме и так демократия уже триста лет.

– Тогда зачем нужен сенат? Должно быть так: я и народ, вернее, мы и народ, – поправил Сатурнин.

– Сенат существовал всегда...

– Было время, когда Римом управляли цари, а где они сейчас? Луций, открой глаза. Народ и весь город на нашей стороне, кто посмеет выйти против нас?

– Марий посмеет. Его легионы стоят у ворот города.

– Еще ни одна римская армия не входила в город, и ни один полководец, попытавшийся нарушить границу Рима, не оставался в живых. Армия не перейдет черту города, а здесь единственная сила – народ. Марий, дурак ты этакий, будет

на нашей стороне, он будет вынужден стать на нашу сторону. В декабре проведем выборы, тебя вместе со мной выберут в трибуны, а Главция сделаем консулом, и тогда городом будем править мы.

– Мы отберем у города свободу? – тихо спросил Луций.

Лицо Сатурнина поморщилось от неприятной гримасы.

– Не люблю высокопарных слов: что означает эта свобода? Чтобы жизнь человека имела смысл, он должен за что-то бороться. Если бы мы жили при царях, то вместе с Брутом боролись бы за Республику, но раз нет у нас сегодня возможности бороться за свободу, то мы вынуждены бороться против свободы.

– И где здесь справедливость или хотя бы правда?

Трибун повел плечами и с беспощадной откровенностью произнес:

– Правда – это всегда то, что хочет услышать большинство. Сенаторы спрятали зерно, чтобы нагреть руки на хлебных спекуляциях за счет голодного народа, – сегодня это и считается правдой, и не важно, так оно на самом деле, или нет. Люди в городе хотят услышать именно эту правду, и это

главное.

– Значит, на выборах все решится? – спросил Луций.

– На выборах мы море превратим в океан и сметем наших врагов. Эти скоты из Субуры и Эсквилина на подносе нам власть принесут.

.....

– Фриксе – это же мужское имя, кажется, так звали сына Фессалийского царя, который вместе с сестрой, сидя на летающем баране, улетел в Колхиду. А ты свою падчерицу называл этим именем...

Луций и Диоген расположились в уютном атриуме вокруг маленького круглого стола и вели тихую, непринужденную беседу. После бурных событий, развернувшихся в последнее время в городе, эта мирная и домашняя атмосфера немного успокаивала и отвлекала молодого патриция.

– Это не я, родители ее так называли. Это имя у испанских кельтиберов довольно распространенное, и оно у них женское. Кстати, о Колхиде: на днях встретился с одним давним знакомым из тех краев. Оказывается, он уже несколько меся-

цев живет в Риме, очень благородный и радушный человек.

– И кто же он?

– Колх из города Фазиси. Мы познакомились с ним несколько лет назад в Афинах, он приезжал туда слушать лекции наших философов.

– И каким ветром занесло его в Рим?

– Его родной город погиб, и он был вынужден оставить родину.

– На его город напали враги, да?

– Никто не нападал, просто город сам умер своей смертью.

Луций с удивлением взглянул на друга.

– Как это умер? Разве город может умереть?

Диоген склонил набок свою мохнатую голову и задумчивым голосом произнес:

– Люди в том городе устали жить. Когда человек устает жить, он умирает. Видно, с городами тоже случается подоб-

ное. Просто в один несчастный день жители бросили свой город и разбежались кто куда, спасаясь друг от друга. Они бежали не только от мертвого города, но и от собственной смерти. Тот мой знакомый бежал из родного города как можно дальше, так он и очутился здесь, в Риме.

– Да, не хотел бы я жить в таком городе,– произнес Манилий и сделал рукой знак от дурного глаза.

– Не нам решать это, все мы заложники того времени, в котором суждено нам жить. Так вот: этот колх написал рассказ и назвал свое творение «Сизифом».

– Почему так?

– Сизиф – это ведь символ изнурительного, а главное, бессмысленного рабского труда. Для моего знакомого оно превратилось в символ самой жизни. Один экземпляр своей книги он положил в металлический ларец и зарыл в родную землю перед тем, как навсегда покинуть ее, а второй экземпляр привез в Рим и хочет издать его. – Сказав это, Диоген вынул из складок одежды плотно свернутый пергамент и положил его на стол. – Прочти, уверяю, вещь очень занятная, да и поучительная.

Луций взял пергамент в руки, повертел его и положил об-

ратно на стол.

– Так от чего же люди устали жить в том городе, что же с ними там случилось? – спросил он.

– С ними произошла самая обычная вещь, которая, рано или поздно, случается с каждым, – будничным голосом ответил поэт.

– И что же это за вещь?

– Это старость, мой Луций, старость, за которой приходит смерть, и которой подвержены не только люди, но, как видно, даже города и целые народы.

Они еще некоторое время вели мирную и непринужденную беседу. Была уже поздняя ночь, когда гость встал и, попрощавшись, удалился, а Луций остался один. Он почувствовал усталость, отложил пергамент и пошел спать.

.....

Шестого декабря на форуме начались выборы народных трибунов. Когда Марк Скавр, высокий старик с морщинистым лицом, вместе с Гаем Марием подошли со стороны

Паллатина к лестнице Вестфалок и оттуда взглянули на форум, то от удивления у него вырвался невольный возглас: форум вместе с ближайшими улицами был переполнен народом. Море, океан народа. Картина, действительно, была впечатляющая.

– Что происходит? – спросил пожилой сенатор своего спутника.

– Сегодня Сатурнин и Манилий будут выставлять свои кандидатуры на выборах трибунов, и народ считает, что они – их единственная надежда, – высказал свое предположение Марий.

– Но большинство из здесь собравшихся не могут оказать влияние на выборы; голоса считают по трибам, один триб – один голос, и не важно, сколько граждан от данного триба присутствует на комиции – пятьсот, пять тысяч или пятьдесят тысяч. Пролетарии Субуры и Эсквилина имеют на комиции только один голос, а большинство здесь собравшихся, я уверен, даже не имеют римского гражданства, и не могут принять участие в выборах.

– Это так, но они сюда пришли не для голосования.

– А для чего же тогда?

– Для того, чтобы всем напомнить: они есть, и они не хотят умереть от голода.

За этой беседой Марий и Скавр спустились по ступеням и присоединились к остальным сенаторам, в ожидании выборов собравшихся перед зданием сената. Тысячная или даже десятитысячная толпа для форума не была редким явлением, но людской океан в триста тысяч человек, включающий все городские низы, был исключительным явлением даже для Рима. Сравнительно небольшие группировки выборщиков сразу потонули в этом людском море. Сатурнин подтолкнул рукой Луция и показал на собравшихся перед Курией сенаторов.

– Посмотри на эти сытые и самодовольные лица. Легко можно догадаться, что они в ладу с богами, законами и собственной совестью. Если б ты знал, как я ненавижу этих тупых и надменных верблюдов!

Выборы начались, один за другим выходили кандидаты, и глашатаи объявляли их имена. Первым вышел Сатурнин, и огромная масса народа стала хлопать в ладоши и кричать. Поднялся такой шум, что вокруг больше ничего не было слышно. Сатурнин стоял на высокой трибуне и с довольной улыбкой смотрел на форум.

Остальных кандидатов в народные трибуны форум встретил молчанием, но когда очередь дошла до Луция Манилия, площадь опять неожиданно взорвалась. Народ приветствовал потомка великого человека, спасшего когда-то Рим от варваров. Экзальтированная масса людей хлынула к трибунам, все более приближаясь к ступеням Гостилиевой Курии, где стояли сенаторы. Среди отцов города прокатилась волна страха перед необъятной и звероподобной толпой, и когда все замерли в ужасе, Марий услышал голос принцепса Скавра.

– Что стоишь, как вкопанный, быстро распусти собрание, пока не случилось беды.

Старший консул очнулся, вышел вперед и поднял вверх правую руку. Толпа сразу остановилась, и через мгновение над площадью прокатилась волна оваций. Рим приветствовал своего героя.

Далее выборы прошли на удивление быстро. Большинство голосов Сатурнин третий раз стал народным трибуном, Луций Манилий – впервые. Марий на следующий же день назначил консульские выборы на Марсовом поле и распустил комиции. Толпа постепенно растекалась по близлежащим улицам, и скоро форум почти опустел. Сам консул

вернулся в Курию, где ждали его бледные от только что пережитого страха сенаторы.

– Таким образом, сегодня мы встретились с активным сопротивлением, – внушительным голосом произнес полководец.

– Что ты нам предлагаешь? – спросил Скавр, в чьих глазах еще читались следы недавнего страха.

– Мы должны предпринять все для того, чтобы завтрашние выборы прошли мирно и без кровопролития. Главное, чтобы народ не увидел кровь. Если она прольется, то события выйдут из-под контроля и станут неуправляемыми.

– Как будто до сих пор события находились под контролем, – с язвительным сарказмом вставил Цезарь Катул, сенатор с аристократической осанкой и надменным лицом, немного смахивающим на индюка.

– Во всяком случае, закона никто не нарушал. Да, толпа была большая, но выборы прошли по правилам. Вот если прольется кровь, тогда демократы отрежут себе путь к отступлению, и гражданской войны не миновать. Завтрашние выборы проведем в цирке Фламиния, как можно дальше от форума, чтобы народу собралось меньше. Да хранит нас

Юпитер!

– Тебе легко так спокойно рассуждать: какая бы сторона не победила, ты окажешься в выигрыше, – с ненавистью вырвалось у Скавра.

– Вы вызвали меня в Рим для того, чтобы я навел порядок в городе и пресек бунт. Я это сделаю и разобью Сатурнина точно также, как разбил германцев, а еще раньше – царя Нумидии. Если вам это не нравится, могу сегодня же оставить Рим и вернуться на границу, а с Сатурнином тогда разбирайтесь сами, – Марий при этих словах поправил на плече тогу и с гордо поднятой головой вышел из сената.

В Гостилиевой Курии не оказалось ни одного сенатора, кто посмел бы его остановить.

– Будь ты проклят, Гай Марий, ты, твои легионы и эта уличная толпа, которую ты, конечно, сам и взбудоражил, и вывел на улицу, – с бессильной ненавистью в голосе прошептал принцепс сената, когда старший консул уже вышел из Курии.

.....

Труп Гая Мемия с разбитой головой лежал на Марсовом поле. Кандидата в консулы от сената перед глазами всего народа в день выборов насмерть забили дубинами сторонники Главция. Когда Марий в сопровождении сенаторов пришел на место происшествия, там уже собралась большая толпа. Ликторы оградили отцов города от праздных зевак, и Марий приблизился к беспомощно лежащему трупу. Его белая тога кандидата была окрашена кровью, а из разбитой головы текла какая-то желто-красная жидкость. Марий взял принцепса под руку и отвел в сторону.

– Случилось то, чего я так боялся. Пролилась первая кровь. Сатурнин пересек роковую черту и поставил себя вне закона.

– Именно так и обстоит дело, – согласился Скавр. – Он подстроил убийство главного соперника Главция на консульских выборах, расчищая своему другу путь к консульскому креслу. Консульство Главция при трибунате Сатурнина и Манилия означает гибель Рима.

– Правильно, с сегодняшнего утра вопрос стоит так: либо сенат, либо Сатурнин и его толпа.

Скавр вздохнул тяжело, платком вытер со лба выступив-

шие капли пота и повернулся к консулу:

– Что ты предлагаешь?

– Я могу все: например, ввести свои легионы в Рим и восстановить порядок в городе.

– Сатурнин – отчаянный человек, и не станет отступать. Все это может кончиться очень плохо.

На мрачном лице Мария промелькнула надменная улыбка.

– Сатурнин – оратор с форума, правда, энергичный и талантливый, но всего лишь болтун, демагог, и больше ничего. Его сила – это сила неорганизованной уличной толпы, которая не сможет противостоять регулярным войскам.

– Никогда за всю историю Рима регулярная армия не нарушала границ города. Рим – свободный город, и нельзя допустить его захвата вооруженными силами, – твердо произнес принцепс.

– Тогда пускай Юпитер защищает сенат, потому что другого союзника в этом городе у него уже нету.

– Ты являешься консулом и обязан восстановить в городе порядок.

– Восстановить чем? Двенадцать моих ликторов не смогут противостоять трехсоттысячной толпе.

– Не криви душой, Марий, ты пользуешься большим влиянием среди римского народа, можешь начать переговоры...

– Как ты не понимаешь, Сатурнин для того и убил Мемия, чтобы больше никаких переговоров не состоялось. Мы сейчас теряем золотое время.

– Если легионы войдут в Рим, Республика погибнет, так или иначе, – упрямо выдавил Скавр.

Неожиданно из города послышался неопределенный шум. За Капитолием, там, где начинается Палатин, вспыхнули языки пламени. Вскоре несколько дымовых столбов поднялись и со стороны Квирилина. В городе явно что-то происходило. Затем пришли и первые вести, их принесли бежавшие из Рима люди.

– Народ громит лавки и городские склады!

-Квириты устроили резню среди римских жителей, убива-

ют всех: греков, евреев, сирийцев!

– Плебс ворвался в банковские конторы и начал сжигать долговые книжки и обязательства, всюду убивают ростовщиков!

– На Палатине и Квиринале подожгли дома сенаторов. Скоро пожар перекинется на целые кварталы!

Ужасные вести приходили одна за другой. Сенаторы и зажиточные горожане в отчаянии рвали на себе волосы. Очень скоро собравшиеся вокруг представители первого и второго классов, окружив Мария, стали умолять его спасти город, их дома и имущество от разгула толпы.

– Я не имею права без разрешения сената ввести в город легионы. Когда все это закончится, первый же демагог с форума потащит меня в суд с обвинением в измене Республике, – возразил Марий и смешался с толпой сенаторов.

– Хорошо, хорошо, пусть будет по-твоему, – произнес Скавр, ломая от бессилия руки, – что ты требуешь от сената?

– Особых полномочий, неограниченную власть внутри города, а также иммунитет от всякой ответственности за свои действия на будущее.

– Диктатура, – выдавил Скавр.

– Порядок, – ответил Марий.

Сенат собрался за городом в храме богини войны Белонны: это был первый случай в истории города, когда римляне начинали войну против римлян. Сенаторы сидели в три ряда в узком полутемном зале храма. Окруженный ликторами, Гай Марий сел в консульское кресло из слоновой кости в классической позе римлянина: весь выпрямившись, с гордо поднятой головой, положив руки на колени.

Принцепс Скавр вышел вперед и от имени сената обратился к старшему консулу:

– Город в опасности. Гай Марий, вам, как старшему консулу, дается полное право по своему усмотрению управлять Республикой. Я заявляю, что с сегодняшнего дня вето народных трибунов на вас не распространяется. Ваши приказы и действия на будущее не подлежат судебному преследованию. Все магистраты города, сенаторы и вооруженные силы Республики обязаны подчиняться только вашим приказам. Вы имеете полное право по своему усмотрению выбирать себе помощников и других должностных лиц. Все, что касается вас, распространяется и на них, – Скавр на несколько секунд

остановился, и вдохнув глубоко, высоким, зычным голосом произнес последнюю и традиционную фразу. – Пусть смотрит консул, дабы Республика не понесла урону.

.....

– Ты что творишь? – Луций схватил Сатурнина за плечо и с силой потряс его. – Убийства, пожар в городе, грабежи, беспорядки, скажи, зачем все это?

Сатурнин резким движением освободился от рук, сжимавших его плечо, бросил поспешный взгляд на окружающую их толпу и отвел друга за трибуну.

– В городе убивают иностранцев: греков, евреев... Это инициатива толпы, и я тут непричем. Они боятся, что не смотря на наши обещания, голод неизбежен, вот и освобождаются от лишних ртов. Хлеба римлянам не хватает, иностранцы кому нужны? Притом, толпа любит насилие, толпа это дело уважает, но сейчас не это главное. Ты мне вот что скажи: с кем ты, со мной или с ними?

– Я ни с кем, – презрительным тоном ответил Манилий.

– Послушай, Луций, сегодня этот город, вся эта империя в наших руках. Ради этого стоит жить и даже умереть.

– В Субуре час назад убили Диогена, он ведь был и твоим другом, – чуть ли не с криком вырвалось у Луция, – его дочь я еле спас от убийц. Диоген никому вреда не причинял, а его убили соседи, с которыми он годами жил в одном доме. Сатурнин, во что мы превратили этот город? Брат убивает брата, сосед – соседа... Я такой Рим не хочу, я не хочу жить в таком городе!

– Решил сбежать? – трибун вызывающе засмеялся. – всю жизнь убегаешь: сначала в цирке укрылся, потом на форум пришел. Знай, если и сейчас сбежишь, то потом всю жизнь бегать придется, урод ты бесхребетный!

Манилий ничего не ответил, только повернулся и молча ушел. Сатурнин от досады покусал себе губы, потом поднялся на трибуну и поднял руки вверх.

– Квириты! Сенат показал себя как непримиримый враг народа! – Слоняющиеся по площади люди остановились и повернулись в сторону трибуны. На форуме сразу установилась тишина. Трибун чувствовал, что тысяча ушей внимает его словам, и тысяча пар глаз в ожидании уставилась на него. – Как вы думаете, почему не смотря на наши стара-

ния, хлеб до сих пор не доставлен в город? Да потому, что представители первого и второго классов предпочитают искусственно раздувать цены, дабы нажиться на несчастье народа. Плевать им, что вашим детям грозит зимой голод и смерть! Теперь, когда война с варварами закончена, и казна наполнилась многочисленными трофеями и богатствами, вы им больше не нужны! Если подохните с голоду, это для них будет даже лучше – меньше головной боли. Отчистят город от ваших вонючих трущоб и только.

Толпа на форуме взревела от ненависти и обиды.

– Но я, Луций Апулей Сатурнин, хочу обеспечить ваше будущее, и сделаю это немедленно, потому что сенат уже вынес решение о моем аресте: они решили казнить меня. Вместе со мной казнят и моих друзей, а когда мы умрем, кто будет заботиться о вас, квириды? Кто будет бороться за ваши права?!

Крик толпы перерос в многочисленный оглушительный рев.

– Квириды! Тогда наступит и ваш конец, но если вы вооружитесь и станете здесь, на форуме, у подножья Капитолийской горы, как истинные хозяева города, то, клянусь Юпитером, этот город будет ваш!

Форум, Гостилиевая Курия, стены близстоящих зданий задрожали в истошном крике многотысячной толпы:

– Слава Сатурнину!

– Слава нашему спасителю!

– Слава нашему царю!

Манилий не стал ждать конца выступления Сатурнина, и когда тот завершал уже свою речь, Луций приближался к поднимавшейся на Палатин лестнице Вестфалок. Именно здесь и догнал его несшийся с форума оглушительный рев. Ощущение было такое, будто началось землетрясение.

У края Велабрского форума, на границе города, стояла передовая застава легионеров. Шедший домой Манилий невольно остановился и прислушался к разговору собравшихся там людей. По обе стороны забаррикадированной улицы стояли отдельные группы граждан, на лицах которых были видны следы глубокой печали из-за событий, происходивших в городе за последнее время.

– Боги, что будет с нами, что ожидает нас завтра?! – с плачем произносил один из них, – мой сын ушел на форум

к Сатурнину, а брат служит легионером у Мария. Вчера он тайком покинул лагерь и как ночной вор, скрываясь от всех, пришел ко мне. В войне с германцами весь поседел, а тут как ребенок плакал. Мой сын сам его успокаивал, а утром он так же тайком вернулся в лагерь. На нашей улице вырос, а сейчас даже от соседей скрывается, чтобы не узнали.

– Мы – маленькие люди, – сказал один из легионеров Мария, – что мы можем? Все решают сенаторы и политики. Молитесь Юпитеру, чтобы они помирились, иначе быть великой беде. Брат пойдет на брата.

Неподалеку сидел еще один легионер и в полголоса переговаривался с пожилым городским плебеем:

– Ливия как себя чувствует, папа?

– Не беспокойся за нее, сынок, вместе с детьми укрыл ее у себя дома.

– Мой брат Марк на форуме?

– Да, он вместе с Сатурнином.

– Когда увидишь, передай от меня привет, а сейчас прости, надо в лагерь. Центурион ненадолго отпустил.

– Подождал бы еще немного, сынок?

– Нельзя, папа, из нашего отряда остальные ребята тоже хотят прийти сюда и повидать родных, пока не началась эта проклятая война. Ведь должен кто-то сменить их в лагере.

– Чем разгневали мы богов? Отродясь в Риме такого не было.

В это время со стороны Марсова поля послышался звук труб – полководец созывал своих легионеров. Люди вздрогнули и стали поспешно прощаться, плакать, говорить прощальные напутственные слова. На их лицах лежала общая печать бессилия и отчаяния.

Луций постарался побыстрее уйти оттуда, потому что не в силах был видеть все это: на глазах выступили слезы. Несмотря на все, он любил этот город и все-таки осознавал, что на может что-либо изменить. “Прочь отсюда, чтобы больше ничего не видеть и не слышать”, – с горячим упрямством твердил он самому себе...

.....

К вечеру Марий ввел в город один легион со стороны Квиринала, через Фонтилиевые ворота, второй легион двинулся вдоль реки вокруг Капитолийского холма, на котором их далекие предки пять веков назад, собравшись в последнюю горстку, отстаивали свою свободу, и пройдя ворота Ромула, приблизился к форуму с юга. Оба легиона одновременно подошли к лагерю мятежников и окружили его плотным кольцом. Рядом с легионерами стояли вооруженные сенаторы и всадники. Сам принцепс сената, старый Скавр, с копьем в руке шел впереди солдат. К двинувшимся к форуму манипулам стала присоединяться та часть жителей города, которая не очень-то была расположена к сенаторам, но которую эти ужасные беспорядки и страх за свои дома и имущество заставил вооружиться и идти в бой. Все, кто хоть чем-то владел в городе, перешли на сторону сената, когда воочию увидели эту жуткую химеру анархии и беспредела.

Собравшиеся в Гостилиевой Курии главари мятежников держали совет, когда пришла весть, что легионы Мария начали входить в город, и новость эта привела всех в угнетающее состояние.

– Рим еще не готов к новым формам правления, – с печальным голосом произнес Главций, – толпа попросту голодна, но этого не достаточно, чтобы они пошли воевать. Ведь

это просто толпа, она не сможет противостоять регулярным войскам.

Сатурнин резко вскочил на ноги и с кулаками бросился на друга.

– Ошибаешься, Главций, эта толпа, стоящая сейчас на форуме, многочисленнее любой римской армии. Их сила – в их количестве, и этой силой управляем мы. Война так война, сейчас не время языком чесать. Все за мной!

Трибун в окружении своих соратников с шумом вышли из Гостилиевой Курии и от неожиданности замерли на месте: слезы выступили на глазах Сатурнина. Народ, где народ? Он разбежался. На опустевшем форуме осталось только три – четыре тысячи человек, которые размахивали руками и требовали дешевого хлеба.

В это время со стороны Велабри между Базиликом Семпрония и храмом Кастора и Поллукса показалась длинная колонна легионеров. Манипулы организованно стали рассредотачиваться вокруг, перекрыв все улицы и подходы к Веллии. Другая такая же колонна приблизилась к форуму со стороны Квиринала. Сатурнин выхватил меч и вместе с малочисленными сторонниками спустился к форуму.

Битвы как таковой не было: щиты легионеров просто протюжили форум, и через пятнадцать минут остатки мятежников просто отхлынули к склонам Капитолия и укрылись в храме Юпитера. По приказу Мария к храму прекратили подачу воды, и на следующий же день измученный жаждой Сатурнин, Главций и четырнадцать их сторонников сдались старшему консулу.

.....

По городу поползли слухи, что Сатурнина и пятнадцать его сторонников как врагов Республики сбросят с Тарпейской скалы, находящейся на юго-западном склоне Капитолия и представляющей собой гладкий базальтовый гранит высотой двадцать пять метров, у подножья которой разбросаны камни и острые осколки скалы. У преступника, сброшенного отсюда, не оставалось шансов остаться в живых. Скала хорошо была видна с нижнего форума, и именно там с утра стал собираться народ, чтобы собственными глазами увидеть смерть своих вчерашних кумиров. Правда, необычным было то, что на форуме легионеры разбили военный лагерь, а по улицам ходили вооруженные патрули, но по Риму уже распространились слухи (Гай Марий позаботился об этом), что корабли везут зерно из Галии и Азии, и на днях

оно появится в городе. Народ освободился от страха перед голодом, и поэтому люди без всякого сожаления и сочувствия взирали теперь на Сатурнина и его сторонников, которых под усиленной охраной привели на форум. В толпе слышались насмешливые выкрики и свист в адрес направлявшихся к Тарпейской скале смертников. Это была та же толпа, которая за день до этого с восторгом приветствовала и прославляла своих кумиров.

На трибуну форума поднялся Гай Марий. Ликторы заиграли в трубы, раздался бой барабанов, после чего вокруг воцарилась тишина.

– Римляне, вернитесь по домам, беда миновала город. С радостью сообщаю, что нагруженные зерном корабли уже пришли в Остию и стали на якорь. С завтрашнего дня зерно будет продаваться по цене 10 кг за один сестерций. Такую цену обещал вам Сатурнин, но он умер, не выполнив обещание. Это зерно даю городу я, Гай Марий, триумфатор, шестикратный консул и третий основатель Рима! Цена на зерно не будет меняться за весь период моего правления. Кроме того, в школах Капуи я закупил пятьсот гладиаторов, и завтра в городе в знак наступления гражданского мира на арене большого цирка будут устроены гладиаторские бои. Двести пятьдесят пар лучших бойцов будут драться друг с другом насмерть, чтобы усладить, квириты, ваш взор!

Форум был оглушен криком, вырвавшимся из нескольких сот тысяч ртов:

– Слава Гаю Марию!

– Слава нашему спасителю и кормильцу!

– Слава великому городу Риму!

Гай Марий стоял на трибуне, и на его простом крестьянском лице играла счастливая и самодовольная улыбка.

.....

Вечером Луций сидел на террасе своего дома и вслушивался в несущийся с форума гул. Его никто не беспокоил. После ареста Сатурнина Марий объявил общую амнистию для всех, кто в этот роковой день не находился на форуме и с оружием в руках не боролся против его легионеров. Поэтому молодой патриций мог не опасаться преследования властей, но в тот день он все равно не пошел на форум – он не мог как простой зритель смотреть на смерть своих бывших друзей: это было выше его сил. Как побитая собака, весь съевшись, он завернулся в теплый плащ и молчал. Фриксе подошла к своему новому хозяину и устроилась у его ног.

– Я не трус, – неожиданно нарушил молчание Луций. Девушка повернула голову и с сочувствием посмотрела на молодого человека. – Ты думаешь, что я испугался и бросил друзей? – продолжил Луций. – Если бы было так... Со страхом еще может справиться человек, но когда ты не знаешь, как поступить, и какой бы не выбрал путь, получается, что служишь злу и несправедливости, видишь, что не в силах изменить что-либо вокруг себя, и тогда тобой овладевает бессилие и отчаяние. В нашем городе раньше был один закон: гражданина, не поддерживающего ни одну из сторон во время гражданского противостояния, изгоняли из города. Считалось, что самыми опасными являются не преступники, убийцы или предатели, а безразличные люди. Убийца может всего лишь убить, предатель – предать, но именно благодаря людскому безразличию совершаются убийства, предательства и преступления, поэтому этот закон был справедлив. Правда, сегодня о нем никто не помнит, но я-то помню, и применю к самому себе. В Риме нет больше места для меня.

– Мы уедем из этого города? – спросила Фриксе.

Луций погладил голову девушки и ласково спросил:

– Не хочешь вернуться на родину? Или ты уже забыла ее?

Фриксе вздрогнула и медленно произнесла:

– Я помню, я всегда помнила свою родину, но как же вы будете жить без родного города?

– Раньше я думал, что жизнь слишком коротка, очень многое должен успеть сделать человек за столь короткий срок, и в душе часто страдал от своей бесцельно проведенной жизни. Вечером, когда за Капитолием заходило солнце, сердце обрывалось при мысли, что еще один день бесцельно прожит, но все-таки, в душе тайком носил надежду, верил, что если человек чего-то очень захочет – он сможет изменить свою судьбу. – Луций тяжело вздохнул, закрыл глаза и прислонил голову к спинке кресла – Оказалось, что это не так-то просто, иногда ты судьбе подчиняешься – и все тут...

.....

Спустя полгода после подавления восстания Луций Манилий вместе с Фриксе поселился на краю света в маленьком городке на берегу Атлантического океана. В этом далеком приморском уголке нашел последнее пристанище римский патриций, человек, всю жизнь бежавший от своего прошло-

го и настоящего, но дальше этих мест уже бежать-то было некуда. Осенью он и Фриксе поженились, создав семью. Наконец-то, успокоилась неугомонная душа римлянина. Вдали от родины рядом с любящей испанской девушкой он обрел душевный покой. С тех пор Манилий ничего не слышал о Риме, а Рим – о нем.

Рассказ 3

РАССВЕТ

*“Зерно пшеницы, которое упадет в землю,
и не умрет, останется одно; если же
умрет – принесет много плодов”.*

Евангелие от Иоанна. Глава 12.

– Кто он? – Ираклий упорным взглядом сверлил сестру и ждал ответа.

Марция сидела в углу. Лицо молодой женщины блестело, как в лихорадке, глаза были красные от слез. Виновато по-нузив голову, она молчала, и только плечи незаметно вздрагивали.

– Что там спрашивать, и так понятно, это был Леон, – нарушил молчание Марк, – больше некому, здешних мы всех знаем, а этот грек мне с самого начала не понравился, сразу была видна его двуличность. А вы в гости пригласили, ведь он – византийский вельможа, вхож даже при дворе императора. Как же не пригласить? Вот чем он отплатил за наше гостеприимство: сестру обесчестил и сбежал, как последний вор!

Ираклий жестом руки дал знать брату, чтобы тот замолчал, и опять повернулся к Марции.

– Маркус говорит правду?

Будто ожидая этих слов, из глаз девушки опять брызнули слезы, и она с плачем заговорила:

– Он просил моей руки, обещал жениться, мы... мы ведь любили друг друга...

– Любили, да? – Маркус поднял руку, еще немного – и он влепил бы сестре хорошую пощечину.

– Лучше бы ты молчала про это, – взмолился Луций, – сейчас твои чувства никого не интересуют. Отвечай только на вопросы, коротко и ясно. Ты уверена, что ждешь ребенка?

Марция сжалась вся под взглядами братьев и в подтверждение чуть кивнула головой.

– И отец ребенка Леон?

– Я убью его, из-под земли достану, – вспыхнул Маркус.

– Я просил тебя держать себя в руках, – строгим голосом перебил его Ираклий, – Сейчас нам всем не сладко. Что произошло, того уже не исправить. Раз обещал жениться на нашей сестре, значит, должен выполнить свое обещание.

– А потом я должен на него всю жизнь смотреть?

– Я уже просил тебя, Маркус, держать себя в руках. Леона мы обязательно найдем, но никакого кровопролития. В этом деле замешано имя нашей сестры, притом, ребенку нужен отец, ребенок не причем.

– Ну а потом, когда уважаемый зять соизволит прийти к нам в гости, мы с радостью должны его встретить? А как же, ведь сам domestik Леон соизволил стать мужем нашей сестры! – Маркус на секунду замолчал, с ненавистью посмотрев на братьев. – Кто мы, в конце концов, кем стали, что осталось от фамилии Манилиев? Кроме имени, этого закопченного дымом дома, который непонятно когда обвалится, да окружающих нас городских руин? Кто сегодня поверит, что наши предки в былое время были здесь хозяевами, и к их мнению прислушивались даже римские императоры?

– От римских императоров уже ничего не осталось. – Ираклий печальным взглядом окинул все вокруг. Было видно, что огромные размеры старого дома явно не соответствовали нынешнему положению его хозяев: большая часть огромного зала и комнаты на втором этаже уже давно были заброшены и увешены пыльной паутиной. На всем лежала печать заброшенности и нищеты.

– Времена властвуют, а не цари, и, рано или поздно, всему наступает свой конец, Маркус; так было и так будет всегда.

– Сейчас не время болтать, – Луций указал на Марцию, – с ней-то что будем делать?

– Печаль сразу исчезла с лица Ираклия, слова младшего

брата вернули его к действительности.

– Завтра же уезжаем, все трое. Где бы ни был Леон, его нужно найти и заставить жениться на нашей сестре.

– А если нет, – Маркус положил руку на свой меч, – тогда не жить ему на этом свете, и кто мне в этом деле попытается стать поперек дороги, того тот час же отправлю к праотцам!

– Дома останутся Марция и наша няня, а теперь пора спать. Утром надо рано в дорогу.

На рассвете братья вышли из дому, попрощались с сестрой и начали спускаться по опустевшим улицам разрушающегося города, по обеим сторонам которых тоскливо возвышались полуобвалившиеся от ветров и времени голые стены. Когда-то уложенные булыжником улицы были покрыты зеленой травой и дикими растениями. От старого города остался теперь только оголившийся скелет. Зияющие пустотой окна, стоящие без крыш дома своим безлюдьем и тишиной больше походили на кладбища, чем на жилище людей, и только возле реки, в нижнем квартале, еще билась жизнь. Здесь последние жители города поселившиеся на одной из улиц, упорно сопротивлялись наступлению окружающей их дикой природы. Но впечатление было не обманчивое: город считал свои последние дни. Очень скоро воцарившиеся здесь

нищета, безысходность и, что самое главное, полное отсутствие перспективы завтрашнего дня, заставит последних жителей оставить город, чье существование уже потеряло всякий смысл.

С соседней улицы послышался одинокий волчий вой, но братья не обратили на это никакого внимания: они уже привыкли к тому, что на город наступали не только окружившие его леса, но и дикие звери. Ночью они прокрадывались в опустевший город, а утром возвращались в свое зеленое царство, и с каждым годом все больше увеличивалось количество улиц, превратившихся в постоянное обитание четвероногих хищников. Вскоре путники пересекли поросший зеленым кустарником форум. Неподалеку из норы выскочило какое-то перепуганное животное и побежало вдоль обвалившегося здания сената. Это место на склонах Капитолия когда-то было окружено высокой стеной, но теперь от старой крепости осталось только одно основание: саму стену местные жители давно разобрали на камни. Вся эта удручающая картина для чужого взгляда могла бы оставить угнетающее впечатление, но для братьев созерцание ее было обычным каждодневным явлением. Их жизнь, детство и юность прошли среди этих развалин, и город с тех пор, как они себя помнили, всегда был таким; да другого города они себе и не представляли. Поэтому, миновав руины городской стены, все трое невольно обернулись и бросили назад последний

тоскливый взгляд. Несмотря на все, это была их земля, их дом, любимый и единственный во все мире.

Ребенок у Марции родился осенью. Мальчик оказался здоровым, сильным и крикливым. Няня Клавдия завернула ребенка в теплую пеленку и положила на кровать рядом с матерью.

-На маленького Ираклия очень похож, ведь вы все выросли на моих руках. До сих пор помню его детское личико, – прослезилась старая женщина.

Марция вместо ответа тяжело вздохнула, ослабевшей от родов, ей трудно было сейчас говорить, но когда няня упомянула имя Ираклия, ей невольно вспомнились братья: где они и когда вернуться домой? Избалованной старшими братьями, ей трудно было жить одной с няней, но сейчас кроме нее рядом с Марцией никого не было. Печальным взглядом смотрела она на прильнувшего к ее груди малютку и даже не могла понять, радовалась она появлению сына, или наоборот. Будто издалека слышался ей голос няни:

– Как мы назовем маленького, госпожа?

– Габриэлем, няня Клавдия, это имя мне нравится.

Один за другим проходили дни и месяцы. Кончилась осень, прошла зима, и когда поля зазеленели, вошла однажды в комнату няня, остановилась перед Марцией и со смущением заговорила:

– За зиму кончились последние припасы, госпожа. В доме больше нечего есть.

– Сдай в ломбард фамильные драгоценности, пока не вернуться братья.

– Уже давно все ушло под залог, даже золотые подвески вашей матери два месяца назад обменяла на муку, – напомнила няня.

– Тогда сдай золотые подсвечники.

– Еще осенью сдала их...

– Тогда... – Марции трудно было это выговорить, но другого выхода она не видела, – тогда отдай меч Луция Мани-

лия, только предупреди ростовщика, чтобы ни в коем случае не продавал, пусть подождет, пока вернуться братья, они выкупят...

Неожиданно старая няня прикрыла лицо руками и заплакала.

-Вы все время дома сидите, госпожа, и не видите, что происходит вокруг. Больше нет никакого города; ни ростовщиков, ни соседей, никого. Последние жители еще зимой оставили здешние места, и сейчас по улицам бродят только дикие собаки и волки, вечером даже опасно из дому выходить. Уйдем отсюда, госпожа, пока не поздно, пока наш дом полностью не окружил темный лес. Скоро река разольется и смоеет единственную дорогу, связывающую наш город с внешним миром, и тогда мы останемся здесь навсегда...

Печаль овладела молодой женщиной, когда она услышала от няни эти слова, но более того, ее охватило смятение: куда они должны идти и к кому? Здесь был ее единственный дом, а близких у нее, кроме братьев, никого не осталось. Но где сейчас ее братья? Воцарившееся вокруг общее запустение и ей уже бросалось в глаза. Среди полуразрушенных стен гулял холодный ветер. У дома, стоящего на противоположной улице, в прошлом месяце обвалилась боковая стена, а через две недели – рухнула крыша, и дом исчез под собственными

руинами. Вокруг не видно было ни одной живой души, кто бы обратил на это внимание. Весной все вокруг покрылось дикой травой, и очертания улиц постепенно скрывались под выросшим из земли кустарником. Теперь даже трудно было представить, что когда-то здесь был расположен самый многолюдный городской квартал.

Вечерами, когда маленький Габо засыпал в колыбели, Марция коротала время за чтением Библии. Невольно ее внимание привлекла следующая фраза из книги: «Город великий, город многолюдный, шестисотбашенный и с золотыми воротами. Никто не помнит, когда возник этот город, никто не помнит даже времени, когда этот город был молодым. Рождались, исчезали, меняя друг друга, целые страны и народы, а Вавилон всегда стоял .. Город великий, город вечный, как небо, как звезды». Марция вспомнила, что в другом месте в Библии Вавилон называется «проклятым городом». В следующие же века после рождения Христа этот город исчез. Торговые караваны забыли туда дорогу, грозные полководцы стороной обходили его, держа свой путь в сторону более молодых городов. Брошенный на произвол судьбы, вечный город незаметно опустел, растаял и скрылся под песками. Никто теперь точно не знал, когда исчез Вавилон, и когда последний раз видели его люди. Как может исчезнуть и предаться забвению когда-то многолюдный и великий город – это не казалось уже Марции чем-то невероятным: из окна

своего дома она видела раскинувшийся перед ней мертвый город, и чувство бессилия охватывало ее при мысли об обреченности жизни. Разве раньше она не знала того, что все в этом мире имеет свой конец? Но при мысли о том, что и ее судьба оказалась такой же, ею овладело полное отчаяние. В середине зимы под тяжестью снега обвалился купол храма Веспасиана, а ворота Гостилиевой Курии, единственное, что осталось еще от здания сената, разрушились ранней весной, и теперь под их руинами устроили себе норы шакалы и барсуки. Оправдалось предсказание няни: в начале мая река прорвала полуразрушенную дамбу и вышла из берегов, затопив единственную дорогу, ведущую в город. Через две недели, когда вода отступила, дороги уже не было видно: ее смыло, а вместо нее образовались заполненные лягушками ямы; хотя этого никто не заметил, потому что к тому времени по этой дороге уже никто не ходил.

Для Марции дни проходили просто и серо. С каждым днем она все сильнее ощущала на себе невзгоды жизни, но оставалась покорной своей судьбе. Все время проводила за женскими делами или за чтением Библии. Иногда, словно приходя в себя, сидя за пряльной доской, поднимала голову и с удивлением смотрела на маленького Габо, ползавшего у ее ног. “Неужели это мой сын, и это, действительно, я, одна, в этом заброшенном городе?” – появлялась в голове мысль, но чаще всего, она уже ни о чем не думала.

Бог прибрал к себе двух старших братьев. Они погибли, так и не найдя того, кого искали. За годы странствования далекий край и тоска по дому сожрали их тело и души. Вернувшись домой, Луций не узнал родной город. Очертания улиц исчезли под зеленой растительностью. Стоявшие вдоль заросших улиц остатки домов были погребены в собственных руинах, и там в поисках пищи бродили дикие собаки.

Боже мой, что это? – ужаснувшись, добавил он и прибавил шаг. Даже с первого взгляда было понятно, что город был уже мертв. За три года скитаний сколько раз мысленно возвращался он сюда, но теперь, когда за поворотом показался родной дом, у него защемило сердце – настолько все изменилось вокруг. Вместо ворот возвышались теперь только два голых столба. Дом наполовину был разрушен, во дворе валялись кучи мусора и руины. Переступая их, он подошел к маленькой хибаре, стоявшей позади дома, и увидел мальчика, ползавшего в грязи. При виде чужого человека тот остановился и с любопытством уставился на него. Из строения вышла старая женщина, и увидев незнакомца, с удивлением остановилась. Луций медленно подошел к старухе.

– Это я, няня, не признала?

Та молча смотрела на молодого человека, потом всплеснула руками и заплакала.

– Как ты изменился, Луций! Я даже не узнала, – и со слезами на глазах стала рассказывать про Марцию. – Уже третий месяц, как болеет, вся исхудала, ничего не ест, только лежит неподвижно и дышит. Я гостила в деревне у дочери, а когда вернулась назад, она уже была больна.

Луций осторожно открыл полуразвалившуюся дверь и вошел внутрь жилища. У стены на простой циновке лежала исхудавшая и рано постаревшая женщина. Он сразу узнал сестру, но когда подошел ближе, из уст его вырвался печальный стон: настолько Марция постарела. При этом звуке женщина открыла глаза, и взглянув на брата, некоторое время молчала, потом слабым голосом произнесла:

– Ты... Ты вернулся... Я умираю, брат...

Луций повернулся к няне.

– Врача позвали, что он сказал?

– Где ты найдешь здесь врача, сынок? Кругом ни одной живой души. Только Марция осталась здесь, да еще этот мальчик, ваш племянник.

Луций со слезами на глазах присел возле сестры. Его плечи вздрагивали от тихого плача.

Марция скончалась вечером, перед смертью никого не узнавала. Остывшее тело лежало на циновке. Луций нетвердым шагом вышел во двор. Душа его была опустевшая, чувства – мертвые. “Все, все оставили меня, остался я один в этом мире”, – с содроганием думал он. Няня взяла на руки маленького мальчика и поднесла к дяде.

– Вот это твой дядя, Габо. Маме было плохо, и она уехала далеко. Теперь ты будешь жить с дядей, слушайся во всем его. Совсем ребенок одичал, – повернулась няня к Луцию.

Широко раскрытыми глазами смотрел Габо на незнакомо-го человека, видно, и впрямь не был приучен видеть людей. Луций шагнул и взял мальчика.

– Не могу простить себе, что оставила ее одну. Говорила ей, чтобы тоже шла со мной в деревню, но не послушалась. Теперь как нам быть, господин?

Печальным взглядом обвел Луций мертвый город. Когда сюда возвращался – будто на крыльях летел – так не терпелось увидеть родной дом, а теперь тяжело было оставаться здесь, чувствовал, что здесь в этом пустом городе среди руин и камней не сможет он жить. Вокруг стоял запах смерти. “Вот что убило Марцию”, – подумал он.

– Ну так как мы поступим господин? Останемся здесь или пойдем в деревню? Как скажете, так и сделаем.

– Ни то, ни другое, няня. – Луций встал на ноги и посадил мальчика на плечо. – поднимемся на Капитолий и там поселимся. Оттуда идут корни нашего рода. Мы тоже начнем новую жизнь с того места, где покоится прах наших предков.

.....

– Вот здесь стоял храм Юпитера Величайшего.

– Здесь? – няня Клавдия с удивлением окинула взглядом раскинувшееся пустое поле.

– Двести лет назад, когда вандалы взяли Рим, вокруг все было сожжено и разрушено. С тех пор, наверное, на эту гор никто и не поднимался.

Старая женщина присела на лежавший рядом камень и с изумлением всплеснула руками.

– И ты все это хочешь восстановить?

– Я посвящу этому всю жизнь, – решительно сказал Луций. – А пока построим рядом маленький домик, где мы будем жить.

Через неделю Луций сидел перед наспех сложенной хижиной и листал листы старого пергамента. Неподалеку, нагнувшись над тазиком, няня Клавдия стирала белье.

– Знаешь, что это за книга? – обратился Луций к ней, – вся история нашего рода описана здесь. В течении многих веков писалась эта книга, и уже тысяча пятьсот лет исполнилось с тех пор, как раскрыл ее первый летописец.

– Да ну? – не смогла скрыть удивления няня.

– Здесь подробно рассказано, как выглядели здешние места во времена наших предков. Вот там, перед спуском, стояла сторожевая башня, а вокруг все было окружено белокаменной стеной. Все это так представляю, будто наяву вижу. Сегодня же обязательно начну копать землю.

– Зачем? Для чего?

– Как это, для чего? – с удивлением повернулся Луций. – Чтобы все это восстановить. Ведь это наша земля. Сам царь Ромул подарил ее нашему роду. Вот здесь, в бумагах, грамота с его печатью.

– Это какой Ромул?

– Тот, который основал этот город и возвел первую крепость.

На лице старой женщины появилась невольная улыбка.

– Ромул был царем, сынок, у него достаточно было людей и рабочих, небось, не сам строил. Ты один как собираешься справиться с этим?

– Если мои предки сумели, значит, и я смогу. Это ничего, что я один. Вот увидишь: осенью ты не узнаешь эти места.

Действительно, в течении всего лета Луций без отдыха работал лопатой и киркой. Трудно приходилось ему одному, ведь к работе не был приучен. На ладонях появились мозоли, а на пальцах – незаживаемые язвы, ломило суставы. По

вечерам, как убитый, падал там же, где и работал, а на следующее утро с лопатой в руках усердно копал и переворачивал высохшую от летнего зноя землю.

Однажды лопата наткнулась на что-то твердое, и посыпались искры. Луций быстро выкопал яму вокруг, и радости его не было границ: из глубины показался отделанный белым камнем фундамент крепостной стены.

– Вот видите, все это не сказка, а было на самом деле!

К концу осени вдоль выкопанного рва, действительно, показались очертания старой крепости.

Шли месяцы, а Луций неустанно работал: таскал камни и ложил их вдоль вырытого рва. Через два года после начала работ, спускаясь по крутой тропе, он подскользнулся и свалился со склона, повредив себе ногу. Няня Клавдия из ближайшей деревни привела врача. Оказалось, что кость была сломана, Луций три недели пролежал, не двигаясь, но с тех пор навсегда захромал на правую ногу.

Тяжелый труд и болезнь оставили на Манилии свой неизгладимый след: он исхудал и высох, почерневшее от солнечных лучей лицо преждевременно покрылось морщинами, а в волосах появилась ранняя седина, и только глаза светились

непокойными искрами: в них чувствовались неисчерпаемая воля и жажда жизни. Иногда из ближайших деревень приходили крестьяне и с удивлением наблюдали за тем, как одинокий человек в течении стольких лет тратит свои силы на эту бессмысленную работу, изредка помогали, но чаще подмигивали друг другу, вертя пальцем у лба. Несмотря на то, что большинство из них считали Манилия сумасшедшим, или, в лучшем случае, слегка тронутым, все-таки относились к нему с невольным уважением.

Шли годы, а конца работе не было видно. Только фундамент крепости поднялся из-под земли, а остальное оставалось все также пустынным, как и несколько лет назад. Однажды ранней весной, роя яму, Луций поднял голову и увидел подросшего племянника, шедшего к нему на помощь с лопатой в руках. При виде мальчика лицо дяди просветлело. С тех пор мужчина и ребенок работали вместе: копали ямы, ложили камни. Стена незаметно вырастала. По вечерам, уставшие от работы, они ложились отдохнуть перед своей хибарой, тогда Луций доставал стертый от времени старый пергамент и читал племяннику его пожелтевшие страницы.

Так однажды он из груды бумаг вынул какой-то истлевший лист и при тусклом свете свечи внимательно изучил его, потом повернулся к Габриэлю и заговорил:

– Удивительная вещь история. Сколько примечательных событий и тайн вмещает она. Вот хотя бы эта записка. Кем написана она, и когда – теперь не узнаешь, даже большинство слов стерто от времени, только одна фраза дошла до нас из глубины веков: “Наша любовь породила смерть...” Разве это не странно? Ведь любовь рождает жизнь, так было всегда. Кто написал это письмо, и зачем? “Любовь породила смерть...”, задумчивым голосом повторил Луций. Знаешь, нечто похожее я уже читал в Библии, кажется, так звучала та цитата: “Зерно пшеницы, которое упадет в землю и не умрет – останется одно, а которое умрет – принесет много плодов”. Какая это удивительная и великолепная мысль! Маленький Габриэль словно замороженный, слушал дядю.

Через десять лет после начала работ в темную осеннюю ночь скончалась няня Клавдия. Дядя и племянник только утром узнали об этом. Пришедшая из деревни старшая дочь и зять оплакали тело матери, священник справил панихиду и похоронил ее тут же на склоне горы.

Шли годы. Габриэль вырос и стал надежным помощником дяди. За это время стена крепости заметно поднялась, и ее видно было уже со всех сторон. С востока и запада стояли две сторожевые башни, точно такие же, как было описано в летописи. Часто во время работы Луций останавливался, поднимал голову и с гордостью смотрел на плоды своих

трудов. Конечно, вновь построенную крепость нельзя было сравнить с древней крепостью: стены той были толще, башни – выше, да и храма Юпитера Величайшего теперь нигде не было, но одно было бесспорно: крепость существовала. Скрытая веками, она теперь словно родилась заново.

– Непоколебим и упрям наш род Манилиев, – говорил дядя племяннику, – четырнадцать лет назад, когда мы сюда поднялись впервые, вокруг простиралось голое поле, а теперь два года работы – и все будет готово.

Не сбылись слова старшего Манилия. Многолетний непосильный труд сломил его здоровье, часто среди работы из его ослабевших рук выпадала тяжелая лопата, и сам он стал похож на тень. Вначале зимы холодный зимний ветер принес простуду. Всю неделю лежал он в жару и беспamięтно бредил. Врач из деревни внимательно осмотрел больного и посоветовал позвать священника, пока не поздно. Тот прочел молитву, отпустил грехи и перед уходом спросил, ради чего тот сгубил себя, и сам же ответил: “Ради этих голых стен. Суета сует жизнь человеческая...”

Луций скончался утром. Спустя несколько часов исхудавшее лицо покойника окаменело. Перед Габриэлем теперь лежало безжизненное тело глубокого старика. После похорон дяди юноша остался один у его могилы. Сейчас впервые в

жизни им овладела не только глубокая печаль, но и сильное смущение. Оставшись один, как перст, он не знал, куда ему идти и к кому, но не только в этом было дело. Габриэль чувствовал, что было еще что-то, что он сейчас смутно воспринимал, но что для него было самым важным. Будто перед его глазами раскрылась великая тайна бытия, и все существовавшие до сих пор представления о жизни превратились в ничто.

“Я живу, люблю, ненавижу, радуюсь, и в один прекрасный день я и все то, что так дорого мне, умирает, исчезает, превращается в ничто, будто никогда и не существовало. Тогда для чего я живу? Чтобы умереть?” Эта мысль не выходила из головы, и ответа на нее он не мог найти. “Что осталось от моего дяди, его мечтаний, чувств и труда? Застывший, лежит он в могиле, и ничего его больше не волнует: ни эта крепостная стена, из-за которой он надорвал свое здоровье и саму жизнь, ни великое прошлое нашего народа. Что осталось теперь от этого прошлого, или что станет со временем с построенной нами крепостью? Через много лет люди забудут о тех, кто ее построил, забудут даже о ее названии, и будет она бессмысленно стоять на этой горе, пока крестьяне из ближайших деревень не разберут ее на камни для починки своих домов. Тогда какой смысл во все этом?”

Габриэль почувствовал холод от дуновения ветра, теплее

закутался в плащ и, оглянувшись, бросил рассеянный взгляд на стоящую сзади него белую крепостную стену. Небо заволочли черные тучи, не только звездное сияние, но и лунный свет терялся и исчезал в этой ночной мгле. Габриэль удивился той отчетливой белизне стены, и опять какая-то мысль ускользнула от него. “Человек живет для того, чтобы умереть. А что есть смерть? Светлый, теплый день всегда кончается ночью...” – эта мысль, пришедшая на могиле дяди Луция, казалась на удивление ясной и отчетливой, но что-то в душе юноши сопротивлялось, не хотело принимать этот страшный приговор. Все его существо и полное жизни юное тело, будто не сдаваясь и крича, спорило с холодным и бесчувственным разумом. “Не может быть, чтобы все было так. Жизнь бескрайна, без начала и конца, она вечна.” Белизна стены еще раз осветила взор. Удивленный, Габриэль поднял голову и только сейчас заметил, как незаметно подкрался рассвет. Темная ночь на его глазах постепенно таяла, уступая место дневному свету. Рождался новый день, будто новая жизнь. «Смерть – это рождение», – от этой неожиданной мысли Габриэль чуть не подскочил и в тот же миг та раздвоенность, которую переживала его душа, исчезла, испарилась. “Смерть – это конец старому, но она же и начало новой жизни, она также необходима, как и жизнь, потому что смерть и жизнь порождают друг друга. Выходит, эти ночные сумерки – вестник рассвета, а смерть – это рождение...” Юноша невольно вспомнил слова из Евангелия, ко-

которые покойный дядя часто любил повторять: “Зерно пшеницы, которое упадет в землю и не умрет, останется одно, а если же умрет – принесет много плодов”. О, как хорошо он теперь понимал смысл этих слов! Габриэлю показалось или, действительно, послышался доносящийся из дальних деревень утренний крик петуха. Природа перед его глазами просыпалась, наполнялась новой жизнью и теплом.

.....

.....

После похорон дяди Габриэль оставил Капитолий и поселился у его подножья, в высеченной в скале пещере. В деревне он нанял крестьян и с их помощью перенес сюда тот маленький скарб, которым владел: несколько пар обуви, деревянный стол, пару стульев, циновку и сундук, на дне которого вместе с другими семейными реликвиями хранилась и летопись их рода, написанная на пожелтевшем пергаменте. Шли годы, Габриэль жил в пещере у подножья горы, питался плодами, растущими здесь же, читал старую летопись и наслаждался красотой и многообразием природы. Никто не знал, сколько лет провел он в этой пещере, сколько людских поколений сменилось с тех пор, как он поселился здесь, да он и сам потерял счет времени, даже позабыл, откуда он пришел и зачем.

Однажды два всадника остановились у входа пещеры.

Они выглядели уставшими, но их раскрасневшиеся от горного воздуха щеки и весело светящиеся глаза выдавали молодой жизненный задор.

– Здравствуй, дед, не примешь путников под свой кров?

В глубине пещеры пошевелился сидящий у костра старик, и встав, двинулся на встречу гостям.

– Заходите, гости от бога.

Затем все трое уселись вокруг костра. Гости с любопытством следили за стариком, потом один из них нарушил тишину и, указав на себя, сказал:

– Я сам из здешних мест, живу внизу в деревне, мой товарищ попросил показать Капитолий, и я выполнил его просьбу. А ты здесь сколько лет уже живешь?

– Откуда я помню, да разве и не все равно? Там, наверху, на склоне горы, должна стоять крепость, вы ее видели?

– Никакой крепости в этих местах нету, да и от старших ничего про нее не слышали.

– Я так и знал, – Габриэль опустил голову и замолчал.

– Ты, дед, что, слышал про эту крепость? Расскажи, лучше тебя о здешних местах никто не расскажет. Мы для того и приехали к тебе, чтобы услышать из твоих уст уже забытые старые истории.

Лицо старика оставалось неподвижным.

– Ничего не помню.

– Ты ведь только что говорил о какой-то крепости.

Габриэль сидел молча, сморщив лоб, потом поднял голову и старческим хриплым голосом заговорил:

– Иногда будто что-то вспоминаю, но не знаю, со мной ли это происходило или от других слышал. На верху, на горе, двое, старик и ребенок, строили крепость. В течение многих лет трудились они, не боясь ни зимней стужи, ни осенних ветров, ни летнего зноя, и несмотря на все, построили крепость, а когда работа была закончена, старик заболел и умер, а ребенок вырос и уехал из здешних мест. Оставшуюся без присмотра крепость крестьяне разобрали для починки своих домов. Но, может, все это еще не произошло, и мой ответ преждевременен.

– Что значит, преждевременен, как это понимать? – спросил один из них.

– То, что происходило в прошлом, обязательно произойдет в будущем, и не важно, когда строилась крепость. Главное, что старик и ребенок строили ее. И не имеет значения, со мной все это происходило, или слышал от других, – старик опять замолчал, потом, будто что-то вспомнив, ожил лицом и взял со стола старый пергамент. – Я прочту вам одно очень странное письмо. Много веков назад написала его рука человека. Кто написал и в связи с чем – теперь никто не узнает, да и само письмо истлело, многие слова стерлись, и только одна фраза дошла до нас из глубины веков. Вот, прочтите сами, – старик протянул гостям пожелтевший лист.

Те взяли письмо, и внимательно изучив его, прочли: “... Наша любовь породила смерть...” Подняв голову, они с удивлением посмотрели на старика и произнесли:

– Но этого не может быть. Любовь рождает жизнь, а не смерть, так было, есть и будет всегда.

Габриэль стал на ноги, медленно вышел из пещеры, нагнулся, поднял с земли, пожелтевший прошлогодний цветок и обратился к молодым людям:

– Посмотрите на это растение. Оно полностью прошло свой жизненный путь, – при этих словах старик с какой-то теплотой обласкал увядший цветок, – оно родилось на лоне природы, кормилось от земли и весеннего дождя, боролось с непогодой, летним зноем, градом и ветром, цвело, своим благоуханием привлекало пчел, разбрасывало вокруг себя плоды, осенью же живительные силы его исчерпались. И оно постепенно высохло и увяло, – старик поднял голову и посмотрел на путников. – Придет время, и из этого высохшего цветка вырастет новый цветок. Это и есть жизнь и смерть. День кончается ночью, а ночь рождает новый день. Прошлое лежит в будущем, будущее – в прошлом, а настоящее ведет одновременно диалог с прошлым и будущим. Именно в этом и заключается великая Тайна Бытия.

Старик еще долго жил у подножья Капитолийской горы. В течении многих лет он с жадным любопытством наблюдал отсюда за многообразием и красотой мира, потом смотрел равнодушно, позже он уже почти ничего не замечал и постепенно обо всем забыл.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В НИКУДА

«Все дороги ведут в Рим.»

Старая латинская поговорка.

Утро было хмурое, со стороны моря дул холодный пронзительный ветер. Поэтому поэт Овидий Назон, выйдя из дома, старательно укутался в теплый шерстяной плащ. Город только просыпался, и улицы были еще пустынные. Овидий шел по кривой улочке, которая спускалась к побережью и по обеим сторонам которой нависали серые обветшалые от времени и постоянных ветров дома, а на обочине возвышалась куча мусора. Поэт осторожно перешагнул через нее и даже приподнял полы плаща, чтобы не испачкаться. В нескольких шагах от берега улочка резко оборвалась, и перед глазами открылся бескрайний простор синего моря, вернее, в эти ранние часы море имело зеленоватый, а местами и вовсе темно-бурый цвет. Овидий медленно поднялся на прибрежную скалу и, сев на знакомый камень, с беспокойством оглянулся по сторонам. Совсем рядом сосед Диомед бережно чистил могильную плиту, и вид у него был такой, будто ухаживал за маленьким ребенком.

– Мир тебе, Диомед!

– Мир и тебе, Назон, – отозвался сосед и, отложив лопату, повернулся к поэту. – Я слышал, что вчера за мысом рыбаки видели трехпалубный римский корабль, кажется, он направлялся в нашу сторону.

– Может быть, – отозвался Овидий, – хотя в душе не верил, что в этом забытом всеми богами краю мог появиться римский или какой-нибудь иной корабль. За десять лет своей ссылки он твердо усвоил одну истину: обратной дороги из этой глуши нет и быть не может; и все-таки в течение десяти лет каждое утро он приходил сюда, на эту скалу, и часами просиживал в ожидании корабля, который приплывет из того мира, для которого он, поэт Овидий Назон, умер, и при том, умер давно. Чтобы отвлечься от этих мыслей, он перевел разговор на другую тему:

– Не знаешь, почему эту могилу вырыли на прибрежной скале?

– Во-первых, это самое высокое место на побережье, и во время шторма морским волнам сюда не достать, да к тому же отсюда лучше всего видно морскую даль, за которой так любил наблюдать покойник.

– И кем же был этот человек?

– А разве ты не знаешь? – удивился Диомед.

– Слышал, что был ссыльным или эмигрантом, но подробностей не знаю.

– Это был великий человек и непобедимый воин, в своих походах дошедший до египетских пирамид и снежных пустынь далекой северной страны, а вот свой конец нашел здесь, на этой прибрежной скале.

– И что же начертано на могиле непобедимого воина? – Овидий приподнялся со своего камня и подошел к надгробию, пытаясь прочесть старую, наполовину истертую надпись. «В конце-концов, побеждает только смерть...», – медленно, по слогам произнес он.

– Это уж точно, – горько усмехнулся сосед.

– Диомед, мне завтра исполнится шестьдесят лет.

– Поздравляю.

– Глупо быть поэтом в таком возрасте. Поэт должен умереть молодым, и я не боюсь смерти, но умереть здесь, в этой

глуши, где даже время остановилось, нет, не хочу. В городе все смеются надо мною, считают сумасшедшим. Говорят, что никакого Рима не существует, и все это плод моей большой фантазии. Порою я начинаю сомневаться в себе самом, — беспомощно вздохнул поэт. — Трудно верить в то, во что кроме тебя никто не верит.

Назад они возвращались вдвоем, оживленно беседуя. Овидий объяснял соседу, что означает известное выражение «Все дороги ведут в Рим», которое в этом городе сам же и пустил в обиход, после чего стал разбирать разные реалии из римской истории. Так за разговором оба не заметили, как вошли в город.

. . . . .
. . . . .

Случилось то, о чем Овидий мечтал все долгие годы и что, тем не менее, никак не должно было случиться. Диомед, оказалось, говорил правду: на следующее утро у причала стояла настоящая римская галера, и стяг с серебристым орлом развевался над ее мачтой. Сойдя с корабля, матросы оживленно общались с местными жителями, ведя с ними бойкую торговлю. В это время с палубы на берег спустилась

какая-то важная особа в белой тоге с пурпурной каймой в сопровождении четырех ликторов, скорее всего, сенатор с полномочиями проконсула. Соседи и знакомые при виде поэта приветственно улыбались, хлопали по плечу, некоторые даже пожимали руку.

– Ты оказался прав, Овидий, твой Рим, действительно, существует, это не твоя выдумка.

– Кто бы мог подумать, выходит, ты один был прав, а мы все ошибались

– Радуйся, это твой день, Назон!

Десять лет Овидий ждал этого дня. На пристани стоял корабль, приплывший из того мира, в существование которого кроме него никто не верил; но как ни странно, теперь старый поэт ничего не чувствовал. Он даже не попытался подойти к прибывшим соотечественникам, а только молча повернулся и медленным шагом направился обратно в город.

Поздно вечером старый поэт вернулся назад и бесшумно подкрался к кораблю. Луна еще не показалась, и вокруг царил кромешная тьма. Берег был пустым, тишину нарушал только шум тихого прибоя. Черные волны лениво лизали береговую полосу и неспешно откатывались назад, а силуэт ко-

рабля едва вырисовывался на фоне темного неба. Овидий, привязав небольшой сверток с вещами к поясу, вцепился за одну из спущенных с судна веревок и полез наверх. Оказавшись на корабле, он устроился на корме под перекрытием, где хранились высушенные шкуры и наполненные оливковым маслом глиняные амфоры. Подстелив под себя мягкий овечий тулуп, он лег и стал прислушиваться к тихому плеску волн за бортом. Палуба корабля была пустая, вероятно, все уже отдыхали. Овидий знал, что ранним утром, снявшись с якоря, корабль отправится в обратный путь; моряки, конечно, обнаружат его на следующий же день, но будет уже поздно: из-за него одного судно не повернет назад; и так или иначе, его десятилетняя ссылка закончится. Что ждет его впереди – здесь тоже все было предельно ясно. Теперь он государственный преступник, сбежавший из ссылки, и по прибытию домой подлежит немедленной казни. Но перед смертью он увидит свой родной город и там умрет. Что

ж, Овидий был готов к этому. Рим был его родиной, его миром, единственным местом на земле,

где он хотел жить и умереть. Отогнав от себя эти мысли, поэт поудобнее устроился среди овечьих шкур и постарался прислушаться к доносившимся из каюты голосам. В планы его не входило быть обнаруженным до выхода корабля в море, поэтому приходилось быть настороже. Он напряг слух и

теперь отчетливо мог разобрать даже смысл разговора. Моряки непринужденно беседовали за столом, попивая вино. Проконсул давал какие-то указания своим ликторам на завтра. Стараясь не шуметь, Овидий осторожно придвинулся к стенке каюты и стал внимательно прислушиваться. Что-то было не так, только он никак не мог понять, что именно. И вдруг, как пораженный громом, с открытым ртом застыл на месте: до него постепенно начал доходить смысл услышанного.

– Завтра утром снимемся с якоря, выйдем в море, и нашей игре конец. Нужно проследить, чтобы все прошло благополучно.

– Странно, что Овидий ни разу не попытался пообщаться с нами, даже не подошел к нам, – заметил один из моряков.

– Поэты – люди странные, поди пойми истинные мотивы их поступков.

– Зачем тогда все это нужно было, я имею ввиду наш розыгрыш: изображать из себя каких-то несуществующих римлян, поддакивать фантазиям этого Овидия? Мне кажется, глупо все это, – возразил один из ликторов.

– Мы же все люди, – развел руками лжепроконсул, – а беда

людей заключается в том, что в отличие от других существ они устроены иначе: им мало довольствоваться только едой, питьем и кровлей.

– Это правда, – вставил слово один из моряков, – человеку, например, мало просто совокупляться и получать от этого удовольствие, он ищет еще какую-то там любовь, хотя зачем она нужна ему и что это такое – никто не может объяснить, даже поэты.

– Вот именно, – подхватил лжепроконсул, – человеку мало довольствоваться обычными жизненными радостями, ему подавай еще и смысл жизни. Иногда он есть, пить, спать не будет, пока не узнает, зачем все это, ради чего он живет на свете. А смысл жизни заключается в том, что в ней нет никакого смысла. Ты живешь просто потому, что живешь, а потом стареешь и умираешь – какой же тут смысл? Но люди не могут с этим смириться и потому носятся с разными причудами как курица с яйцом. Диомед придумывает странные рассказы, а наш поэт выдумал себе Рим – великий и вечный город – и уже как десять лет живет и грезит им. На самом деле, мы-то с вами знаем, что нет никакого Рима, да его никогда и не было: все это – всего лишь плод воображения нашего поэта. Для справедливости надо отметить, что благодаря этим причудам Овидий подарил нам много великих и прекрасных стихов. Мы ведь тоже люди, нам бы не понять

эти людские слабости. Потакая им, сами находим оправдание собственного существования.

Овидий внимательно слушал весь разговор за стеною. Теперь на склоне лет он наконец-то услышал ту истину, которую искал всю жизнь. И жить теперь приходилось, зная эту истину. Стараясь не шуметь, он тихо встал, по веревке спустился с корабля и через миг растворился в ночной темноте.

К О Н Е Ц.

Заза Двалишвили

